

ГОВОРЯТ ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛ
www.argumenti.ru - выходит по четвергам

ЗАО «СВР – Медиа»
Москва, 2010

УДК 930.2
ББК 63.3(2)622.78
Г 11

Авторы идеи
Андрей Марсий
Елена Зенина
Олег Желтов

Координатор проекта
Александр Прорвич

Автор-составитель
Сергей Макарович Крамаренко,
Герой Советского Союза, генерал-майор авиации,
почетный профессор РАЕН, академик РАСИ

Редакционная группа
Камиль Феткуллин
Елена Козинова

Финансовая поддержка выпуска книги
Андрей Марсий
ООО «Красное Агро»
(Липецкая область Краснинский район)

Г 11 ГОВОРЯТ ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ. ДИАЛОГ ПО-
КОЛЕНИЙ. Сборник интервью и воспоминаний участников
Великой Отечественной войны. М.: ЗАО «СВР – Медиа»,
2010. – 288 с.
ISBN 978-5-91194-008-9

Книга распространяется бесплатно.

УДК 930.2
ББК 63.3(2)622.78

ISBN 978-5-91194-008-9

© ЗАО «СВР – Медиа», 2010

Уважаемый читатель!

В 2010 году самому молодому солдату, призванному в 1941 году на фронты Великой Отечественной войны, исполнится 87 лет...

Ее участники, ныне живущие – 642 000 человек, это меньше 0,5% от населения России...

Не больше 50 участников Парада 7 ноября 1941 года смогут стать свидетелями 65-го Парада в честь Дня Победы в 2010 году. Это при том, что за годы Великой Отечественной войны военную форму надевали 34,5 миллиона человек или почти каждый пятый гражданин СССР..

Каждый день уходят от нас ветераны, и очень скоро – мы даже не успеем оглянуться – нам не у кого будет спросить: «А как это было, расскажи...» И мы будем горько жалеть, что не успели задать этот вопрос чуть раньше, пока еще не было поздно.

Ценности нашего общества со временем меняются, но мы уверены, что, несмотря на потрясения 90-х годов, напряженный ритм современной жизни, такие простые вещи, как уважение к старшим, знание истории своей семьи, чувство долга и собственного достоинства, возобладают над цинизмом и безразличием современности. Уже много сделано для улучшения жизни ветеранов войны со стороны государства, местных органов власти, – нужно отдать им должное, но материальная помощь не заменит выражения искреннего, живого интереса детей к прошлому родителей. Задайте же и Вы вопрос своим старикам об их тяжелом военном и послевоенном прошлом и узнайте о подвиге из первых уст, так как это сделали молодые журналисты «Аргументов недели».

Книга посвящается нашим отцам и матерям, дедушкам и бабушкам, отстоявшим нашу свободу и благополучие ценою своей жизни и здоровья. И будем же мы – дети достойны их Подвига, и будем помнить о них вечно, и помогать им, куда они с нами.

С уважением

Автор идеи
Андрей
МАРСИЙ

Главный редактор
газеты
«Аргументы недели»
Андрей УГЛАНОВ

ПОМНИТЬ И БЫТЬ ДОСТОЙНЫМ

ИНТЕРВЬЮ

Из поколения в поколение

*Забыли зеленые склоны
О пламени черных ночей.
И в поле не встретишь воронок,
Не встретишь заросших траншей.
Но помнят еще ветераны
Друзей, что в бою сражены.
На сердце глубокие шрамы
Оставили раны войны.*

*Проносится юности ветер,
И склоны опять зелены.
Давно уже выросли дети,
Рожденные после войны.
Давно они стали отцами —
Седин пробивается свет.
Но битвы тревожное пламя
В их души впечатало след.*

*И в пламени этом бесстрашие
И горе огромной страны.
Мы внукам и правнукам нашим
Расскажем о правде войны.*

Б. ДУБРОВИН

Надежда Попова, 1945 г.

Н.В. ПОПОВА:
**Нас называли
ночными ведьмами
в небе войны**

Таких, как Надежда Попова, немцы называли «ночными ведьмами». Летчица единственного в мире полностью женского авиаполка ночных бомбардировщиков, сформированного в 1941 году личным приказом Сталина, совершила 852 боевых вылета в тыл врага. На открытом фанерном самолете, не защищенном от снега и дождя, она бомбила скопления врага, стараясь забыть о постоянно грызущем страхе перед смертью.

Ей удалось не только выжить в этой войне, но и найти любовь всей своей жизни на полях сражений.

—Н АДЕЖДА Васильевна, как для Вас началась война?

— Как ураган, она ворвалась в нашу жизнь и все разрушила! 22 июня в полдень я гладила платье, чтобы пойти на танцы, а потом — в театр. В этот момент по радио стали передавать сообщение Молотова о том, что враг напал без объявления войны и подверг бомбардировкам наши города. У меня даже руки задрожали... Ну какие после этого танцы? Вечером у театра собралась молодежь и начала обсуждать положение дел. У всех был один вопрос: «А что будет дальше?» Большинство хотели идти добровольцами на фронт, воевать за страну.

К началу войны я после Херсонской летной школы и До-

нецкого военного авиационного училища готовила летчиков-истребителей для фронтовой авиации. Когда Герой Советского Союза Марина Раскова занялась формированием трех женских авиаполков, я, конечно, тут же попросилась туда, в 588-й полк ночных бомбардировщиков.

— Почему именно такой выбор? Был еще истребительный и полк пикирующих бомбардировщиков.

— Знала, что этот авиаполк первым отправят на фронт. А откладывать не хотелось. Правда, самолеты там были не ахти какие: открытые, тихоходные, в кабине не развернешься. Они назывались сначала У-2 (учебный), а потом ПО-2 (по имени конструктора Поликарпова). Из-за невысоких

скоростей, которые они развивали, приходилось летать только ночью: днем самолеты были обречены, от врага не уйдешь. К сожалению, мы летали без парашюта. В армии тогда много чего не хватало...

— И как же Вы летали: ведь если собыют, уже не выпрыгнешь! Думали об этом тогда?

— Некогда было раздумывать. Но, естественно, было нелегко. Ведь мы все обычные живые люди! На моих глазах, сбросив бомбы, погибла летчица, которую поймали вражеские прожектора. Они держали самолет в своих щупальцах, ослепляя летчицу и засвечивая приборы. Немцы открыли по ней настоящий «ливень» огня! Самолет сгорел вместе с девушкой. И я ничем не могла помочь! Другие наши девушки, москвички Таня Макарова и Вера Белик, у меня на глазах упали прямо в траншеи советских войск, атакованные немецким истребителем...

— А Вы какой из своих вылетов считаете самым тяжелым?

— Их было 852. Разве можно какой-то один назвать? Каждый полет давался очень трудно. Трудно было избегать прожекторов, уходить из-под обстрела и летать на разведку погоды, попадая в снег, в гро-

зу или в непроглядную темень. А без этой разведки весь полк не выпустишь: опасно.

Мой боевой путь включает Донбасс, Северный Кавказ, Крым, Белоруссию, Польшу и Германию. Под Варшавой 16 боевых вылетов пришлось делать, всю ночь не вылезая из кабины самолета. Прилетаю и сразу же лечу по другому маршруту. Это было очень тяжело и морально, и физически. Но всех нас подстегивала вера в Победу!

— Правда, что Вы свою первую любовь нашли в небе?

— На моих глазах, сбросив бомбы, погибла летчица, которую поймали вражеские прожектора. Они держали самолет в своих щупальцах, ослепляя летчицу и засвечивая приборы.

— Не совсем в небе, но оба мы летчики. С Семеном Харламовым мы познакомились жарким летом 42-го, под Майкопом.

Мой самолет был подбит, и я оказалась вместе с нашими отступающими частями в Черкесске. Вижу, сидит летчик с полностью забинтованной головой, читает «Тихий Дон». Рядом лежит гимнастерка с засохшими пятнами крови. Я скромно представилась. Жалко его стало! Думала, что у человека с та-

Надежда Попова с мужем Семеном Харламовым

ким серьезным лицевым ранением и от лица-то ничего не осталось. Стали общаться. Развлекала его, как могла: все песни перепела, которые знала, все шутки вспомнила. А потом нашли местонахождение моего полка и за мной прислали самолет. Только и успела крикнуть: «588-й полк! Пишите!»

В следующий раз встретились с ним в Баку, и опять совершенно случайно! Мой полк базировался в Ассиновской, под Грозным. В Баку ездили ремонтировать самолеты. Я приехала ставить дополнительный бачок, чтобы можно было дальше летать на разведку.

Смотрю, идут несколько легчиков. В стоптанных сапогах, с куртками пробитыми. Среди них Сеня! Удивлению моему не было предела! Потом уже он нашел меня сам, на аэродроме. И я впервые увидела его без повязки, такого веселого и красивого! От радости поцеловала в щеку. Он был ошарашен: не ожидал! Как потом рассказывал, после этой нашей короткой встречи заблудился и забрел на кладбище вместо своего КП (командного пункта). А 23 февраля победного 1945 года я увидела его фамилию в одном списке со своей — это был Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза.

В мае, когда закончились военные действия, Семен приехал ко мне на служебной машине и пригласил посмотреть Берлин. Он был уже командиром полка. Никогда не забуду картину, которую мы наблюдали у Рейхстага! Наши солдаты стоят запятые, со слезами на глазах и, опираясь о стены, клянут войну, клянут Гитлера. Плачут, что нет у них больше семей и домов! Мы с Сеней взяли осколок и оставили на стене свои подписи: «Надя Попова из Донбасса» и «Семен

Харламов. Саратов». А потом он предложил мне никогда больше не расставаться. Вот уж не думала, что война, которая причинила столько горя, окончится для меня образованием счастливой семьи!

— **Такую женщину невозможно было не полюбить: легендарная «ночная ведьма», красавица, Герой...**

— Наверное (смеется). Меня вовсе не обижало, что немцы называли нас «ночными ведьмами»: это было лестно. Значит, боялись. И я горжусь этим, ведь мы боролись за правое дело! Это отмечал в женщинах нашего полка и маршал Рокоссовский. Он говорил: «Нас, мужчин, всегда поражало бесстрашие летчиц, которые поднимались в воздух на тихоходных самолетах У-2 и изнуляли врага бесконечными бомбардировками. Одна в ночном небе, под сильным зенитным обстрелом, летчица находила цель и бомбила ее. Сколько вы-

летов — столько встреч со смертью».

Свет любви

*Опять сегодня — на войне,
Где горе и беда,
Опять люблю тебя,
И мне
Не страшно, как тогда.*

*И ты опять —
мой добрый свет,
Что ровен и крылат.
Где успокоенности нет
И никаких преград.
Опять живу, тепло ценя
Оставшихся минут.
Пусть голод, холод,
Пусть меня
Враги в окопах ждут.*

*Пусть мина
И болото пусть
Раскроется, топя...
Не отступлюсь,
Не захлебнусь,
Ведь я люблю тебя.*

Б. ДУБРОВИН

Юрий Колесников в тылу врага, 1943 г.

Ю.А. КОЛЕСНИКОВ: **Под грифом «секретно», или как работали советские разведчики**

Как разведчик, Герой России Юрий Колесников немногословен, отвечает только после основательных размышлений, четко и коротко. Это неудивительно. Ведь такие люди говорить попусту не привыкли, иначе их деятельность просто не имела бы смысла.

— ЮРИЙ Антонович, разведка — это образ жизни?

— Здесь нет однозначного ответа. Я бы сказал так: разведчик должен обладать определенными чертами характера. Быть предельно внимательным: подмечать любую, даже незначительную деталь, обладать выдержкой, уметь играть и, прежде всего, отстаивать интересы Родины. Перед началом войны я учился в авиационной школе «Мирча Кантакузино» в Бухаресте после лицея в родном Болграде, а вечерами подрабатывал там же мойщиком машин в гараже «Леонида и компания» на бульваре Бракиану. Гараж был непростой. Туда часто заезжали немецкие машины, привозившие из Германии оружие для румынской армии. Я по-приятельски общался с водителями (немецким владел неплохо), то и дело получая от них полезные сведения.

— Главное, что удалось выяснить в ходе этой работы?

— Что в войне против СССР предполагается участие Румынии в союзе с Германией. Выяснял, какое поставляется оружие, боеприпасы, прислушиваясь к разговорам немецких водителей.

Война застала меня в 25-м погранотряде на Дунае. В ходе масштабного отступления наших войск в Одессе формировалась диверсионная группа. Туда попал и я. Мы взрывали здания, в том числе заводы, чтобы они не достались врагу. Представьте, каково это: уничтожать то, что потом и кровью сооружалось руками твоих соотечественников, работало на нужды страны! Учились взрывать так, чтобы внутри ничего не осталось, а стены стояли. Чтобы, когда вернемся (а мы надеялись вернуться), не с нуля строительство начинать.

Юрий Колесников (слева) с Сидором Ковпаком

— Где Вас готовили к нелегальной работе во вражеском тылу?

— Я учился в Уфе на спецкурсах, несколько месяцев. Сначала в советской группе, а затем был переведен в немец-

Альвин Майер, Рихард Краймер и еще несколько. Была еще одна семья: муж — японец, жена — европейка. Шикарно одетые! Я здоровался с ними по-французски. Хотя дисциплина у нас была очень строгая, не до общения. Сидя в огромной столовой за едой, в основном, молчали.

— А что было потом, после учебы?

— Я прибыл в Москву, в наркомат гос-

безопасности. И в марте месяце в составе группы из 28 бойцов и командиров отправился в глубокий тыл врага. При помощи рации я связывался с Москвой как минимум два раза в неделю. Мы устанавливали связь с

Меня наградили именованным оружием и разрешили в качестве трофея взять машину генерала себе.

кую. Вместе со мной проходили учебу немцы, недовольные фашистским режимом, участники испанской кампании, после победы Франко попавшие в Советский Союз. Их было человек шесть-семь: Отто Хеслер,

Группа партизан дивизии Ковпака. Юрий Колесников второй слева, Петр Вершигора пятый слева

подпольщиками, взрывали мосты, совершали нападения на немецкие гарнизоны, ж/д составы, пускали под откос немецкие эшелоны. Наша группа состояла, в основном, из спортсменов обществ «Динамо» и «Локомотив». Многие — заслуженные мастера спорта. Абсолютно все — высокопорядочные, надежные и отважные люди.

— В 1943-м Вы воевали с такими легендарными партизанами, как Вершигора и Ковпак. Можете о них рассказать?

Вершигора был человек искусства. До войны окончил кон-

серваторию и кинематографическое училище. И Ковпак его поддразнивал, шутливо «экидемиком» называл. Вершигора был необыкновенно обаятелен, в нем все это отмечали. Этот человек буквально притягивал к себе и мгновенно завоевывал расположение. Ковпак... стар, мудр, плоховато знал русский, но обладал феноменальной памятью. Раз что-нибудь услышит — повторять ему уже не надо. И оба были прирожденными полководцами. В 1943-м партизанское соединение было переименовано в 1-ю украинскую партизанскую дивизию

имени дважды Героя Советского Союза С.А. Ковпака. Когда я воевал под командованием Вершигоры (Ковпак в 43-м был серьезно ранен), моему отряду в несколько десятков человек на полустанке Савонн удалось захватить три эшелона с танками и самоходными артиллерийскими установками, более тридцати машин, штабные документы и оружие! Это был очень удачный налет!

За все это время в дивизии я занимал должности помощника начштаба по разведке, начальника разведки полка и командира полка. Вспоминаю такой случай. Когда я был начальником разведки полка, летом 44-го в Белоруссии мы с ударной группой разведчиков направлялись на связь с нашими частями, подступающими к городу Мосты. Видим, едет немецкая машина. Я, одетый в фашистскую форму, попытался ее остановить, но безрезультатно. Тогда открыли огонь. Автомобиль полетел в кювет, и мы пленили немецкого генерала и его водителя. Меня наградили именным оружием и разрешили в качестве трофея взять машину генерала себе.

Я передал пленных начальнику штаба батальона. Их поместили в курятник под охраной. Там, где их заперли, было маленькое оконце, заткнутое мешком сена. Но в темноте охранни-

ки не обратили на это внимания. Они вытолкнули мешок, водитель посадил генерала и помог ему выбраться! А сам не пролез: здоровый был, таких ладоней я ни разу в жизни не видел...

— **Вы гораздо охотнее рассказываете про свою партизанскую деятельность, нежели про разведработу в немецкой среде. Где Вы работали после окончания войны?**

— Далеко... Очень далеко! Но головой и сердцем я всегда был в своей стране. Вообще убежден, что войну мы выиграли именно благодаря патриотизму.

***

*Броню проломленную плава
И оглушительно гремя,
Нас опрокидывало пламя
Артиллерийского огня.*

*Под старт испепеленным
травам
Судьба солдатская была.
Пожарищ сполохом
кровавым
Спалило молодость дотла.*

*Не потому ли так упорно
Благословляем тишину —
Живые памятники
мертвым —
Мы, победившие войну.*

Б. ДУБРОВИН

Сергей Долгушин

С.Ф. ДОЛГУШИН:
**Самое страшное,
когда теряешь
боевых друзей...**

Герой Советского Союза Сергей Долгушин совершил около 500 боевых вылетов, из них 120 – на штурмовку и 86 – на разведку, в воздушных боях сбил лично 17 и в группе – 11 самолетов (по официальным данным).

— СЕРГЕЙ Федорович, а Вы помните свой первый бой?

— Это невозможно забыть. Он случился в первый день войны. Ранним утром 22 июня 1941 года наш 122-й истребительный авиационный полк был поднят по тревоге. Летчики поспешили к своим «ишачкам» (так мы называли новейшие последние две пушечно-пулеметно-ракетные модификации истребителя И-16 – 22-й и 24-й серии). Под непонятный гул, доносившийся от проходившей в 17 километрах границы, мы с немногочисленным техперсоналом поторопились поставить на самолеты вооружение. Вскоре самолеты были готовы, и, когда в 4.20 над аэродромом появились немецкие истребители Me-109, я услышал «Долгушин со звеном – в воздух!».

Один наш И-16 уже горел. Я начал разбег, но плохо прогретый мотор самолета не тянул, поэтому в конце полосы при-

шло развернуться и взлетать в противоположном направлении. Здесь-то, без скорости, с еще необстрелянными шасси, меня атаковали «мессера» и стали расстреливать, как на полигоне. Самолет получил 16 пробоин. Так начался мой первый бой.

Я оказался одним из немногих, кому удалось подняться в воздух.

В этот первый день войны задания сменяли одно другое: прикрыть мосты (автомобильный, называемый теперь Старым, и железнодорожный через реку Неман) в Гродно, сходить на разведку к границе, лететь на другой аэродром, вернуться...

К концу дня я сделал, наверное, вылетов семь. Прилетаю в Черлены, а там оказалось, что немцы взлетно-посадочную полосу разбомбили. Затемно прилетел в Лиду: все взлетное поле перекопано – там строили бетонную полосу. Можно было сесть только на одну узкую по-

лоску, на которую и днем-то трудно приземлиться. Но уровень подготовки летчиков был такой, что ни один из нас не разбился! Летчики все устали, целый день ничего не ели, ну и моральное состояние, сами понимаете. А утром нас проштурмовали Me-110. Самолетов на рулежке было еще много. Одного летчика убили в кабине – в голову попали. И командира дивизии ранили в живот, он умер на следующий день. В тот день Me-110 уничтожили все, что было на земле. Два полка перестали существовать...

А летчики отправились в тыл за новой техникой в Москву.

Так я оказался в Рязани, в эскадрилье, командиром которой был Герой Советского Союза капитан Семенов.

— А помните первый сбитый Вами фашистский самолет?

— Сразу после прибытия в Рязань меня назначили командиром звена. Сразу же вступили в бой. Ситуация была тяжелая, но мы уже пришли в себя и бои были более успешные. 26 июля, сопровождая Пе-2, бомбившие войска под Ельней, я вступил в бой с четверкой Me-109. Один Пе-2 сбили, двух других мне удалось прикрыть, и они ушли пикированием. А меня загоняли, но к одному «мессе-

ру» я пристроился, пулеметом «ШКАС» винтовочного калибра навел, пристрелялся, а на поражение уже бил из крупнокалиберного пулемета «БС» до тех пор, пока «мессер» не стал заваливаться. В другой ситуации я бы сообразил, что хватит, пора самому уходить – летчика убил, машина неуправляема, а я продолжаю метров с двадцати бить по нему. Дело было под вечер уже, мой пятый или шестой вылет – дрался с врагом отчаянно и дождался, когда и по мне стукнули. Машина загорелась. Расстегнул ремни и не

В тот день Me-110 уничтожили все, что было на земле. Два полка перестали существовать...

заметил, как отдал ручку от себя. Меня выбросило из кабины самолета и ударило о киль, при этом я разбил грудь. А парашют рано распустил. «Мессера» стали стрелять по мне, но пробили только купол. Спустился рядом со сбитым «мессершмитом», подошел к нему: меня интересовало, пробил ли я бронеспинку. Самолет вошел почти вертикально, в бронеспинке – четыре сквозные пробоины. Вот тогда-то я окончательно понял, что летчик был убит в воздухе.

— А много ваших друзей-летчиков погибло тогда в первые дни войны?

— С нашей стороны очень много было потерь. Тогда много полегло наших — и знакомых, и незнакомых летчиков. Я до сих пор не могу смириться с потерей своего боевого друга Сергея Макарова. Нас с ним в один день представили к званию Героя Советского Союза. Познакомились мы с Сергеем в августе 1941 года, когда наша эскадрилья приземлилась на аэродроме Селы (70 км западнее Ржева) и вошла, как вторая, в 180-й истребительно-авиационный полк. Тогда же в эскадрилью пришел мой тезка и близкий друг Сергей Макаров, вместе с которым мы провели в воздухе немало удачных боев.

— А за что Вам дали звезду Героя?

— За бои под Москвой. Полк наш отходил на восток и вскоре оказался на аэродроме Борки на северной оконечности канала имени Москвы. Наряду с чисто истребительными задачами мы чаще стали летать на штурмовку и разведку, а к началу декабря уничтожение войск стало основным делом для полков авиации под Москвой. Этому способствовало снижение активности частей люфтваффе, которое советские летчики объясняли неготовностью немецкой техники к морозам.

В конце ноября истребили эскадрилью, обязанности

командира которой я временно исполнял, вылетели на штурмовку аэродрома Лотошино. Самолетов противника там не оказалось, но на обратном пути встретились с группой Ме-109, возвращавшейся после столь же неудачного налета на Борки.

В районе Клина начался воздушный бой. В результате три «мессера» было сбито, но и самолет Макарова с остановившимся мотором стал снижаться.

Летчик сел на полевым аэродроме вблизи Клина, где пока не было немецких самолетов. Прикрывавший в тот момент друга, я увидел, как по летному полю приближаются автомашины с немецкими солдатами. И я решил садиться. Сел. Макаров с трудом пристроился в кабине моего «Мига» (одна нога оставалась за бортом), и под автоматными очередями немец самолет взлетел.

В начале января 1942 года я был официально назначен командиром эскадрильи, в которой теперь были не только МиГи, но и ЛаГГ-3, а через месяц я узнал, что за тот ноябрьский бой командир 180-го истребительно-авиационного полка майор Хлусович подписал на Макарова и меня представление к званию Героя Советского Союза. К этому моменту я уже имел 185 боевых вылетов.

5 мая 1942 года мне было присвоено звание Героя. Тем же указом стал Героем и Сергей Макаров, но посмертно — он погиб в феврале. Не поверите, но этот день остался в моей памяти как самый тяжелый за всю войну. Так было тяжело осознавать, что Сережа так и не узнал, что ему присвоили самую высокую награду страны. Позже я участвовал в очень многих кровопролитных сражениях — при освобождении Белоруссии, Польши, в Северной Германии... Был ранен, не раз меня сбивали, но меня уже ничего не могло испугать. Самое страшное, когда теряешь боевых друзей...

***

*Мы насыпали землю
малой мерой:
Штыком копнешь
и сыплешь котелком...
Мы звезды вырезали
из фанеры
И прибивали их
над бугорком.
Немногословно павших
вспоминали
Процеженные решетом
войны.*

*Но так друзья спокойно
умирали,
Как будто будут снова
рождены!*

ПРИПЕВ:

*Когда земля таких людей
забрала,
Каких взамен она должна
родить,
Терявшие товарищей немало
О смерти не любили
говорить...*

*Высоких слов о долге
не роняли,
Стояли насмерть в бешеном
бою,
И так друг друга молча
прикрывали,
Как будто бы спасали
жизнь свою!*

ПРИПЕВ.

*Мы насыпали землю малой
мерой,
И сыпалась земля
из котелка...
Давно погасли звезды
из фанеры,
Но тихий свет сочится
сквозь века...
Б. ДУБРОВИН*

Борис Кравцов, май 1944 г.

Б.В. КРАВЦОВ: После всего пережитого ничего страшнее уже не может быть

Каждый день и каждая минута отдаляют нас от событий той страшной войны. Но для Героя Советского Союза Бориса Кравцова они не стали далекими. «Все это было как будто вчера», – говорит он, горько улыбаясь, и начинает рассказывать.

– БОРИС Васильевич, Вы попали на фронт весной 1942 года, в период отступлений Советской армии. Это сбilo настрой?

– К сожалению, да. После Одесского артиллерийского училища, меня направили на Юго-Западный фронт, командиром взвода топографической разведки артдивизиона. Настроение в войсках было довольно грустное. Нас готовили под лозунгом: «Если война, мы сегодня к походу готовы», учили «бить врага на его территории». А тут оборонительные бои и сплошные неудачи. Мы пытались атаковать, но безуспешно. В конце мая 42-го немцы нанесли мощнейший контрудар и оттеснили нас на восточный берег Северского Донца. Там было первое мое боевое крещение. «Мессершмиты» расстреливали отступающих с высоты всего 10–20 метров над землей. Горела техника, стонали раненые. Слу-

чалось, наши колонны опережали танки с тевтонскими крестами на броне. Они шли, куда и мы, к Сталинграду. Но немцы не обращали на нас никакого внимания. Наверное, думали, что мы и так никуда не денемся...

– **В те тяжелые моменты, что помогало Вам не сломаться, идти в бой, когда казалось, что все потеряно?**

– Товарищеская поддержка. Помню, когда отступали (а надо было идти быстрым ходом), один натер ноги так, что у него случилась истерика: он со слезами бросался на землю и кричал, что никуда больше не пойдет. Товарищи осмотрели раны, нашли ему другую обувь, в общем, помогли, чем смогли.

Мы вместе переживали смерть своих однополчан. Как сейчас, передо мной тот ноябрьский вечер, когда наш военфельдшер, всегда улыбочивый и спокойный Владимир Куценко мечтал о рыбалке в род-

ном Днепропетровске. Через несколько дней шестерка «юнкеров» атаковала наши огневые позиции, и он был убит из пулемета пикирующего самолета. Пули изрешетили ему спину. Вот так, не довелось Владимиру больше порыбачить на Днепре...

В конце 42-го период отступлений закончился. Особенно тяжелыми были бои на Украине. В сентябре 1943 года наши части освободили Павлоград и двинулись к Запорожью. В двухнедельных боях Запорожский плацдарм врага, наконец, удалось ликвидировать. Для нас,

Потом немцы, видимо, засекли нашу рацию – обрушили на блиндаж минометный шквал. Слышу: «Рус, сдавайся! Рус, капут!»

артиллерийских разведчиков, эти дни были ужасно напряженными. Немцы засели на Хортице. А мы, пристроившись на чердаке шестизэтажного запорожского дома, до рези в глазах всматривались в холмистую территорию острова: наносили на карту ориентиры, огневые точки противника. В один из вечеров в частном доме собрались свободные от дежурства разведчики. Играли в карты, танцевали под патефон с красивыми запорожскими девушками. Тогда и вызвали меня к командиру дивизиона с приказом форсировать Днепр и высадиться на Хортице. Это было как холодный душ!

– **И танцы прекратились на долго...**

– Боялся, что навсегда. Я должен был идти вместе со штурмовым батальоном и группой разведчиков, корректировать огонь артиллерии. Каждый из нас понимал: выжить один шанс из ста! Артиллеристы и минометчики плыли на третьем понтоне. На небе ни звезд, ни луны – полная темнота! Немцы стреляли наугад. Когда сели на мель, относительно молчаливый до этого берег превратился в ад. Мы разместили наблюдательный пункт в заброшенном блиндаже на нейтральной полосе. Всю ночь корректировали огонь левобережных батарей. За это время восемь атак отбили! Потом немцы, видимо, засекли нашу рацию – обрушили на блиндаж минометный шквал. Слышу: «Рус, сдавайся! Рус капут!» И замечаю ползущих к блиндажу фашистов. Решение возникло мгновенно. Я прокричал радисту: «Вызываю огонь на себя! Цель – наш НП!» Команда немедленно была передана в дивизион. В проходе в блиндаж взорвалась граната. Меня ранило в левую руку. Одновременно разорвались несколько снаря-

зиона с приказом форсировать Днепр и высадиться на Хортице. Это было как холодный душ!

дов, два в нескольких метрах от меня, третий попал в край блиндажных бревен, рухнула крыша. Это стреляли наши. Немцев смыло как дождем. Несмотря на ранение, я смог сражаться. Никогда еще день не казался таким долгим! У кого еще остались патроны, стреляли по немцам из автоматов, у кого не было, били штыками и лопатами. Но плацдарм отстояли.

Борис Кравцов с матерью Гликерией Львовной, 1944 г.

– Вы закончили воевать 31 декабря 1943 года, получив тяжелое ранение. Скорее всего, с тех пор в Новый год в памяти первым делом всплывает именно этот день?

– Конечно, я об этом дне никогда не забываю. Накануне мы получили подарки с тыла, в честь праздника. Это были теплые вещи, все, практически применимое и необ-

ходимое нам в тех условиях. Наша дивизия заняла хутор Владимирский. Я тогда лег в хате спать и размышляю: «До Победы вряд ли доживу, убьют. Лучше б ранило! А куда? Лучше б в ногу». И что Вы думаете?! Ранило в бедро на следующий день! Я наблюдал в бинокль за немецкими позициями. Хотел определить, из какой точки стреляют по селу. И в пяти метрах от меня разорвался снаряд. Всю стену хаты изрешетило осколками, в меня от ricochetил один от нее, перебил кость бедра и в ней остался. До сих пор не понимаю, как меня не убило тогда?

— Борис Васильевич, чему научила Вас война?

— Моей однокласснице, замечательной поэтессе Юлии Друниной, принадлежат памятные мне строки:

Для меня не беда — беда,
Потому что за мной война,
Потому что за мной встает
Тех мальчишек убитых
взвод...

Знаете, после всего пережитого жизненные неприятности и семейные неурядицы кажутся такой ерундой.

Год за годом

Год за годом... Который
уж год

Я ночами не сплю, как назло...
И не помню, чтоб ночь
напролет
Хоть бы раз мне поспать
повезло.

ПРИПЕВ:
А забудусь, и — странные
сны,
И какой-то несброшенный
груз...
Я еще не вернулся с войны
И, наверно, с нее не вернусь.

Год за годом растут сыновья,
Слышу внуков родных голоса.
Не сдастся невзгодам семья,
Испытаниям смотрит
в глаза.

ПРИПЕВ:
А забудусь, и — странные сны,
И какой-то несброшенный
груз...
Я еще не вернулся с войны
И, наверно, уже не вернусь.

Но, согретый семьи
теплотой,
Верю сердцем в грядущие дни,
Верю сердцем я в мир
молодой,
Верю внукам — все смогут
они.

ПРИПЕВ:
А забудусь, и — странные сны,
И какой-то несброшенный
груз...
Я еще не вернулся с войны
И, наверно, с войны
не вернусь.

Б. ДУБРОВИН

Борис Карасёв, 1941 г.

Б.И. КАРАСЁВ:
**Меня три раза хоронили
 заживо, а я выжил всем
 смертям назло**

Борис Карасёв в годы Великой Отечественной совершил 509 боевых вылетов, провел 85 воздушных боев и сбил 21 самолет противника. В далеком детстве будущий Герой России и не подозревал, что его увлеченность самолетами приведет к тяжелейшим воздушным сражениям, проверке настоящей дружбы и... тройному воскрешению из мертвых.

– Б ОРИС Иванович, что привело Вас в авиацию?

– В Тульской области, где я родился и вырос, над нашим деревенским домом частенько пролетали почтовые самолеты. Всякий раз я выбегал как ошпаренный и махал им рукой. С детства в душу запало, что хочу быть летчиком. Я грезил о небе. В 1934-м поехал в Москву поступать в аэроклуб. Но не подошел по возрасту: мне было всего пятнадцать. Пришлось идти в столичное ФЗУ. Когда через три года я узнал, что в Новомосковске, у меня на родине, открылся аэроклуб, тотчас помчался туда и поступил учиться на летчика. Так начался мой путь к мечте.

– **К началу войны Вы уже были летчиком?**

– Да, в 1941 году я командовал звеном под Винницей. Бои начались для нас с первыми военными днями. При-

крывали подступы к городу и крупную железнодорожную станцию Жмеринка. В июле мне поручили делать особые ответственные разведки по территории Румынии, в районах Липканы, Штафанешти и вдоль реки Прут. Нужно было определять скопления немецких войск и места их переправ через границу.

На этом задании много погибло летчиков. Я старался выше 15 метров не подниматься: быстро на бреющем полете проскакивал, и немцы не успевали стрелять. Потом на моем маршруте расставили зенитные пулеметы. К счастью, мне удалось уничтожить их раньше, чем они сбили бы меня. Сев на аэродром для дозаправки, я увидел, что элерон – устройство для выполнения разворотов – на правом крыле в двух точках отломан. Лететь было нельзя, а послать в бой одного

Борис Карасёв, 1943 г.

ведомого, с которым мы парой летали, опасно. Я решил рискнуть: закрепил элерон проволокой и вперед! На обратном пути после удачной разведки наткнулся на большое скопление немцев. Машины, офицеры, солдат уйма... Пользуясь внезапно, атаковал. Но мой самолет получил 27 пробоин от их зениток.

– С такими повреждениями Вам удалось посадить самолет?

– Да, мне повезло. Главное, много немцев удалось уничтожить! Кое-как дотянул до того ближайшего аэродрома, где попросил техников закрепить элерон и заделать пробоины в бензобаке деревянными пробками. Потом доле-

тел обратно до Винницы. За выполнение этого задания меня наградили именными часами. Очень почетная награда тогда! Но забрать их нам так и не удалось: началось отступление, и часы остались где-то в штабе дивизии.

За выполнение этого задания меня наградили именными часами. Очень почетная награда тогда! Но забрать их нам так и не удалось: началось отступление, и часы остались где-то в штабе дивизии.

– Я думаю, главной наградой для Вас была жизнь, которую несколько раз считали прерванной!

– Да, по сравнению с этим часы – чепуха! В 1941 году в бою с группой «мессершмитов» под

**Госпиталь, Ростов-на-Дону, апрель 1942 г.
Борис Карасёв крайний справа.**

Каменец-Подольским моему И-16 отбили плоскость. Самолет вошел в штопор и начал падать. Я выпрыгнул примерно на 800 метрах, а парашют не раскрывался... Таких случаев бывает очень мало: меня спас глубокий овраг, парашют раскрылся почти в момент приземления. Пока летел, вся моя жизнь с самого детства, как пленка, прокрутилась перед глазами. Думал, всё. Трое солдат, которые пришли мой труп подбирать, тоже так думали. Товарищи после этого говорили: «Теперь долго будешь жить, до Победы точно дотянешь!» И действительно, мне везло: за всю войну ни разу не ранило, только контузия была сильная. Как раз когда меня второй раз «похоронили».

Я вел бой с двенадцатью «мессерами» под Барвенковым 9 марта 1942-го. Долгий был бой, тяжелый. Почти полчасика длился. Я устал жутко: много «крутился», никак не мог вырваться, чтобы лететь обратно на аэродром. Спустился на расстояние метров пяти от земли: так они не могли меня сбить. В этом бою мне удалось уничтожить двух «мессершмитов», а третий сам зацепился за дерево и сгорел. Но мне перебили управление, и самолет воткнулся носом в землю. Улетел я метров на восемьдесят – сто, только мотор докатился. Меня подобрали наши артиллеристы и отвезли в село.

Когда я очнулся, ноги и руки не двигались. Кое-как

повернув голову, увидел в дверях маленького седого дедушку. Он смотрел-смотрел на меня и вдруг заплакал. Оказалось, он видел мой бой и кричал: «Спасите нашего летчика!», а потом потерял сознание. Когда его привели в чувства и сказали, что я жив, не поверил. Тогда привели ко мне.

– Вот это люди!

– На фронте мы всегда приходили друг другу на помощь. В одном из своих выступлений Сталин, говоря о важности товарищеской взаимовыручки, в качестве примера приводил меня. Как это было приятно! Под Мелитополем я прикрывал своего ведомого Василия Батяева. Васин самолет был изрешечен пулями и едва держался в воздухе. Он еле летел на аэродром, и тут я увидел готовящуюся к нападению пятерку «Хесийнкелей-113». Пришлось идти в лобовую! Три самолета удалось уничтожить, еще два предпочли ретироваться.

Под Ростовом, в 1941-м, я едва не погиб, прикрывая своего друга Василия Князева. Он ранен был в голову и не мог вести бой. Пришлось драться с шестеркой «мессершмитов», двух сбил.

Вспоминаю Александра Покрышкина, трижды Героя Советского Союза, моего близкого друга. Саша был замеча-

тельный человек, отличный летчик. И меня очень любил! Мы служили в одной дивизии, в разных полках. Мечтали летать вместе. Как сегодня помню, в 44-м он опять зарулил в мою эскадрилью, уже командир дивизии, на груди две звезды Героя. Спешит обняться, а потом отступает на шаг и с удивлением спрашивает: «Как, ты только капитан?! И не Герой?! Перелетай ко мне!» Но я не имел права бросать свою эскадрилью. Хотя там из-за конфликта с начальством меня долго обходили наградами. Даже командуя дивизией, при всех своих «титулах», Саша никогда не прятался: все время летал. Молодец был! И я горжусь такими товарищами и их поддержкой! Поэтому сам всегда помогал ребятам в бою и никогда не бросал своих.

В апреле 44-го, выполняющая разведку, мы попали в жуткий туман. Кончалось топливо. Где-то под Уманью мой ведомый Миша Арсеньев на своем самолете ударился носом в землю, перевернулся и повредил позвоночник. Я произвел посадку возле него: вытащил из самолета и несколько километров тащил на себе до госпиталя. На аэродром прибыли только на пятый день, где нас считали погибшими. Уже и похоронку отправили мате-

Гвардии капитан Дмитрий Каприн, в годы войны командир эскадрильи 74-го гвардейского штурмового авиационного полка 1-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии 1-й воздушной армии 3-го Белорусского фронта, не любит вспоминать о тех кровопролитных событиях. Мы начали наш разговор с детских воспоминаний Дмитрия Васильевича, и как-то незаметно он разговорился и сам начал рассказывать о годах лихолетья.

— Я РОДИЛСЯ в октябре 1921 года в селе Кадом, ныне посёлок Рязанской области, в семье рабочего-сплавщика. С 1926 года жил в Москве. После семилетки поступил в энергетический техникум. Учась там, параллельно занимался в аэроклубе. Затем вообще оставил техникум и пошел учиться в летную школу.

Уже шла война, и мы рассчитывали, что за лето налетаем соответствующую программу, и нас распределят летчиками связи по воинским частям. Но этого не произошло, и мы жили до зимы в палатках. Принято было решение направить нас в военную авиационную школу пилотов в Ворошиловграде, ныне Луганск. В этой школе было 5 эскадрилей, к которым присоединили и нашу школу шестой

эскадрилей. Тогда, в 41 году, мы считали, что фашистов сумеем шапками закидать. Думали, что немцам конец придет быстро, мы их не сегодня, так завтра победим. Но война затянулась. В ноябре 41-го нашу школу пришлось эвакуировать в Казахстан в город Уральск. Шли мы пешком и к 7 ноября добрались до Сталинграда. Там мы переночевали, и следующим днем нас посадили на пароход до Саратова. А из Саратова до Уральска мы добирались поездом. В этом маленьком в то время городишке скопилось много училищ: ленинградское, одесское училища связи плюс наша большая школа летчиков.

— **А как развивалась Ваша судьба после учебы в Ворошиловградской летной школе?**

— В 42-м нас выпустили. Выпуск был небольшой, около

10 человек. Некоторые сразу пошли на фронт, а меня и еще несколько человек отправили в 10-й запасной полк под Каменку в Пензенскую область. Там нас еще некоторое время готовили к боевым действиям. Затем собрали 6 экипажей и отправили на фронт, я полетел на Сталинградский.

Сначала мы прилетели в Ленинск, где нас встретил капитан Пстыга. Он видел, что все ребята возбуждены, так как первый раз без инструкторов и специального маршрута сами прилетели. Видя наши эмоции, капитан велел нам переночевать в этом городе. Ночью была сильная бомбежка. Мы думали, что не осталось ни аэродрома, ни самолетов. К счастью, самолеты были целы, только немного пощипало взлетную полосу.

На следующее утро мы прилетели на Сталинградский фронт, где нас представили руководству. Я попал в смешанную 226-ю авиационную дивизию под командованием полковника Горлащенко. В тот день я постарел лет на десять, когда узнал, что на штурм объекта наша дивизия может выделить только 4 экипажа! Наши бомбардировщики не были пригодны для войны, часто го-

рели. В начале войны советская авиация была очень слабой. Советские истребители не могли противостоять немецким самолетам.

Дивизии были в ужасно слабом состоянии, а перед нами стоял враг, который имел десятикратные преимущества в технике и личном составе. При чем у немцев был боевой опыт, который они получили не на

Мы никогда не видели, чтобы фашисты, как наши, где-то в грязи, в болоте тащили оружие на своих плечах. Они всегда передвигались на колесах.

каких-нибудь полигонах или в кабинетах: они к тому времени завоевали пол-Европы. Мы никогда не видели, чтобы фашисты, как наши, где-то в грязи, в болоте, тащили оружие на своих плечах. Они всегда передвигались на колесах.

Немцы могли нанести удар танками на одном участке фронта, а через несколько часов с ходу могли ударить в другом конце фронта. Их войска были мобильны, и перед Советской армией стоял хорошо подготовленный фашистский кулак.

— **Помните ли Вы свой первый боевой полет, каким он был?**

— Первый боевой полет был под Сталинградом. Вылеты на

этом фронте были сложны тем, что наши войска и войска противника были очень друг к другу близки. Своих можно было задеть с легкостью. Был случай, когда мы хорошо слетали – никого не потеряли. Но органы нашу группу задержали и предъявили нам претензии, мол, мы стреляли по своим войскам. Нас стали каждого допрашивать, мы написали рапорта. Нам несколько дней не позволяли летать. Только потом определили, что ударила по своим войскам такая же группа, как наша, но их бомбы были с ли-

ки было усеяно сплошными разрывами снарядов. Мы, прорвав завесу огня, перестроились в круг и начали бомбёжку. Израсходовав весь боекомплект, наша группа стала отходить в сторону от цели. И именно в этот момент мою машину бросило в сторону, почти одновременно вторым попаданием разломило её надвое. Я был ранен в плечо, но сумел за 100 метров до земли раскрыть парашют. Приземлился неудачно. От боли в ногах не было сил подняться. Сильно ныло плечо. Послышались голоса, и на опушке показалось

человек 10 немецких автоматчиков. Я бросился в ближайшую воронку, выхватил пистолет и залёг. Я успел выстрелить в приближающегося

офицера, а потом что-то тяжёлое ударило мне по голове. Когда вернулось сознание, я понял, что попал в плен.

Я попал в очень маленький лагерь. Заключение работали на молочных фабриках. Когда заставляли работать, а мы отказывались, сами немцы говорили, что из-за нас и их могут называть.

Помню, как нас везли в трюме на корабле по морю, если у кого-то из нас были советские деньги, мы их меняли на хлеб у немцев. Потом я сбежал из лагеря. Это было не так

Потом я сбежал из лагеря. Это было не так сложно: в 45-м немцы были уже не те.

стовками. По этим листовкам и определили, что это не мы.

– Я знаю, что Вы были в плену, как попали в руки немцев?

– В разгар ожесточённых боев в Восточной Пруссии перед авиацией была поставлена ответственная задача: эшелонированным бомбоштурмовым ударом уничтожить крупную немецкую группировку в районе Загерна. Первую группу штурмовиков командир дивизии приказал вести мне.

Фашисты встретили наши «илы» бешеным огнём зенитной артиллерии. Небо в районе ата-

Атланты

*Когда гора ссутулилась
устало
Под проливную тяжестью
дождя,
Казалось, мы поддерживали
скалы,
Гуськом по горным тропам
проходя.*

*Так сумрачно в нависнувшем
ущелье,
Где луч скользнул по камню
и зачах...*

*И мы несем не мокрые
шинели,
А каменные глыбы на плечах.*
Б. ДУБРОВИН

сложно: в 45-м немцы были уже не те. Они знали, что не сегодня, так завтра Советский Союз победит, и постоянно спрашивали нас, что с ними будет. Мы их успокаивали, говорили, что они будут жить и работать, никто их не тронет, если сами сдадутся.

При первой же бомбёжке я воспользовался начавшейся паникой и с группой военнопленных, разоружив охрану, бежал. И уже через несколько дней мы с моими боевыми товарищами поздравляли друг друга с Победой и с присвоенным званием Героя Советского Союза.

Александр Фадин, 1944 г.

А.М. ФАДИН: Если бы мы боялись смерти, не было бы нашей Победы

Герой России Александр Фадин о своих фронтовых годах вспоминает всегда охотно: ему есть что рассказать и есть чем гордиться. Первый танк, вошедший в занятый врагом Киев, был его. Единственный за всю Вторую мировую выстрел из танковой пушки, уничтоживший самолет, был тоже его. В квартире этот человек сделал свой домашний музей: старательно развесил по стенам фотографии, разложил альбомы с газетными вырезками и разместил многочисленные награды. Чтобы память всегда была перед глазами.

— АЛЕКСАНДР Михайлович, когда началась война, Вам было всего шестнадцать. Что подстегнуло записаться добровольцем?

— Патриотизм тогда был не пустым звуком. В военкомат родного Нижнего Новгорода пошел на следующий день войны, в понедельник утром. Центральную площадь заполнили тысячи людей, мужчин и женщин разных возрастов — все это добровольцы. Правда, меня тогда не взяли: старший лейтенант в военкомате разоблачил. Иди, говорит, учись, на тебя войны еще хватит.

— Но на этом Вы не остановились?

— Через месяц ко мне пришел друг. Мы с ним вместе учились в Горьковском речном техникуме, только он был

на два курса старше. Предложил поступать в Харьковское военно-истребительное училище, а оттуда в действующую армию. И я решил рискнуть еще раз. В военкомате сказал, что мне восемнадцать, и стал проходить медосмотр. Последней, кто меня осматривал, была красавица доктор, совсем молодая женщина. Я сразу влюбился. Она мне: «Раздевайтесь!» А я смотрю на нее остолбеневшим взглядом и не понимаю. Разделся до трусов, она опять повторяет. Пришлось покориться. Никогда так неудобно себя не чувствовал. А тут входит старший лейтенант, тот самый, что меня тогда выпроводил. Представляете, узнал со спины! Я к нему развернулся всем своим «фасадом», думаю: опять провал... Военком услы-

Курсанты 2-го Горьковского танкового училища, 1942 г. (Александр Фадин в 1-м ряду, 3-й справа)

шал, что у меня непризывной возраст, и говорит: «Пусть это будет твоя последняя в жизни ложь. На войне, где ложь, там кровь и потери». И меня взяли. Но не судьба мне была служить в авиации. Когда мы приехали в Харьков, училище уже эвакуировали в Караганду. Пришлось возвращаться обратно. Так я попал в танковое. Нас выпустили в апреле 43-го, как раз к Курской битве.

— Ваш первый бой, он «трудный самый»?

— Сражение под Прохоровкой было очень напряженным. 1200 танков сошлось на одном поле! Нашу 22 гвардейскую танковую бригаду вывели

из фронтового резерва 6 июля. 12-го мы ударили по немцам. Представьте, как тысячи людей дерутся врукопашную, — здесь лоб в лоб столкнулись железные машины. Мне, молодому лейтенанту, не могло и привидеться, что можно попасть в такую бестолковую и в то же время организованную мясорубку. Думал, только бы не затереться и не наскочить на один из соседних танков, которые шли лавиной. Поэтому практически перед каждым выстрелом выглядывал из люка командирской башни. Правда, когда первые два раза дал по целям, появился такой азарт! Страху не было, и к тому же я был не один.

Нет, это был для меня не самый трудный бой.

— Там Вы выступали в числе многих, в Киев же ворвались одним из первых...

— Да, это было в ноябре 43-го. Как сейчас помню слова командира бригады: «Танкисты, перед вами священный город Киев. Нам поставлена задача: войти в город и овладеть его центром». Каждый мечтал, что он будет первым. В лесном бою мне удалось уничтожить два танка, идущих в колонне навстречу нам. Вскоре мы вышли на шоссе Киев — Житомир, и я увидел щит с немецкой надписью «Киев». Так сердце защемило! По иронии судьбы, чтобы попасть в город, нам пришлось преодолевать ров, вырытый его защитниками от немцев в 1941 году. Это оказалось не так-то просто: нужен был огромный разгон. Мы выжали из двигателя максимум, резко опустили в ров, а вылезти на противоположную сторону не могли. Тогда я решился на отчаянный шаг — преодолеть задним ходом. Так, на одну из улиц украинской столицы мы попали первыми.

— Но первый опять не один. Наверное, поэтому самым напряженным и ответственным Вы считаете бой за деревню Да-

шукровку во время знаменитой Корсунь-Шевченковской операции, когда с одним танком сражались против врага?

— Именно так. Окруженные немцы выбили наш заслон и захватили Дашуковку на Правобережной Украине. За ней в 600 метрах была дорога, выводившая их из окружения. Я получил задание закрыть брешь и держать их до подхода основных сил. Слова началь-

Мне, молодому лейтенанту, не могло и привидеться, что можно попасть в такую бестолковую и в то же время организованную мясорубку.

ника политотдела полковника Молоканова «Надо, Саша! Ты сможешь!» стояли у меня в ушах. Он в первый раз назвал меня по имени! Деревня была окружена оврагами и подняться на противоположную сторону у нас никак не получалось: танк скатывался вниз. Я вспомнил опыт под Киевом. Развернули танк задом и всем его экипажем, втроем, начали толкать вверх, уцепившись за выступ лобового листа брони. Если б 28-тонная машина скатилась вниз, от нас бы ничего не осталось... Но, к счастью, преодолели. Я занял позицию за хаткой, одиноко стоявшей на северной

Командир роты Александр Фадин с лейтенантами Каримовым (слева) и Новиковым (справа). Китай, август 1945 г.

окраине деревни. Объезжая ее стороны, я мог расстреливать противника, пытающегося выйти из окружения и подходящего ему на помощь. С 11 вечера до 11 утра я уничтожил одним своим танком три немецких, рекогносцировочную группу во главе с генералом, колонну автомашин с бронетранспортером, больше десятка пулеметных точек и два минометных расчета. Именно в этом бою

мне удалось сбить самолет «Капрони». Он летел метрах в 800 от меня. Я все рассчитал, поднял пушку на 12 градусов и закричал: «Мужики, сейчас я его сшибу!» Такая уверенность была! И экипаж заголосил: «Цель, цель сбита!» Как выяснилось после, это был единственный случай за всю войну.

— **В этом страшном бою, с одним танком против скопища немцев, Вы боялись?**

— Да что Вы, какой там страх?! В такие «горячие» моменты разве есть время бояться? Я вот что скажу: если бы мы боялись смерти, не было бы всех наших героев и не было бы Победы.

Курская дуга

*Две танковых армады
сошлись гремящим адом,
И эхо битвы свято
промчится сквозь века...
Все было ранней ранью,
врага в бою тараня,
Согнула в рог бараний
Курская дуга.*

ПРИПЕВ:
*И снова весною
Над мирной землей
Со светлой тоскою
Звенят соловьи*

*Над Курской дугою,
Над Курской дугою
Над Курской дугою
Поют о любви.*

*Здесь радуги свершений
во имя поколений
Дыханьем обновления
зовут издалека,
Живет, не унывает
и силы набирает
Любимая, родная Курская
дуга.*

ПРИПЕВ.

*Родным отцам и дедам
досталось все изведать,
Их подвиг беззаветный
запомним на века.
Мы не жалеем силы, чтобы
со всей Россией
Жила, цвела счастливой
Курская дуга.
Б. ДУБРОВИН*

Петр Брайко, 1944 г.

П.Е. БРАЙКО: Немцы из себя милосердных строили

На протяжении всей войны Герою Советского Союза Петру Брайко фантастически не везло. Но он всегда умел находить выход из любого безвыходного положения. Он встретился со смертью лицом к лицу 22 июня в 4 утра, охраня советско-румынскую границу, и чудом тогда уцелел. Он оказался в печально знаменитом Киевском котле, а потом в немецком лагере смерти и сумел выбраться. Командуя партизанским отрядом, уничтожил десятки тысяч немцев, не потеряв ни одного бойца и не будучи пойманным. «Разве такое возможно?!» – спросите вы. Возможно. Жизнь 92-летнего Петра Брайко тому доказательство.

Пётр Евсеевич, для вас, пограничников, начало войны было ожидаемо?

– Его ждал весь народ, несмотря на успокаивающие сообщения в газетах. Не знали только одного — точное время наступления. Я служил в 97-м погранотряде на 13-й заставе, неподалеку от украинского города Черновцы. Граница появилась недавно и была совсем не оборудована: обозначалась большими палками с пучками сена наверху. На той стороне румынская территория. Наши пограничники уходили за границу почти каждую ночь, километров на 25 – 30 вглубь, и обо всем происходящем докладывали в штаб отряда. Сначала границу с противоположной стороны охраняли

обычные жители, у них даже не было винтовок. Жили в кукурузных шалашах и спали сугками напролет. Потом там появилась румынская королевская гвардия, а за месяц до начала войны — немецкие офицеры. Это о чем-то да говорило!

С субботы на воскресенье, 22-го числа, у нас шла обычная жизнь. 13-я застава, состоящая из 60 человек, охраняла участок в 25 км по фронту. На него лезло больше полка. Часть пограничников, находившихся в это время на отдыхе, проснулась от грохота стрельбы и разрывающихся снарядов. Немцы открыли огонь метрах в пяти от границы. Шли с закатанными рукавами, автоматы уперев в живот, и «строчили»: все живое смели! Из нашей дружной,

Командир Кролевецкого отряда Пётр Брайко (в центре) ставит боевые задачи командирам рот

умелой семьи пограничников в живых остались только двое: я, недавно прибывший и совсем неопытный, и мой учитель, сержант Зыкин. В это время мы находились в секрете, в одном из четырех глубоких оврагов, исключенных для поражения. Полк ушел, а мы оказались у него в тылу...

В окружении

— После этого Вы добрались до отряда и получили приказ ехать в Киев, 4-й Краснознаменный полк. Он оборонял город два месяца. За это время образовался Киевский котел, в который попали 5 наших армий. Дальше цепь

«чудесных спасений» продолжилась?

— Пока мы обороняли город, немцы окружили киевскую группировку. Командующий Юго-Западным фронтом приказал нашему полку в составе других частей обеспечить прорыв из окружения пяти нашим армиям. Выполнив этот приказ, мы сами оказались в окружении. Для того чтобы выбраться, нужно было форсировать реку Трубеж. Гадкая, опасная река! Она настолько болотистая, что не выберешься. А переправы уничтожены. Мы нашли уцелевший железнодорожный мост у станции Барышевка, постелили на него досок

и двинулись вперед, забыв одну «мелочь»... — проверить, что делается по ту сторону. Когда последняя машина перескочила мост, немцы ударили по нашей колонне из пулеметов и автоматов. Я вывалился из кабины на противоположный скат насыпи и остался цел. Когда я отошел от насыпи на открытую поляну, немцы, увидев меня в бинокль, решили из противотанковой пушки расстрелять. Снаряд упал прямо под ноги, но не разорвался. Чудо спасло! Я скрылся в лесу. Оказалось, что кроме меня уцелело еще 11 человек! Мы стали обдумывать план действий. Долго думать не пришлось: немцы начали прочесывать лес. Мы решили подпустить их в упор, одним залпом расстрелять и прорваться из леса. Но услышали лай собак! Немцы шли развеселые такие, здоровенные, красные! И собаки рвались вперед, прямо тащили своих собаководов. Пехотинцы еще куда ни шло, а вот собаки — страшное дело, от них не скроешься! Мы стали отползать к болоту, все 12 бойцов. Этот день, 30 сентября, я запомнил на всю жизнь. Хорошо, что было градусов 25 тепла, отличная солнечная погода. Мы скрылись в камышах и там надеялись спастись. Вода остановила собак, но немцы, видимо, нас заметили и стали «косить»

камыш из пулемета. Выбрались оттуда только четыре человека, остальные остались навсегда в этой противной, гадкой реке. Это был самый страшный час! Хотя нет, не знаю, какой был самый страшный...

Побег из концлагеря

— В военной литературе пишут, что Вы были в концлагере в Дарнице. Может быть, это было самым страшным?

— Там тоже была ужасающая картина. В начале октября мы вчетвером шли на восток, к фронту. Полуголодные, дошли аж до Черниговской области. На дороге увидели советскую полуторку, только шла она по направлению к Киеву. Подъехав вплотную, из кабины выскочил немецкий сержант и, направив автомат в грудь, командовал: «Хальт! Шнель в машину!» В кузове сидели еще четыре фрица с автоматами. Нам повезло, что сержант лопух был: не обыскал нас. У меня в кармане находился пистолет с 16 патронами и еще 30 запасных. Если б нашли, точно б всех расстреляли! Они отвезли нас в Дарницу. Немецкий концлагерь был окружен трехметровой бетонной стеной, поверх которой шел проволочный забор еще на метр. Вдоль него, через 25-30 метров, деревянные вышки с пулеметными

установками. Там тьма советских солдат, обтрепанных, облепленных вшами, падающих от голода. И при этом немцы из себя милосердных строили: позволяли киевлянкам искать своих мужей и забирать их с собой. Женщины приходили и бросали через ограду хлеб, картошку. На это бросались все, кто был рядом. А немцы, гогоча, вытаскивали парабеллумы и расстреливали тех, кто приблизился к еде. Так, у одного куска хлеба оставалось по пять-шесть трупов. Невозможно было на это смотреть. Я послал ребят на разведку: узнать, как можно

Предстояло сражаться в ущелье, в Карпатах. Первая мысль была: «Батеньки, смерть наша пришла!»

выбраться из лагеря. Они узнали только, что завтра будут хоронить в траншее 250 человек, умерших от голода. Мы понимали, что этого не миновать и нам.

— Но и здесь выход нашелся?

— Да. Я встретил молодого грузина в новой одежде с полным рюкзаком. Спрашиваю: «Ты тоже только что сюда попал?» А он мне: «Нет, я уже месяц тут!» Я не мог поверить. Оказалось, он устроился на работу к немецкому офицеру-летчику в военгородок, расположен-

ный рядом с лагерем. Те пленные, которых не задействовали в восстановлении мостов на Днепре, отделяли офицерам квартиры, строили, убирались. Сначала он работал у майора, потом стал ходить к подполковнику. А от майора у грузина осталась записка для лагерной охраны. Эту записку я попросил. Там было написано: «Прошу пропустить ко мне 3 человека. Майор Ланке». Она могла стать нашим пропуском на свободу. Утром, когда людей увезли на строительство мостов, мы вылезли из барака. Чтобы выйти из лагеря, надо было пройти

четыре охраняемых поста. Я везде говорил по-немецки, что идем на работу к офицеру, в руке на всякий случай сжимал записку. Но она даже не пригодилась. Так мы легко оказались на свободе.

— От самой смерти ушли! А потом чуть не погибли от своих: Вас же хотели расстрелять партизаны...

— Верно. Я давно гонялся за партизанским отрядом, мечтал вступить в его ряды. И когда попал в небольшую группу в селе Уздица Глуховского района, принял их за полицейев. По часовому не поймешь, что за вояка: сапоги русские, шинель мадыарская — поди, разбери! При разговоре со стар-

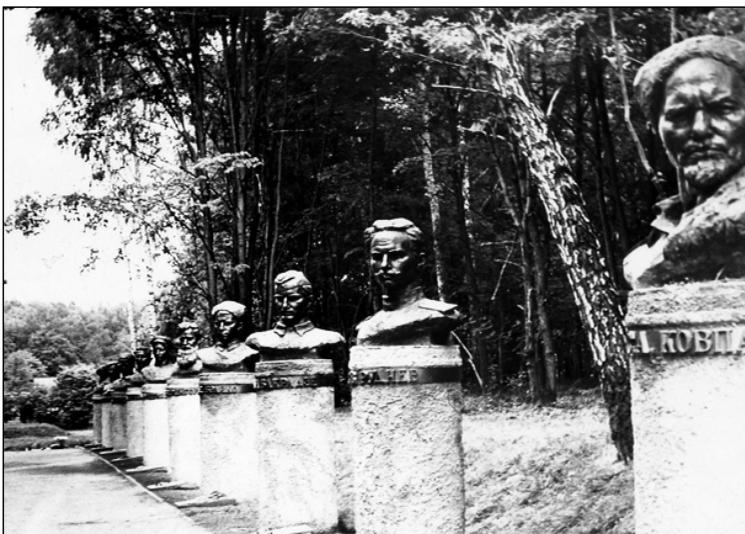
шим начал темнить: будто я студент, семья расстреляна, иду к дедушке. Он мне: «В полицию пойдешь? В казаки? А в партизаны?» На все получил твердое: «Нет». На меня махнули рукой. Когда старший ушел, я спросил у оставшегося подростка: «Это господин комендант полиции?» А он мне в ответ: «Я тебе, кулацкая морда, дам такого коменданта, что мозги не соберешь! Это командир партизанской роты капитан Лысенко!» Я тут же попросил вернуть его обратно и во всем объясниться — меня сочли за опасного человека. Усадили в сани и привезли в штаб отряда. Благо, дело мое разбирали сам Ковпак и Руднев. Неординарные, мудрейшие люди! Я провел в караульном помещении два дня. Уже хлопцы приходили присматривать мою одежду.. Хорошо, что в отряде нашелся человек, который узнал меня. Только через полгода, в ходе рейда по Сумской области, ознакомившись с моими разведданными, Ковпак сказал мне, своему заместителю по разведке: «Ну и мудрый же ты человек! А я ж хотел тебя шлепнуть!»

Спасала родимая засада

— Всего у Вас было семь рейдов. И все удачные...

— Да, все рейды были удачные. Особенно удачный и весомый — Карпатский, летом 1943 года. Подойдя к железной дороге Тернополь — Подволочиск, мы обнаружили, что по ней в день проходит на восток по 49 гитлеровских эшелонов с «Тиграми», «Пантерами» и «Фердинандами». От железнодорожников удалось узнать, а Совинформбюро подтвердило, что все эти эшелоны катят к Орлу и Курску. Тут же решили парализовать главную ж/д артерию фюрера. В ночь на 7 июля мы взорвали два моста под Тернополем. Переодели своих людей в немецкую форму, представились инженерами, сняли охрану и привесили взрывчатку. Взрыв! Моста нет. Этими «маленькими пакостями» мы за 1500 км от фронта остановили пятьсот танков, идущих к Курску. Чтобы уничтожить 1,5 тысячи ковпаковцев, Гитлер бросил 60 тысяч, которые тоже должны были воевать под Курском.

Вскоре я неожиданно получил приказ: любой ценой не допустить прорыва немцев к своему штабу. У меня 200 бойцов, им надо остановить 15 тысяч гитлеровцев с танками и артиллерией! Предстояло сражаться в ущелье, в Крапатах. Первая мысль, когда получил

**Аллея славы в Спадщине под Путивлем.
Пётр Брайко четвертый**

приказ: «Батеньки, смерть наша пришла!» Но, осмотрев горное ущелье, я понял: нам поможет местность. Ущелье узкое, длинное, там протекает река, а к штабу идет булыжная дорога. Чтобы остановить танки и артиллерию, уничтожили четыре моста. Иначе бы нас в пять минут «смяли». Пехоту «принимали» из засады. За 10 минут расстреляли батальон, за 3 дня, кочуя по ущелью, перебили 7 таких батальонов! Я со своей стороны не потерял ни одного человека. Правда, потом, в августе, при прорыве из окружения я со своим минибатальоном оказался в настоящем капкане.

Только мы заняли горную высоту, ее сплошняком обложили немцы. Я сказал своим командирам: «Если до вечера сумеем просидеть так, чтоб нас собака не почувала и муха не заметила, уцелеем». Сумели. Ночью мы спустились к дороге. Там стояла колонна машин со спящими фрицами. Ее охранял парный патруль, обходя за 20 минут в одну сторону. За это время мы просочились между машин. Как святой сквозь стену прошли! Многие до сих пор не верят, что такое было возможно. Утром, находясь на соседней горе, мы смотрели как фрицы моются, завтракают и готовятся к наступлению. А за-

тем наблюдали, как штурмуют гору, где еще вчера сидели 200 наших бойцов.

– **Фантастика! Неудивительно, что легендарный Вершигора потом назвал партизана Брайко рекордсменом, сказав, что только в двух последних рейдах он со своим миниполком в 600 человек уничтожил «три полнокровных дивизии вермахта». Петр Евсеевич, отчего же зависел Ваш успех? Может, Вы какой-то особенный?**

– Да что вы! Это все засада. Она, родимая, спасала! В армейском бою этого быть не может: там для боя разворачиваются обе стороны, они обречены на потери. А я терять людей не хотел. Человеческую жизнь ценить надо!

Жива Россия!

*Пытался враг наш край
стереть
И двинул полчища густые.*

*Но ты готов был умереть,
И я готов был умереть,
И он готов был умереть,
И потому жива
Россия.*

*Потерь
Без счета на войне,
И на пути, большом
и долгом,
Война – контузией во мне,
Война в тебе сидит
осколком.*

*Мы выжили среди смертей,
И мы чисты
За эти годы
И перед совестью своей,
И перед совестью народа.*

*Коль надо,
Так и будет впредь:
Встречая вьюги штурмовые,
И ты сумеешь умереть,
И он сумеет умереть,
И я сумею умереть,
И вечно жить тебе,
Россия!*

Б. ДУБРОВИН

Леонид Пономаренко, 1944 г.

Л.Н. ПОНОМАРЕКО: **Больно было видеть, как умирают наши товарищи**

Леонида Николаевича Пономаренко знают не только в Новосибирске. Его имя носит одна из школ Юрги, в этом же городе находится музей Леонида Пономаренко. Упоминание о Леониде Николаевиче вы найдете во многих книгах о Великой Отечественной войне. Командир штурмовой роты за мужество и героизм, проявленные в боях под Ленинградом, он был удостоен звания Героя Советского Союза. Накануне 65-летия Великой Победы Леонид Николаевич Пономаренко отметил 90-летие.

Он героем вернулся с победой

Потомственный военный, Леонид Николаевич не мыслил жизни без армии, но из-за многочисленных ранений после Великой Отечественной службу пришлось оставить. Однако и сегодня, спустя 65 лет после войны, перешагнув 90-летний рубеж, Пономаренко остается в строю. Он активно сотрудничает с окружным Домом офицеров города Новосибирска, частый гость школ и других учебных заведений, где регулярно проводит уроки мужества.

Леонид Николаевич — участник парадов на Красной площади в Москве в честь 50-й и 55-й годовщин Победы. Он представлял новосибирскую делегацию ветеранов войны — за-

щитников столицы на открытии Монумента Славы сибирякам, остановившим фашистов под Москвой в 1941 году. Вечный огонь у Монумента Славы на Волоколамском шоссе зажигал Герой Советского Союза Леонид Пономаренко.

Отступить некуда. Позади – Москва!

Сын артиллериста Николая Пономаренко, участника Русско-японской и Первой мировой войны, награжденного за мужество Георгиевским крестом 4-й степени и Георгиевской медалью, Леонид с юных лет готовил себя к службе в армии. Состоял в ОСОАВИАХИМе и к 1939 году, когда пришло время призыва, был хорошо подготовленным специалистом.

Был направлен в Забайкальский военный округ и в составе 93-й стрелковой дивизии, 266-го стрелкового полка участвовал в боях на Халхин-Голе, после чего был отправлен под Читу. К служившим на Дальнем Востоке предъявлялись тогда особые требования: советское правительство опасалось агрессии с востока. Но оказалось, что нападения нужно было ждать с запада...

В октябре 1941-го Леонид Пономаренко должен был демобилизоваться, а в июне началась война. В полном составе, со всем вооружением, дивизия, в кото-

Но стоило ударить морозам, как весь лоск сошел. Кутались в одеяла, разрывали их на платки. Какой уж тут победный дух?!

рой воевал Леонид Николаевич, была отправлена на фронт — туда, где шли самые ожесточенные бои, — под Москву.

— Это были самые грозные месяцы войны — осень 41-го, — вспоминает Леонид Николаевич. — Положение было тяжелое. Агрессор всеми силами рвался в Москву. Но преимущество — и физическое, и моральное — было все-таки у нас. Патриотизм, любовь к Родине помогли нам выстоять. Хорошую службу сослужили и российские морозы.

Фашисты надеялись занять советскую столицу до наступления холодов, и одеты были соответственно: в бушлаты, пилоточки. Красиво, конечно, шли, при параде. Но стоило ударить морозам, как весь лоск сошел. Кутались в одеяла, разрывали их на платки. Какой уж тут победный дух?! А тут подошли наши сибирские дивизии — и без преувеличений скажу, что фашистов под Москвой разгромили мы, сибиряки.

Леонид Пономаренко помнит парад на Красной площади 7 ноября 1941 года. Суровый был тот парад. Шел снег, дул пронизывающий ветер. Войска прямо с Красной площади уходили на фронт. Но для всех этот день стал одним из самых радостных и светлых в том мрачном году. Ведь гитлеровские газеты и радио заранее оповестили, что немецко-фашистские войска именно 7-го числа пройдут церемониальным маршем по еще одной покоренной столице Европы. Но планам фашистов не суждено было сбыться. Парад в Москве прошел, но это был наш парад!

— На трибунах стояли все военачальники: Сталин, Молотов, Ворошилов, — вспоминает Леонид Николаевич. — И мы чувствовали подъем, сил словно

прибавилось... 8 ноября войска перешли в контрнаступление. А 5 декабря на Волоколамском шоссе сибирские дивизии разгромили фашистов. Тогда наша 93-я дивизия стала 26-й гвардейской...

В боях под Москвой Пономаренко был первый раз ранен, эвакуирован в Томск. А после выздоровления снова отправился на фронт...

— Все, что угодно, могут сегодня говорить по телевизору: что солдаты гибли тысячами, потому что решение Жукова отвести войска из-под Москвы было ошибочным. Но знаю одно: не сделай этого Жуков — и не видать нам победы под Сталинградом, — считает Леонид Николаевич. Непосредственный участник тех событий, судить об этом он имеет полное право. И под Москвой, и под Сталинградом Пономаренко шел в первых рядах. Он видел смерть друзей и сам не раз был на краю гибели, но в том, что победа будет за нами, не сомневался никогда.

— Не скрою, минуты слабости бывали, — признается Леонид Николаевич. — Когда видишь, как один за другим падают твои товарищи, как кричат от боли, и помочь не можешь — это тяжело. Но понимаешь, что надо идти вперед — и идешь, и уже ни о чем, кроме боя, не думаешь,

помнишь лишь, что за тобой — твоя рота, твои ребята.

Ни шагу назад!

После ранения Пономаренко отправили на ускоренные курсы командиров роты, отсюда — под Сталинград, в 39-ю гвардейскую дивизию. Самым жестоким сражением Великой Отечественной называют историки Сталинградскую битву. Бои шли буквально за каждый дом. Потери — с обеих сторон — были огромные: почти три миллиона человек! Не последнюю роль в победе под Сталинградом сыграли сибирские дивизии. Немецкие генералы скажут впоследствии: «Сибиряки умели защищаться и стоять насмерть». Леонид Пономаренко помнит, как это было...

Снова ранение, госпиталь в Новосибирске, и снова — фронт. На этот раз Ленинградский, и Пономаренко, уже гвардии лейтенант, вновь командует ротой. Первая штурмовая рота 381-го стрелкового полка 109-й стрелковой дивизии под командованием Пономаренко участвовала в прорыве трех мощных оборонительных линий противника на Карельском перешейке (линии Маннергейма). Первыми врывались в траншеи врага Пономаренко и его ребята. За эту битву Леонид

Николаевич был удостоен самой высокой награды – Звезды Героя Советского Союза.

Под Ленинградом закончил войну Леонид Пономаренко. Блокада была снята, но какую цену заплатили мы за эту победу!.. Леонид Николаевич, получив после очередного ранения инвалидность, был направлен в Новосибирск, где служил в Октябрьском райвоенкомате. В 1946 году по состоянию здоровья был уволен из рядов Вооруженных сил. Кадровый военный, Леонид Николаевич никакой гражданской специальности не имел. Но сидеть сложа руки не умел и не хотел.

Много лет проработал Пономаренко на разных предприятиях нашего города. Вместе с женой вырастил двух замечательных дочек. Сегодня уже правнук Леонида Николаевича служит в рядах Вооруженных сил РФ. Продолжает служить Родине и Леонид Пономаренко – и это главное дело его жизни.

Это было под Москвой

*Сердце, стиснутое скорбью,
Не давало отступать:
Приковало к Подмоскovie
Приказало насмерть встать
Вьюга танки заносила
На дороге фронтовой
Это было, это было,*

это было

под Москвой.

*Роты молча из окопов
Подымались в штыковой
И могилы, и сугробы,
Словно танки рвались в бой,
И карающая сила
Все сломила пред собой
Это было, это было,*

это было

под Москвой.

*Годы мчатся, словно пули,
Счет теряется годам...
И в почетном карауле
Обелиски тут и там.
Наше сердце не забыло,
Опаленное войной,
Все, что было, все, что было,
Все, что было под Москвой...*

Б. ДУБРОВИН

Сергей Крамаренко

С.М. КРАМАРЕНКО:
**Нас было восемь.
Уцелел я один**

Герой Советского Союза Сергей Крамаренко убежден, что успешным летчиком нельзя стать – им нужно родиться. Будущий генерал-майор авиации с юношеского возраста отличался внимательностью и молниеносной реакцией, а упорные тренировки и участие в опаснейших боях, которые лавиной обрушились на него в годы Великой Отечественной, довели его природные таланты до настоящего летного мастерства. В небе над Берлином он ощущал себя сверхчеловеком, как и многие летчики, которым посчастливилось дойти до Победы!

–С ЕРГЕЙ Макарович, когда война только началась, народ поговаривал, будто бы «моська напала на слона». Вы тоже так думали?

– Все мы, курсанты Борисоглебской военной школы пилотов, были страшно удивлены. Куда немцы лезут на такую большую страну?! У нас же огромная армия! Мы думали, что вмиг их сомнем и даже надеялись на помощь рабочих самой Германии! Но те восстания не поднимали, недовольства режимом не выказывали. А фашистские войска продолжали один за другим захватывать наши города.

К сожалению, мы очень плохо были подготовлены к войне. Действующие части

приходилось периодически пополнять недоучившимися летчиками. В июне 42-го я еще осваивал программу училища. Наш учебный аэродром подвергся первой бомбежке. Какая паника тогда началась! Вместо того чтобы скрыться в бомбоубежищах, курсанты кинулись к самолетам. Кое-как, падая на землю и снова вскакивая после каждого взрыва, добежали и начали растаскивать их в разные стороны. Аэродром был ярко освещен: вверху светящиеся бомбы, а в стороне горящие курятники птицеводческой фермы. Немцы, видя полыхающие здания и носящихся кур, видимо, посчитали, что разбомбили военные казармы или склады и сбрасывали бомбы туда. Только это нас и спасло!

Сергей Крамаренко у своего «Лавочкина»

Школу начали готовить к эвакуации на восток. Но тут вышел неожиданный приказ: восемь курсантов, успевших вылететь на ЛаГГ-3, отправляются в запасной авиаполк в Арзамас. В эту восьмерку вошел и я. Мы с товарищами оказались в странном положении: летную программу выполнить не успели, экзаменов не сдали и в воздухе держимся едва-едва, а уже считаемся полноценными летчиками. Командир эскадрильи, узнав, что у одного из нас всего один полет, решил отправить его обратно в школу. Я не хотел такой участи и... покривил душой. Сказал, что у меня

не два, а двадцать полетов и два часа налета. Товарищи не выдали. И стал я осваивать полеты на ЛаГГе уже в запасном полку, готовясь вскоре попасть в действующую армию.

– Не думали о том, что из-за недостатка опыта представляете собой живую мишень?

– Нет. Мы все рвались в бой и считали, что воевать уже умеем. Какой-то мальчишеский азарт подгонял... Хотя на деле оказалось, что все наши умения сводятся к тому, как произвести взлет и посадку и кое-как пилотировать в воздухе. У меня не было ни одного учебного воздушного боя, ни одной стрель-

бы по целям! Пришлось доучиваться уже на фронте. Мы были распределены в 1-ю Воздушную армию Западного фронта. Неудивительно, что из нас восьмерых семеро погибли... Когда немцы стали снимать с нашего фронта части для освобождения окруженной армии Паулюса, наше командование решило предпринять наступление в районе Жиздры, юго-западнее Сухиничей. Хотели сорвать переброску их частей под Сталинград. Мой полк прикрывал наступающие войска от ударов с воздуха.

Не выдержал и вскрикнул: «Что ж ты, земляк, немцам служишь?» А он мне: «Ах ты, проклятый москаль, сейчас пристрелю!» Снял винтовку и направил на меня.

Это был мой первый полет в боевых порядках звена! Немецкие самолеты то появлялись, то исчезали, наша группа маневрировала. Этот полет запомнился мне тем, что я... почти ничего не понял! Только впоследствии, с опытом, я стал чувствовать себя твердо и уверенно. Природные быстрота реакции и внимательность очень помогали вести бои. Помимо этого нужны были незаурядная выносливость (летчик во время полетов испытывает огромные

перегрузки) и тактические способности, ведь в каждом бою разный план действий: он выстраивается по ситуации. Хотя и это не застраховывало от неудач!

Самый страшный момент

— Был ли на войне такой момент, который оказался для Вас самым напряженным?

— 19 марта 1944-го я попал в плен. Мы сражались с группой «юнкеров» и «мессершмитов», которые штурмовали позиции наших войск. Я бросился отбивать атаку по ведомому, немецкий «мессер» задымил и начал снижаться. В этот момент я заметил чужую трассу. Затем резкий удар, боль, и — кабина в дыму и пламени. Мои руки и лицо в огне. Пытаюсь вылезти, но не могу. Кое-как отстегиваю привязные ремни, резко отдаю ручку вперед, самолет уходит вниз, и я оказываюсь в воздухе. Дергаю кольцо парашюта и больше ничего не помню...

Я пришел в себя от толчка: меня кто-то переворачивал. Незнакомая зеленая форма, резкая чужая речь и черепа с костями в петлицах «заставили» понять, что я оказался на немецкой тер-

А. Машников и С. Крамаренко (справа), 523-й истребительный авиационный полк, 1943 г.

ритории. От дикой боли не мог подняться, из обеих ног хлестала кровь. На мне разрезали сапоги, забинтовали ноги и отвезли в какое-то село, к большому дому, видимо, штабу. Там ко мне подошел офицер и, узнав, что я летчик и отказываюсь отвечать на его вопросы, дал команду «эршиссен» — расстрелять. У меня внутри будто что-то оборвалось... Все, отлетелся! А надо мной были голубое-голубое небо и кучевые облака. Они вечны, а я... Это, наверное, и был самый страшный, тяжелый момент.

— Как же Вы спаслись?

— Вышедший из штаба вместе с офицером немецкий генерал внезапно отменил приказ и

распорядился отправить меня в госпиталь. Вот так велика на войне роль случая! Меня перенесли в телегу и положили рядом с немецким офицером. Собирались доставить в госпиталь. Потом я узнал, что он находился в Проскурове. Я оторопел, когда услышал, что возница в немецкой форме с винтовкой на плече понукает лошадь украинскими словами! Не выдержал и вскрикнул: «Что ж ты, земляк, немцам служишь?» А он мне: «Ах ты, проклятый москаль, сейчас пристрелю!» Снял винтовку и направил на меня. Но немецкий офицер остановил его: «Хальт! Госпиталь!» Вот так в очередной раз удалось избежать смерти.

Меня привезли в проскуровский лагерь для военнопленных, в лазарет. Пленные советские санитары вытащили из ног осколки, промыли и забинтовали раны, а обгоревшие руки и лицо намазали красноватой жидкостью, чтобы не осталось шрамов. Но тогда мне было все равно, как будет выглядеть мое лицо впоследствии. Лицо жгла дикая боль! Мне сделали укол в руку, и я погрузился во мрак. Через несколько дней руки и лицо покрылись черной коркой. Рот стянуло так, что и ложка не проходила. Санитар набирал немного каши на ручку ложки и просовывал ее мне в рот. Как же я благодарен этим безвестным братьям милосердия! Они так заботились обо мне и о других раненых!

На шестой день моего пребывания в лазарете город окружили наши войска. Немцы в суматохе готовились отходить, уничтожая тех, кто не может двигаться. Весь город запылал. Мы ждали, что в здание бросят канистры с бензином. Но этого не произошло. Видимо, нас спасла надпись над входом «Тиф. Не входить».

— **Опять удача...**

— Конечно! Мне везло дико. От слабости я, не дождавись развязки, заснул. К счастью, проснуться пришлось от радостных голосов, поздрав-

ляющих нас с освобождением! Потом меня подкосил тиф и еще долго организм боролся за выживание. Когда я начал ходить, через неделю вышел из здания и увидел, что лазарет находится на краю аэродрома, а на нем стоят самолеты нашего полка. Я встел своих летчиков. Узнав, что я живой, командир с попутным самолетом отправил меня в московский госпиталь. Когда я полностью реабилитировался, возникла проблема: как найти свой полк? Я знал только, что он перебросен на 1-й Белорусский фронт в Польшу. И здесь судьба помогла! Я встретился с летчиками самолета ПЕ-2, которые летели в Барановичи. Это же больше половины расстояния до моего полка! Все остальное сразу вылетело из головы: я начал упрашивать их взять меня с собой. И взяли... В бомболок! Летчики подсмеивались, что сбрасывать меня не будут, но на всякий случай посоветовали привязаться к держателю, куда подвешиваются авиабомбы. Эх, не прост был такой полет! Согнутый в три погибели, в тонкой гимнастерке при пяти градусах мороза снаружи, я превратился в сосульку к третьему часу полета. Но главное было сделано: я приближался к своему полку. Самолет приземлился в Барановичах. Дальше сел в поезд на Брест, там нашел коменданта аэродрома и

узнал... что моего 19-го авиаполка здесь нет и не было. Огорчению не было предела! И вдруг в комнату к командиру зашел Костя Дашин, летчик нашего связного самолета ПО-2! Он кого-то привозил в Брест и прибыл сюда по поручению нашего командира полка. Вместе с Костей я добрался к своим, узнав, что наш полк теперь 176-й гвардейский. Ну как после такого не стать суверенным?!

— **А суеверия среди летчиков были сильно распространены?**

— Было кое-что. Например, что в понедельник обычно не летают. Хотя на войне летали, конечно... Но осторожничали.

Была у нас одна знакомая девушка. Она работала в столовой и особое внимание уделяла летчику по имени Михаил. Однажды она подарила ему заколку. И когда Михаил погиб, ее возвратили владелице. Позже она перенесла свое внимание на моего товарища Венгерова. И подарила ему ту же самую заколку. Когда Венгеров разбился, девушку стали обходить стороной.

Кресты! Атакуем!

— **Сергей Макарович, какие свои воздушные бои Вы считаете самыми яркими?**

— Несомненно, бой над нашим плацдармом за Одером,

в марте 45-го. Мы летели тремя парами во главе с Иваном Кожедубом — всего 6 самолетов, у каждого 2 пушки, всего 12. А против нас 32 «Фокке-Вульфа»! Там в сумме почти 200 пулеметов! Никогда не забуду команду Кожедуба: «Впереди — внизу кресты. Атакуем!» Действовать нужно было решительно и дерзко: у нас были превосходство в скорости и внезапность. Кожедуб сразу сбил их командира. Бой превратился в уничтожение немецких самолетов. Мы сбили 16 «фоккеров»! И это не считая тех, кто, недобитый, наверняка упал по дороге домой.

Еще один яркий бой был недалеко от Берлина, в апреле. Мы с моим ведущим Куманичкиным столкнулись с шестью звеньями «Фокке-Вульфов». Это 24 самолета!

— **Многовато для одной вашей пары...**

— Но выбора не было. Позади нас советские войска штурмуют Берлин. Пропустить туда немецкие самолеты нельзя! После ряда маневров Куманичкин стреляет по ведущему группы «фоккеров», я — по его ведомому. Один самолет вспыхивает, другой переворачивается и уходит вниз. Мы много раз повторяли атаки. Кульминацией боя для меня стал вот какой момент. Снаряды у меня израсходованы, немец приближается к Куманички-

ну, а я, как ведомый, должен его защитить. Мне остается только таранить врага! Лечу наперерез, и, когда остается всего несколько десятков метров, немецкий летчик оборачивается. Сквозь фонарь я вижу его лицо. Он резко переводит самолет в пикирование и уходит вниз. Бывает такое, что чувствуешь на себе чей-то взгляд. Но чтобы кто-то почувствовал мой взгляд в воздухе! Такого со мной не было никогда! Это казалось невероятным...

Это были для меня последние бои в Великой Отечественной войне. Охватывала необыкновенная гордость от того, что я лечу над столицей фашизма. Берлин, зло от которого растеклось по всем городам и весям, горит, и в самолете я чувствую запах дыма. Я, советский летчик, в небе над Германией!

Баллада об одной примете

*У нас неписаный закон —
Небритьми летать...*

*И в этот день не брился он,
В кабину сев опять.
Он только крикнул мне:
— Постой, —
С улыбкой поглядел,
Провел перчаткой по густой
Чернявой бороде, —
Ты б удружил еще разок,
Пока вернусь назад,
Ты б раздобыл мне помазок
И бритву у ребят...*

*Я, не летевший в этот раз,
И мильницу извлек,
И бритву новую припас,
И лучший помазок...*

*Но я склонился у крыла
Над пеплом «ястребка»:
Под дымной плоскостью
смугла*

Небритая щека...

*О, сколько видел я еще
Под прахом плоскостей
Небритьх щек и бритых щек
Друзей, моих друзей!*

Б. ДУБРОВИН

Иван Рыжков

И.Е. РЫЖКОВ:
**Приходилось воевать
за каждый дом,
за каждый этаж!**

Бывалые солдаты говорят, что страшнее минометного обстрела только рукопашная. Ветеран Великой Отечественной Иван Рыжков знает это лучше всех. Победной весной 45-го полк Рыжкова первым из минометных частей открыл огонь по столице Третьего рейха. Полк за Берлинскую операцию был награжден орденом Александра Невского, Рыжков – звездой Героя Советского Союза.

– И ВАН Ермолаевич, Вы прошли боевое крещение под Киевом молодым курсантом, враг в тот момент имел уже боевой опыт в Европе. Боялись?

– Нет, этот бой нетрудный был, потому что мы грамотный народ, почти год служили в училище, где военная подготовка была не хуже, чем у немецких солдат. Поэтому встретили мы их очень активно и небезболезненно для них. Да и мы же все пацаны, по сути дела, были, смелости не занимать.

– А страх?

– Страх... Его в то время не чувствовали. Вот к концу Киевской операции немножко было боязно, потому что немцы прилагали огромные усилия, чтобы захватить город, использовали всю технику, любую, какую можно было. Это, конечно, давило на нас, особенно морально.

– В апреле 42-го Вы попали на Брянский фронт, на реке Кшень произошёл бой, за который Вы получили первую награду. Первая награда самая дорогая?

– Да, действительно. Я, правду сказать, не думал, что буду награждён. Получилось так: немцы прорвали оборону на реке Тим, и мы примерно за трое суток отошли почти на 30 километров, на реку Кшень. Здесь наши войска задержались, почти сутки были бои, потом перебрались на восточный берег, где немцы ощутили нашу мощь. Трое суток продержались, потом линия фронта стабилизировалась. И с осени до января месяца мы удерживали эти позиции.

– Наверно, обороняться и удерживать позиции – это самое тяжелое?

– Враг хоть и имел превосходство, особенно количе-

ственное, но мы заранее подготовились – привели огневые системы в порядок. Например, первый день боя: мы заняли огневые позиции, я выхожу на наблюдательный пункт. Со стороны, где ожидается противник, идёт колонна. Разметали её буквально за полчаса, потери колоссальные: 20–30 % личного состава. Это и не дало возможности немцам в этот же день форсировать реку. За ночь мы привели в порядок свои силы, и немцы больше не смогли прорваться к берегу. Наши войска держались крепко, прочно. Враг пытался несколько раз наступать, но безрезультатно.

– В марте 43-го Вас назначили командиром дивизиона...

– Да, это очень ответственно. У нас тогда было шесть миномётов 120-мм. Очень мощное оружие. В одном месте такой урон нанесли врагам, что они на три дня приостановили наступление, а ведь на участке были только мои ребята. Мы потом с соседской батареей даже соревновались: командир с моих наблюдательных пунктов следил за стрельбой, потом со своей сравнивал. В общем, хорошо воевали мы.

– А на Курской дуге...

– Вот здесь уже серьёзные бои были, тяжелые. Но немцы сразу же споткнулись о нашу систему заграждений: траншеи,

блиндажи... Два раза врывались и оба раза их отбрасывали. Понесли колоссальные потери. Когда же мы вернулись на место прорыва, поле около деревни Масловка было усеяно берёзовыми крестами. Сколько тел в каждой могиле – не знаю, но поле было 1,5 км на 2 км. И это только на данном участке!

– Что играло большую роль: отвага солдат или грамотное руководство?

– И то, и другое. Воевали все хорошо, у меня нет претензий ни к кому: и евреи, и узбеки, и казахи – все как один.

– Бывали моменты, когда опускались руки?

– Не было такого. Ни у меня, ни у солдат моих. Единственное, в начале самом думал, что не выживу.

– А дезертиры были?

– Нет, когда нас на фронт прислали, разместили во 2-м эшелоне, где около 30 суток обучали, знакомили с миномётом. Только после оказались на огневых позициях. Всё пошло как по маслу, потому что было время научить людей и морально немного подготовить, коллектив узнать. Правда, был один случай, солдат отрубил себе пальцы на правой руке, чтобы не стрелять. В тыл хотел. Он вырубал лес для огневой позиции, говорит, что случайно получилось. Кто его знает. Судить

не стали, просто оставили в батарее.

— **На подступах к Берлину было чувство победы?**

— О, конечно! У нас не было сомнений и в 41-м году, что победа будет за нами. Курсантом был, солдатом, командиром — никаких сомнений. Даже когда отступали, когда почти у Харькова оказались, ни одной мысли и ни у кого.

— **А в самом Берлине что происходило?**

— В самом начале наши войска быстро подошли, прорвали оборону на реке, углубились километров на восемь. Перед прорывом мы провели арт-подготовку, благодаря чему наносили значительный урон силе противника. Трупы прямо в окопах видели... много...

В городе за каждый дом приходилось воевать, да что там! За каждый этаж! Ближе к Рейхстагу труднее стало, потому что немцы располагали огневые установки на плоских крышах домов. Если раньше мы воевали за три первых этажа, то тут приходилось сражаться за здание целиком. На одной крыше аж 4 орудия находилось!

Потери были, но меньше, чем немцы рассчитывали. У нас в полку во время боёв в Берлине человек восемь полегло, за 4–5 дней боёв — мизерные потери. А

вот пехота немного больше потеряла.

— **Были случаи, чтобы немецкие жители к Вам на помощь приходили?**

— Нет, только когда мы прятались, помогали. Я одну ночь провёл в подвале, мне уступили уголок с кроватью, хоть за 4 дня боёв поспал как следует. Солдаты со мной были: разведчик и телефонист, разведчики спали, а телефонисты — нет, им нельзя. Они начеку всегда.

— **Когда пришло осознание конца войны? Что совсем всё, можно выдохнуть?**

— Это в Берлине. Мы почти подошли к Рейхстагу, немцы оказывали в одном квартале усиленное сопротивление, особенно на чердаках, на крышах. Трудно нам дался этот квартал, но когда овладели им, я построил весь полк, поздравил с окончанием войны, хотя ещё и город не капитулировал, но я знал — пока нас перебросят на восток — километров за триста, немцев уже перебьют. По сути дела, для нас так и закончилась война.

— **Военные будни, когда нет боевых действий, какие они?**

— Бой, на самом деле, никогда не кончался, даже если мы оборонялись, огонь постоянно вели и мы, и немцы.

— **С пленёнными немцами как полагалось обходиться?**

— В тыл надо было отправлять. Но было по-разному. Однажды привели человек шесть, а командир полка еврей был, всю его семью — отца, мать, жену, детей — фашисты побили. Он глянул сурово и тут же приказал: «Расстрелять!» Мы с комиссаром стали отговаривать, мол, не стоит, отправим в тыл, там разберутся, он слушать нас не стал. Солдаты отвели пленных подальше, постреляли для шума, а немцев из полка выслали.

Не знаю, как в других местах, но у нас сдавались ещё до Берлина, довольно много. Однажды человек пятнадцать пришли. В 42-м и 43-м такой массовой сдачи не было. А потом и в бою чувствовалось, что понимают немцы — проиграна война.

— **Случались чудеса на фронте?**

— Было, конечно. В Белоруссии, в одном селе, чуть ли не рота осталась в деревне, которую захватили немцы. Наши ребята не сдались. Человек 25–30 больше суток сопротивлялись, пока им не помогли.

— **А самый страшный бой?**

— Бой любой страшный. Я не знаю, что можно сказать о 41-м годе. Там часто чудом выжили, особенно при обороне Киева. Оставался буквально

десяток человек в роте против двухсот—трёхсот немцев. Мы сражались до ночи, а ночью отходили.

В 42-м и 43-м годах на плацдармах были тяжёлые бои. Ведь маленький плацдарм обстреливается пулемётным, винтовочным огнём. Про артиллерийский вообще говорить нечего.

— **А боевые товарищи, друзья?**

— Конечно, были, да ещё какие! В полку у нас было два начальника взвода — замеча-

Не знаю, как в других местах, но у нас сдавались ещё до Берлина, довольно много. Однажды человек пятнадцать пришли. В 42-м и 43-м такой массовой сдачи не было.

тельные люди. Один из них стал вместо меня командиром батареи, а я перешёл в командир дивизиона. Опанасенко, украинец. Воевали до конца.

Лавренёв был хороший командир, но выбыл по серьёзному ранению перед Курской битвой. Наверно, месяца четыре отсутствовал, потом добился возвращения. Мы его сразу командиром батареи назначили. Семья его была в Сибири, три сына. Когда он в госпитале оказался, мы собрали вещи кое-какие: тех, кто по-

гиб, у старшины что-то нашлось — хорошая посылка получилась.

— Вы тоже были ранены в Берлине?

— Да, мне шею пуля про- сверлила.

— И остались в бою?

— Рану перевязали, суток пятнадцать походил с повязкой, и всё прошло. До этого в голове осколок был, снаряд разорвался на Курской дуге, проче- сал меня.

— В госпиталь не отправили?

— Нет, я вообще в госпита- ле не был. Два ранения всего, а так.. ушибы были.. позвоноч- ник.. больше полумесяца не мог разогнуться. Потом прошло. Да и не до ранений нам было, не чувствовали.

— На войне Вы были моло- дыми совсем, и романы случа- лись, наверно?

— А как же! Как же без это- го! Много! Дело-то молодое. Я и женился на войне. Она была младшим врачом полка, млад- шим лейтенантом, по-моему. На фронте и расписались, в пе- рерыве между боями. В полку

у нас была врач, супруга моя, и ещё три фельдшера по дивизи- онам — четыре женщины всего.

— Немного на весь полк...

— Ну а что ж сделаешь? Зато как мы их оберегали!

Песни строка

За долгие годы в дорогах же- стоких,

В сиротстве,

В потерях,

В строю —

Нечаянно

Песни услышанной строки

Тропу выпрямляли мою.

Добро зажигали

И злобу гасили,

Отчаянью наперекор,

И мужеству — нежность,

И слабости — силу,

И сердцу давали простор.

И я, испытавший бои

и потери,

Живу, отвергая покой,

Чтоб в песне любви,

Доброты и доверья

Остаться хотя бы строкой.

Б. ДУБРОВИН

Василий Данилов

В.А. ДАНИЛОВ:
У нас даже вопроса
не возникало, почему
мы воюем

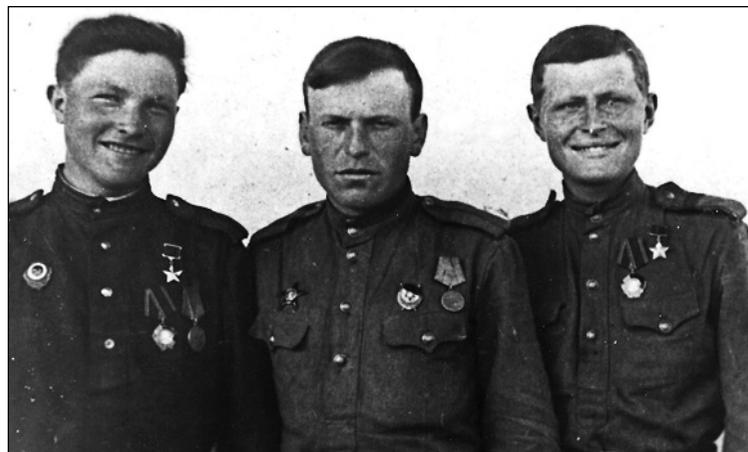
Герою Советского Союза Василию Данилову сейчас 85 лет. На фронт он попал 18-летним юношей, в феврале 43-го. Сегодня генерал-лейтенант в отставке с гордостью вспоминает свой боевой путь и свою работу в качестве комсорга роты, потом батальона, а затем и отряда по форсированию Днепра.

— В АСИЛИЙ Александрович, каким образом удавалось воздействовать на молодых бойцов? Неужели рисковать жизнью можно заставить?

— Нужно уметь объяснить, для чего это необходимо. Чтобы человек сам пошел в бой, не паникуя и не думая про себя. Конечно, это очень непросто. Люди все разные, к каждому надо найти свой особый подход. Для этого я наблюдал за своими бойцами: за тем, как они живут, о чем говорят, как ведут себя, как воюют.

Каждый человек от природы подвержен чувству страха, и я никогда никого не называл трусом. Ни в коем случае! Иначе человек может «закрыться», озлобиться... Главными методами были слово и личный пример. Я ведь рос не в «сахарных» условиях: крестьянская многодетная семья, где во главе уг-

ла все время был труд, без жалоб и хныканья. Это научило меня преодолевать трудности, быть деятельным и энергичным. Когда на 19-м году жизни я попал на фронт, меня зачислили в 1118-й стрелковый полк, 2-ю стрелковую роту, стрелком-автоматчиком и сразу назначили ротным комсоргом — комсомольским организатором. Это было очень ответственно: и за себя, и за товарищей. В боях я старался думать прежде всего о выполнении задания, а не о своей печальной участи. Это сосредотачивало на главном и позволяло скооперировать энергию. Так было и при форсировании Днепра. После тяжелейших боев за Запорожье (за каждую улицу, за каждый дом!) нам было приказано сформировать передовой отряд в 100 человек и форсировать великую реку на участке юго-западнее освобожденного города.

Фронтвые комсорги. Василий Данилов первый слева, 1944 г.

— Как людей отбирали?

— Брели тех, кто отлично владеет оружием, умеет плавать (на случай если лодку разобьет), думает не только о себе, но и о товарищах. Здесь нужно действовать сообща, единой душой! Тогда успех возможен. Я был комсоргом отряда. Командира выбирали долго. Многие отнекивались: знали, что на смерть идти.

Отряд возглавил замечательный человек — старший лейтенант Петр Карпович Прилепа. Молодой, смелый, прекрасный командир! Очень больно от того, что звание Героя Советского Союза за форсирование Днепра он получил уже посмертно...

Мы переправлялись в лодках, человек по семь—десять.

Перетащили лодки на плечах с оврага, спустили на воду, разместились и поплыли... навстречу смерти. Но, повторяю, старались об этом не думать. Думали о задаче: в кромешной темноте подплыть к берегу, не

Перетащили лодки на плечах с оврага, спустили на воду, разместились и поплыли... навстречу смерти.

открывая огня до приказа, чтобы ничем не выдать себя. А потом в атаку!

— Получается, вы немцев застали врасплох?

— Они знали, что советские войска будут форсировать реку, но не знали когда. Поэтому постреливали из пулеметов в темноту так, для острастки.

Пока плыли, наша лодка отстала от остальных. Сапер на веслах выдохся и еле-еле греб. Я вырос на Северском Донце и лодкой управлять умел с шести лет. Решил его заменить. Мы быстро поравнялись с остальными и продолжали плыть в полной темноте. Как только доплыли до берега, командир закричал: «В атаку! Огонь! Вперед!» И мы открыли ураганный огонь!

Выпрыгнули из лодок и до наступления дня вели перестрелку. Днем немцы стали активнее и разгорелся самый настоящий, решительный бой. Сколько их, мы не знали. У них на берегу была оборона. Мы тоже не с пустыми руками: карабины, автоматы, гранаты, пулеметы. Потом с того берега доставили 45-мм орудие. Немцы стали подбрасывать подкрепление, и в центре нашего боевого порядка начала возникать паника. Командир Прилепа вовремя отследил это, там, в вихре боя, и повернул всех в решительную контратаку. Мы с новым напором стали теснить врага, да так, что практически всех уничтожили. Потом начали прибывать к нам на лодках основные силы, и плацдарм был закреплен. Это был святой для меня бой. Очень много моих боевых друзей погибло тогда! Пятнадцать воинов, форсировавших плацдарм (в том числе и я), стали Героями

Советского Союза, из них семь посмертно... Дальше мы продолжили освобождение Правобережной Украины, боролись за Молдавию, Польшу, штурмовали Брестлау...

– **Василий Александрович, у молодых бойцов, которых Вы настраивали на кровопролитные сражения, ни разу не возникал вопрос: «Почему мы воюем?»**

– Для нас это была святая война. У всех, почти у всех, была обоснованная ненависть к фашистам. Они нападали на наши города, издевались над нашими людьми, оскверняли нашу землю. Их никто не звал! Они сами пришли. И мы им показали, что не нужно было этого делать.

Будьте начеку!

*В который раз ночной порой
Я отгремевший слышу бой.
И, разогнав остатки сна,
В моем мозгу гудит война.*

*Бомбардировщиков полет
Никак уснуть мне не дает.
Я вижу втиснутый в кювет
Тяжелый гусеничный след.*

*Тогда хочу я криком стать,
Себя призывом распластать,
Все чувства слить в одну
строку:*

О люди! Будьте начеку!

Б. ДУБРОВИН

Александр Савилов

А.Т. САВИЛОВ:
**В освобожденных
городах немцы
с цветами встречали
наших солдат**

Для нового поколения Великая Отечественная война уже миф. У него собственные представления о тех кровопролитных сражениях. Прошедших войну остались единицы. Александр Савилов – один из них. Он родился 12 декабря 1924 года и уже в 18 лет начал воевать. Участвовал в боях под Ленинградом, на Курской дуге, на подступах к Праге. Не раз сталкивался со смертью лицом к лицу и чудом остался жив.

— А ЛЕКСАНДР Трофимович, когда Вы попали на фронт?

— В 1942 году. До этого я, шестнадцатилетний парень, копал окопы в Брянской области, разгружал цемент для строительства редутов. Только светать начинает — надо идти... Через три месяца после начала войны отправили во Владимирскую область, а оттуда — в Чебаркуль, где я прошёл трехмесячный курс подготовки на артиллериста. Был наводчиком. А затем уже начали формировать военные части.

Нас думали направить под Сталинград, но там уже всё закончилось. Поэтому послали к Ленинграду. А там же одни боюта! И поэтому, чтобы проехать на машинах, мы спиливали деревья и клали их перед собой. Проедем сто метров — опять до-

рогу делай. Окопы там не выкопашь — делали себе шалаши. Накрывали их шкурами лошадей. Мы там пробыли с января по апрель 43-го. А потом нас отправили на Курскую дугу, под Белгород...

— **Расскажите про Курскую битву. Особенно хотелось бы услышать про сражение под Прохоровкой...**

— Тогда два орудия наших к «тиграм» послали, прямой наводкой бить... до ста метров! И вот, когда мы уже подготовили орудие для выстрела, снаряд проскочил рядом. Пять метров, полметра — я не знаю, но свист был такой, что пилотка соскочила. А потом мы развернули орудия — и давай бить... А то не давали немецкие танки нашим прохода. Заглушили всё-таки... Тяжёлая броня была у них. Пробивали с боку. Главное было

танк обезвредить. Если в гусеницы попадёшь, то он уже не сдвинется с места. Вот тут я 3 танка подбил.

— **Я читал мемуары немецких генералов, которые как раз принимали участие в этой битве. Они были поражены стойкостью русских солдат...**

— Конечно! Ну а куда мы денемся? Меня послали сюда, здесь огневая позиция... некогда окоп выкопать себе! Стрелять надо — 5 минут на то, чтобы орудие развернуть!

— **Может быть, немного банальный вопрос, но... не страшно было?**

— Знаете, страшно было, когда перерывы наступали между боями, затишье... Как начинается артподготовка — самолёты немецкие летят, а ты залезаешь в окоп... вот тогда — да. А потом ничего — привыкаешь.

— **Вы участвовали в форсировании Днепра?**

— А как же! С нашей стороны был низкий берег — пляж, а с немецкой нас видно было, как на ладони. Нас бомбили без конца, обстреливали. Ночью мы тянули от берега до берега понтоны. Часы немецкие мне с того боя достались... До сих пор идут.

Потом, 7 ноября 43-го, поступил приказ Сталина взять Киев. Мы рядом с детским го-

родком Пушая водица установили свои орудия, и вот здесь нас накрыла авиация... Прямым попаданием было уничтожено моё орудие!

А у меня-то — из уха кровь, раны на ноге... Сантиметр ещё — и без ноги бы остался. С Урала за десять дней привезли новый лафет, и я догнал своих...

— **А сколько времени Вы в санчасти провели?**

— Я там не был. Я не пошёл в санчасть. У нашей части не было госпиталя, а в чужие госпиталя я не захотел. Десять дней мы ждали, пока отремон-

Утром едем на запад, а навстречу нам немцы идут. Винтовки со штыками повтыкали в кюветы и идут, идут... Они на нас не обращают внимания, мы — на них.

тируют орудия, а у меня только ухо плохо слышало... Ну, поставили орудие, и поехали дальше.

Мы были в Дрогобыче, Карпатах, Кракове... Оттуда дальше. Шли уже почти без боёв. 40 километров не дошли до Праги. 7 мая 45-го мы выстрелили последний раз. Всё, больше не стреляли. Утром едем на запад, а навстречу нам немцы идут. Винтовки со штыками повтыкали в кюветы и идут, идут... Они на нас не обращают внимания, мы — на них.

Три месяца пробыли под Прагой, в палатках. Потом попали во Львов. Там на станцию три мешка писем нам привезли. Вся платформа бумагой была засыпана. Немка только заметёт всё, а тут опять...

— Как Вас встречали жители освобождённых городов?

— Ну, например, мы влетели в Дрогобыч... Люди с цветами на улицы выходили. Не было таких, чтобы говорили «вот вы такие-сякие...».

— На протяжении четырёх лет Вы воевали с немцами. Какое у Вас отношение к ним? В СССР была некоторая тенденция «оглуплять» их...

— Нет-нет... Обычные люди.

Завоевавшие Победу

*Раны скрыты...
Привыкли, хотя покалечены.
В них остывшей войны
Пламенеющий след...
Инвалиды Великой
Отечественной —*

*Так просты и скромны,
Вроде их — нет.*

*То небриты,
То строго одеты,
Прокашливают
Ветер пороховых
Вечных годов...
Инвалиды,
Победу завоевавшие...
И смотрю я на них,
Как на богов.*

Б. ДУБРОВИН

*Тамара Иванова с мужем
Борисом Ивановым*

Т.М. ИВАНОВА:
**Когда враг подошел
к Москве, тяжело
было слышать голос
Левитана**

«Вся наша жизнь – любви явленье...» Это строчка из стихотворения Бориса Иванова посвящена его жене Тамаре. Они учились в одной школе, переписывались всю войну, а по окончании войны поженились и никогда не расставались. Боец СМЕРШа в годы Великой Отечественной Борис Иванов не дожил до 65-й годовщины Победы – его не стало полтора года назад. Тамара Михайловна бережно хранит память о муже, с которым она прожила в браке почти 60 лет.

О СТАЛИСЬ дети, внуки, правнуки, воспоминания и стихи: «Вся наша жизнь любви явленье, как миг, как чудное мгновение...» Перед свадьбой Борис сказал мне: «Между нами не будет никаких секретов, кроме моей работы». Но я никогда и не спрашивала: нет дома – значит, надо...

Мы поженились сразу после войны. Свадьбу отпраздновали более чем скромно: ни роскошного платья, ни большого застолья – это были мелочи в сравнении с их большим и многократно проверенным взаимным чувством.

Боевое крещение

Когда встречаешься с людьми, пережившими ту страшную войну, хочется расспросить их обо всем, до мельчайших под-

робностей, потому что понимаешь – их свидетельства драгоценны, а время безжалостно, и мы можем просто не успеть...

– У меня были тяжелые военные годы, – говорит Тамара Михайловна и вздыхает: – Лучше бы никогда ее не было, этой войны...

Начало войны застало их семью в Западной Белоруссии – там работал отец Тамары Михайловны. Глава семейства, раздобыв где-то лошадь (благо, мужик деревенский, умел с нею управляться), повез домочадцев в Борисов – на железнодорожную станцию. Там Тамара, ее родители и младший брат Юра, которому тогда исполнилось всего три года, сели в эшелон, идущий на восток. Война гналась за ними по пятам: поезд часто бомбили, мать Тамары ранили в ногу. Постепенно пассажиры приноравливались вы-

скакивать из вагонов, едва услышав звук приближающихся немецких бомбардировщиков, и прятаться в кустах, канавах или оставшихся после взрывов воронках: люди бывалые говорили, что это самое безопасное, поскольку снаряд дважды в одно место не попадает.

Поезд пустили в обход Москвы через Челябинск. Так Тамара снова оказалась в Зуевке.

– Осенью 1941 года я пошла в 10 класс Зуевской средней школы № 1. Окончила ее и поехала поступать в Пермский мединститут. Приняли нас без экзаменов, но вместо занятий мы попали на сельхозработы. Картошку копали, жали, косили, сплавляли бревна по Каме. 17–18-летние девочки без теплых вещей, кто в туфельках, кто в тапочках... Правда, к холодам студенток отправили на учебу. Учиться предстояло 6 лет, и все это время девушки считались мобилизованными.

– Почему я и считаюсь тружеником тыла, – поясняет Тамара Михайловна. – Нас могли снять с занятий, мы принимали раненых (в Перми было очень много госпиталей), перевязывали их, делали уколы, хотя больших медицинских познаний не имели, ночами дежурили. Там и получили, так сказать,

боевое крещение – быть или не быть медиком.

Чего только не насмотрелись девочки: «Не дай Бог никому! Тяжелые раненые встречались – без рук, без ног, просто обрубки...» И каждую наверняка посещала мысль о том, что где-то, быть может, также стонет тяжелораненый отец, брат, жених... А быть может, уже убит...

– Самый страшный момент для меня, – рассказывает Тамара Михайловна, – когда от отца долго не было писем. Его мобилизовали и отправили на фронт, ему уже было за 50. Его довели до Москвы и остави-

«Не дай Бог никому! Тяжелые раненые встречались – без рук, без ног, просто обрубки...»

ли интендантом при Московском военном округе, но мы долго не получали писем. И вот это ожидание было очень мучительным.

Борис и Тамара поначалу писали друг другу нечасто. Лишь когда Иванов получил звание лейтенанта и стал бойцом СМЕРШа, появились некоторые преимущества. Должность начальника одного из подразделений досталась Борису без излишних бюрократических проволочек: дела передавать было некому – его

предшественника только что убили...

— Когда писем долго не было, я шла к своей однокурснице Тамаре Катковой и просила: «Погодай на картах». Та раскидывала карты, и по всему выходило, что все будет хорошо.

— Ну, какая из врача гадалка, — смеется Тамара Михайловна, — но на душе становилось легче.

Представление о том, что война вот-вот закончится, постепенно развевалось.

— Но мы верили в победу, мы все верили в светлое будущее — до самого капитализма, — улыбается Иванова. — Но когда враг начал подходить к Москве, тяжело, конечно, было слышать голос Левитана: сдавали город за городом. Потом приедет кто-нибудь с фронта, пустит «утку», что наши везде наступают, обрадуешься. И все мы понимали, что надо работать, работать и работать — все для фронта, все для Победы!

Жизнь не победить ничем!

Жила Тамара в общежитии. В комнате было 8 девушек, но как с первого курса сдружились, так до последнего и не разъехались.

— Раз в день нас кормили в столовой: кусочек хлеба и та-

релка супа. Вам, наверное, трудно будет представить, что это было за блюдо: две-три лапшички и водичка мутная, мукой или чем-то еще забеленная. Вот это считался суп. И мы ведь его ели, мы ждали. Пока ждешь, понемногу от кусочка хлеба крошки отщипываешь...

Тем, кто учился на «отлично», полагалась дополнительно чекушка машинного масла — мы на нем картошку жарили. Спасибо моей маме, царство ей небесное, она мне картошку посылала, хлеб... Так что сказать, что я голодала, нельзя.

Однажды в очереди в кино-театр у Тамары украли продуктовые карточки. Их выдавали на месяц, и по ним можно было получить 400 г хлеба, жиры, растительное масло... Потеря этих драгоценных кусочков бумаги означала едва ли не голодную смерть, но Тамару выручили подруги — такова была сила товарищества.

Что бы ни происходило в мире, девушкам хотелось быть привлекательными, желанными, любимыми. А раненые, едва приходили в себя, тут же начинали ухаживать за «сестричками», приглашать на свидания. И никакая сила не могла победить эту тягу к жизни, которая, по-видимому, только обострялась на фоне войны, ведь каждая встреча могла стать последней.

— Недалеко было военноморское училище, мы туда бегали на танцы, — вспоминает Тамара Михайловна. — А парни, приходя на свидание, брали с собой то сахариночку, то полпряничка, чтобы нас порадовать. Теперь в это просто не верят, внуки мне говорят: «Бабушка, такого быть не может!»

Этот День Победы...

Это самый светлый день для всех, кто пережил войну, и воспоминания о нем у большинства практически одинаковы. Но такое, честно сказать, довелось услышать впервые, а ведь, пожалуй, слова Тамары Михайловны очень похожи на правду без прикрас, достаточно вспомнить, как в России принято отмечать праздники.

— Пришли морячки, принесли спирту и водки, мы приготовили винегрет — большего лакомства тогда не было, и так все напились! Моряки-то наши подрались на лестнице, за что нашу комнату потом обсуждали: как это, День Победы, а тут кровь льется!

Конечно, радовались, кричали «Ура!», на улице обнимались со знакомыми и незнакомыми, пели, плясали. Это было что-то невообразимое!

И с тех пор в семье Ивановых День Победы стал одним из самых любимых и дорогих праздников, когда за столом собирается вся большая семья: помянуть погибших и восславить живых.

Жены офицеров

*Вот — ночи начало
И сна забытьё...
Ещё не звучало:
«Застава, в ружье!..»
Оружье проверив,
Уходит наряд...
Не спят офицеры,
И жены не спят.*

*Граница — в тревоге:
Заметили след!
Лучи на дороге
И вспышки ракет,
И кони — карьером!..
Вернутся ль назад?..
Не спят офицеры,
И жены не спят.*

*Назад прискакали
Крассвету они,
Коней расседлали,
Снимают ремни.
И лица их серы,
Туманится взгляд,
И спят офицеры,
А жены не спят.*

Б. ДУБРОВИН

Виктор Греков

В.Н. ГРЕКОВ: Оккупанты относились к мирным жителям как к рабам

С 83-летним ветераном Великой Отечественной войны Виктором Грековым я встретилась во время своей короткой командировки в Норильск. Судьба этого человека меня просто поразила. Столько всего ему пришлось пережить, что и представить трудно! Он был в оккупации, участвовал в кровопролитных боях, с боями дошел до Берлина...

— В ИКТОР Николаевич, Вы пережили оккупацию и кровопролитные бои. Что оказалось страшнее?

— Оккупация. Это чудовищное ощущение, когда ты находишься во власти врага и не можешь оказать сопротивление! Противно ощущать себя рабом. Мы жили в таком положении полтора года. Город Сычёвку Смоленской области немцы заняли в октябре 41-го. Тут же установили свой порядок, назначили полицаяв. У жителей уводили коров, отбирали последние вещи, всю еду. Оставалось только то, что закопали поглубже.

В нашем доме немцы разместили ящики с медикаментами. Я, еще мальчишка тогда, как-то полюбопытствовал, что там лежит. Меня застали за рассматриванием, и так сильно избили палками, что

я две недели не мог на ноги встать.

В начале весны 43-го, когда немцы начали отступать под ударами наших войск, всю деревню согнали и начали жечь дома. В это время я, оправляясь от перенесенного тифа, спал на печи за занавеской. Проснулся, нет ни души. Вдруг слышу: на пороге плачет соседский ребенок. Не знаю, что стало с его матерью, но его держала чужая старушка, сама чуть стоя на ногах.

Я кое-как оделся, накинул на себя одеяло и попытался выйти. Дом уже начал гореть. У дверей стояли два немца с прикладами, замахнулись, но я каким-то чудом успел прошмыгнуть. В колонну построили около полста семей, и погнали до города. Момент был душераздирающий! Одна женщина везла на саночках пожилую мать. Та ей: «Фрося, брось меня! А то и тебя убьют!» Так

и случилось. Немец подошел, стукнул Фросю прикладом, а ее мать пристрелил. Чтоб не задерживали идущих. Потом застрелили еще одну старушку, все на моих глазах. И кого-то в начале колонны: это я только слышал... Немцы бросили всех в километре от города, и мы разбежались, как стадо.

— **Наверное, это ужасно страшно: вдруг оказываешься на свободе и понимаешь, что бежать-то некуда!**

— Дня три я с семьей пробыл у сычѳвских знакомых, а потом вернулся на пепелище.

У дверей стояли два немца с прикладами, замахнулись, но я каким-то чудом успел прошмыгнуть.

Голодный, нашел там картошку полуобгоревшую и ел жадно так, как будто это великое лакомство. Потом мы узнали от наших солдат, что километрах в пяти есть несожженная деревня, пришли туда и заняли пустующий дом. А когда потеплело, снова вернулись к «родным углям» и начали отстраиваться. Так что, когда в марте 43-го мне пришла повестка, я был уже человек бывалый. И самолеты нас бомбили, и минометы обстреливали. Все это казалось не ново и не сильно пугало. Мать

держалась молодцом: стойко провожала меня и уже потом, после войны, сестра рассказывала, как она рыдала дома...

— **Сколько тогда Вам было лет?**

— Семнадцать. Нас учили в Пензе, потом в Житомире и в январе 45-го отправили на фронт. Я попал в зенитную артиллерию. Мы воевали в составе 5-й ударной армии 1-го Украинского фронта. Сбивали самолеты под Бреслау, Баротом, Цосеном. Так дошли до Берлина! Но были только на окраинах фашистской столицы. В ночь на первое мая мы получили команду «Отбой поход!» и отбыли в Чехословакию.

Помню, под Бреслау было много забавных эпизодов. Зенитчики не сталкивались с немцами напрямую. Впереди нас прикрывали пулеметчики, а сбоку — минометчики. Но атмосфера свистящих пуль и рвущихся метрах в пятнадцати нашему пареньку, Ваньке по прозвищу Курский, осколок угодил прямо в карман гимнастерки, но в тело не вошел. Он паникер был жуткий! Кричит на всю передовую: «Ой, убило! Ой, братцы, убило!» Ему в ответ: «Какого хрена орешь?! Раз орешь, значит, не убило!».

А потом в тех же боях прямо над нами летел «Юнкерс-52», транспортный. Мы в него бах-бах-бах! Смотрим, сбить не получилось, надо пушку поворачивать. А нет солдата! Только что был и исчез. Так оказалось, этот Ванька под крестовину пушки залез, испугался.

Там же, под Бреслау, как-то приводили в порядок орудия, смотрим: «мессершмит!» Я кричу: «Давайте собьем, сержант!» А он мне: «Так чистить же орудие надо... Ну да ладно, валийте!» Мы по нему 3 снаряда, самолет завертелся, показали два парашютиста. Значит, не зря!

Под Брокау был мой третий сбитый самолет. Штурмовик Ю-88 летел низко и скрывался за дымовой завесой. Мы стреляем по нему — снаряды улетают в дым. Вообще ничего не видно! Минут через пятнадцать командир батареи: «Кто стрелял? Что ж не докладываете, что сбили самолет?!» Как же приятно было услышать этот добродушный упрек!

— **Конечно, ведь это Ваша победа! А Великую Победу где встречали?**

— В Чехословакии, куда нас перебросили из Берлина. 9 Мая мы ликовали в Праге. Достали бочку пива и местного печеного хлеба. Обед был замечательный! Когда ели суп, увидели голодного чеха. Я подзвал его, чтоб предложить, а он схватил котелок и бежать! Ребята думали, не видать больше котелка. А я почему-то был уверен: принесет обязательно. И действительно, минут через пятнадцать прибежал с котелком, опустошенным и чистеньким. На славу тогда отметили!

Анкета

*Графа идет в анкету
за графю.*

*Все учтено
Почти за сорок лет...
Но жаль, что нет графы:
«ПЕРЕЖИТОЕ» —
Ведь без нее в анкету
Сути нет.*

Б. ДУБРОВИН

Дарвиш Сабитов

Д.З. САБИТОВ: В подарок другу – самолет врага и... орден

Хочу рассказать о своем дедушке. Его зовут Дарвиш Зиннятович Сабитов. Во время войны он был призван в армию. Его направили в военное училище, где он стал командиром зенитного взвода. В 1944 году он получил звание младшего лейтенанта и назначение на Карельский фронт. Ему еще не исполнилось и девятнадцати, а он уже командовал солдатами, которые были гораздо старше его.

БАТАРЕЯ зенитных пушек, в которой он служил, защищала штаб фронта, которым командовал генерал армии Мерецков. Батарея – не очень большая сила, всего шесть пушек, к тому же это были пушки малого калибра, для стрельбы по низколетящим самолетам. Но командующий фронтом не боялся воздушных налетов.

Генерал по утрам умывался полураздетым, и дедушка увидел: он весь перевязан какими-то черными повязками.

– Я удивился, но никого не стал спрашивать об этих повязках, – рассказывал дедушка. – И лишь через много лет узнал, что в начале войны Мерецков был арестован как «враг народа». Его жестоко избива-

ли следователи. Ничего от него не добились, а потом Сталин приказал его освободить и вернуть на фронт. После допросов генерал вынужден был носить что-то вроде корсета...

Дедушка участвовал в наступлении 1944 года, когда наши войска освободили Карелию. В одном из боев

Лишь позже мы узнали, это был норвежский принц Олаф, который во время войны спасался от немецких оккупантов в Англии и теперь вернулся на родину.

его взвод сбил вражеский самолет. За это полагалась награда. Но к нему обратился командир другого взвода и попросил: «А можно засчитать этот самолет мне? Ты еще собьешь». Этого офицера собирались демобилизовать из

армии по здоровью, и он хотел вернуться с орденом. Дедушка согласился. Он же был совсем молодой и уважал старших. И тот офицер получил орден...

А потом наши войска вступили на территорию Норвегии, где освободили от немцев город Киркенес. Там и закончилась для дедушки война.

Он рассказал об одном необычном эпизоде.

— В расположении наших войск в Киркенесе вдруг появился в небе самолет, который не подал условленный знак (комбинацию ракет, обязательную для всех самолетов своей и союзной авиации). Летит без пароля — значит чужой. Это был английский гидроплан «Каталина». Скорее всего, союзники... А вдруг его захватили недобитые фашисты и хотят напоследок что-то натворить? В любом случае по уставу надо открывать огонь. Командир батареи приказал стрелять трассирующими снарядами, но перед самолетом, чтобы летчики увидели огненный пунктир. И тут они спохватились и выпустили из кабины условленные ракеты. Батарея сразу прекратила огонь, и гидроплан сел в заливе. Потом от него отплыла лодка, а ей навстречу двинулось множество лодок с берега. Зенитчики наблюдали за всем этим издали, не понимая, что же происходит.

Потом на берегу норвежцы начали с радостью приветствовать человека, прилетевшего на «Каталине». Наконец он сел в поезд и уехал... Лишь позже мы узнали, это был норвежский принц Олаф, который во время войны спасался от немецких оккупантов в Англии и теперь вернулся на родину.

Когда наши войска ждали отправки из Киркенеса домой, к ним приехала группа артистов. Среди них была певица из Башкирии! Ей все хлопали, а особенно дедушка. После выступления он хотел поговорить с землячкой на родном языке, разузнать, как живет в Уфе. Зашел в помещение, где располагались артисты, и увидел, что она... крепко спит. Видимо, выступлений было много, и она очень устала. Он так и не решился ее разбудить.

Нелегко

*О себе не кричит доброта,
Восхищение ею нелепо.
Но бывает она дорога,
Как довесок пайкового хлеба.*

*Ночника непогашенный свет,
Печь под утро, еще
с теплотою...*

*Нелегко на жестокость
в ответ
Доброте оставаться собою.*

Б. ДУБРОВИН

Кристина Ольхова

К.М. ОЛЬХОВА:
**Выжить вопреки.
Работал один
инстинкт – спастись**

Когда все против тебя, когда уничтожают твоих близких, бомбят любимые города, ты живешь в постоянном страхе и ждешь, что жизнь вот-вот оборвется... Под силу ли человеку выжить в таких условиях? Кристина Максимильяновна Ольхова (в Советском Союзе получившая имя Ксения Максимовна) сумела пережить страшнейшую оккупацию, фашистские лагеря и скитания по чужой земле. Она ценит жизнь и твердо верит, что люди многое могут выдержать.

— КРИСТИНА Максимильяновна, для Вас как жительницы Варшавы война началась гораздо раньше, еще в 1939-м году...

— Да, тогда я была совсем маленькой, мне только-только девять лет исполнилось. Сестра Людвика на год старше.

Летний отпуск в деревне как раз подходил к концу, когда немцы напали на Польшу. Никто не мог предположить тогда, насколько долго продолжится оккупация. Мы поняли одно: что наша жизнь, Богом данная жизнь, ничего больше не стоит.

Совершенно внезапно налетели самолеты и начали бомбить железнодорожную станцию. Люди бросились врассыпную, ничего толком не понимая. Немцы с шумом, на мотоциклах, въехали в село и заняли двухэтажный деревянный домик, где жили несколько

семей с детьми. Они расположились на первом этаже и начали кутеж — отмечали начало войны, наверное. Потом, пьяные, стали брать четырех — пятилетних малюток со второго этажа и расстреливать их, как мишени. Мы, дети постарше, выпрыгивали из окон и убегали. Зимой немцы оставили село, и мы с мамой уехали обратно в Варшаву. Но там было не легче!

Оккупация

— Вы были еще ребенком и не могли понять политической подоплеки событий. Враг воспринимался какой-то абстрактной силой?

— Первоначально никто не осознавал, что происходит. При первой бомбежке люди просто бежали, не зная куда. Работал один инстинкт — спастись. То, что война — это страшное зло

и враги несут смерть, я поняла уже при первых расстрелах и во время облав. Фашисты установили порядок: за одну убитую немецкую женщину расстреливаются сорок поляков, за немецкого офицера — шестьдесят. Недостоящих вытаскивали из домов, выпихивали из вагонов поезда. В общем, отыскивали везде, лишь бы набрать требуемое количество.

Однажды я ехала в трамвае, в который хотел зайти немецкий офицер. Его убили выстрелом в спину. Скорее всего, это были члены молодежной повстанческой организации по освобождению Польши. Находящиеся на улице немцы открыли по трамваю огонь: я спряталась под скамейкой. Потом оставшихся в живых пассажиров вытащили на

улицу и расставили вдоль стены — расстреливать. Рядом со мной, с краю, стоял юноша. Он тихо сказал: «Бежим!» И со всей силы рванул! Я ринулась за ним. Побежали и другие. Немцы стреляли людям в спины, и я слышала, как сзади меня падают безжизненные тела. Я юрко свернула за угол, и, представляете, попала в немецкий квартал! От отчаяния схватила за руку немку с ребенком. Не знаю, на что я тогда надея-

лась, но она действительно помогла мне. Повела к себе в дом, а часовому объяснила: «Майн кинд!» Я пробыла у нее до вечера, а потом вернулась домой.

На занятия в школу день ото дня приходило все меньше учеников: постоянно кто-то погибал.

Но самое страшное началось с началом Варшавского восстания, в августе 44-го. Мы не знали о нем и спокойно детской компанией играли у тети в районе Воля. А немцы между тем развернули масштабный расстрел. Ведь уставшие от вла-

Мы с сестрой бросились к кладбищу. Раньше из-за детского любопытства мы частенько заглядывали туда и знали, какие гробницы открыты. Может быть, это нас и спасло.

сти оккупантов революционеры стали сооружать баррикады по всему городу. Мы в этот момент с сестрой Людвикой прятались в кустах сирени, вдруг резко, словно подкошенный, упал наш брат Павлик. С криком «Убегайте!» выбежала тетя Паулина с маленьким ребенком на руках. Их расстреляли в упор. Мы с сестрой бросились к кладбищу. Раньше из-за детского любопытства мы частенько заглядывали туда и знали, ка-

Кристина Ольхова на Центральном телеграфе в Сочи, 1950 г.

кие гробницы открыты. Может быть, это нас и спасло. Около двух дней пришлось отсиживаться там. Ни есть, ни пить от страха не хотелось. Потом, когда стрелять перестали, мы кое-как добрались до мамы. За это время расстреляли 50 тысяч человек!

Мне тогда уже исполнилось тринадцать. И я узнала об организации молодых повстанцев — харцеже, участвовавшей в восстании, и примкнула к ним.

— Хотелось показать оккупантам, что не все в их руках?

— Очень! Я была связная. Доставляла сведения, разбира-

сывала листовки, помогала раненым и бросала в танки, обстреливающие дома, бутылки с зажигательной смесью. Так что можно сказать, что я не просто жертва военных действий, но и их полноправный участник. К сожалению, восстание было неорганизованно и плохо подготовлено, у поляков не хватало оружия и продуктов. Поэтому оно оказалось обречено на провал. Многие дома были разрушены до основания, люди умирали от голода, а трупы хоронили прямо во дворах...

Из-за нехватки воды там же во дворах стали рыть подо-

бие колодцев. Вода была грязная, коричневая. В сентябре мы с Людвикой, при полной дистрофии, подхватили еще цингу. Отсиживаясь в бомбоубежище, к концу восстания мы с мамой попрощались, поняв, что настал наш общий печальный конец. В дом попала бомба... Но на вторые сутки нас откопали. У меня отнялись ноги. Они были белые от колен до стопы, словно деревянные. И кое-как, с помощью массажей, чувствительность вернулась. За время восстания погибло 300 тысяч поляков! Немцы этапом гнали уцелевших в Прушков, в распределительный лагерь. Там мы навсегда потеряли маму... Ее отсортировали направо как работоспособную, нас — налево. До сих пор слышу ее крик: «Дети, всегда держитесь за руки!» И мы держались. Все концлагеря прошли в одной связке.

Концлагеря

— **Вдвоем, наверное, не так страшно было?**

— Конечно, близость родного человека ободряла. Но мы обе были очень больны, сил почти не было! Когда нас гнали в лагерь пешим порядком, другие поляки меня поддерживали. Чтоб немцы не поняли, что я не

могу идти, и не застрелили меня. Хотя тогда я была бы этому только рада...

Мы попали в женскую часть Освенцима — Бжезинку. Нас, вшивых, обстригли наголо, обработали какой-то жидкостью и загнали в душ, под тонкие струйки холодной воды. Потом выдали одежду с отметкой «П» — поляки. Детей периодически забирали в ре-вир (что-то вроде медчасти), на сдачу крови. Не знаю, сколько крови из нас выкачивали: мы просовывали ручку в окошко и ждали окончания процедуры. Большинство, теряя сознание, так и не возвращалось оттуда. В Освенциме было 8 крематориев и постоянно там кого-то сжигали! Я помню этот сладковатый удушающий запах... С продвижением советских войск, в декабре 44-го немцы начали разбирать крематории и часть узников лагеря погрузили в вагоны и увезли в Германию.

Из Освенцима мы попали в Нойенгамме. Руки и ноги мои были отморожены, и я то и дело молила Бога избавить меня от страданий. Хотелось одного — смерти. Я помню, как в апреле 45-го к нам в барак ворвались польские женщины с криками: «Свобода! Немцы удрали!» Территорию заняли английские войска. Но на нас им было глупо наплевать.

Кристина Ольхова (слева) с родной сестрой Людвикой Торовской, 1946 г.

В церкви

— **Что Вы почувствовали, когда после стольких лет страданий услышали это заветное слово — «Свобода!»?**

— Болезни настолько сломили меня, что к тому времени оно перестало быть заветным. Главное желание — умереть, чтобы не чувствовать этой боли, еще было сильно. Мое восстановление шло долго и болезненно.

Освобожденные узники стали группироваться по национальностям, чтобы идти в свои земли. Мы с Люд-

викой примкнули к полякам, но наша земля была разрушена, родственники расстреляны. В Варшаве мы надеялись найти маму, но этому не суждено было сбыться... Долго ютились в заминированных развалинах, а потом в поисках еды наткнулись на группу советских солдат. Они забрали нас с собой. Довезли до Бобруйска и оставили там. Что было делать двум маленьким полькам, которые ни слова не знали по-русски? Где достать еду? Кругом разбитые танки и обугленные печные трубы. По всему было видно, что здесь тоже проходили же-

сточайшие бои. Поэтому, когда мы увидели церковь, тотчас пошли туда. Может, это Бог нас направил. Батюшка немного знал по-польски, он накормил нас, дал ночлег и посоветовал больше никому не рассказывать, через что мы прошли. Мы сдержали свое обещание: я только после распада СССР начала рассказывать о том, что была в концлагерях. Муж так и не узнал о моем суровом военном детстве.

— **Даже не верится, что все это под силу пережить обыкновенному человеку... Вы выдержали!**

— Да. И после этого нам хотелось жить! Очень хотелось! Мы с Людвикой окончили Краснодарское училище связи, работали на Центральном телеграфе в Сочи, а потом перебрались в Москву. Очень долго пришлось над собой работать: я заикалась, мы боялись людей в форме и гула пролетающих самолетов. Но это прошло. Благодаря колоссальным усилиям воли и колоссальному желанию жить. Вопреки всему.

***

*Над текущим зеркалом
сережки
Ива примеряет не спеша.
Ива уцелела от бомбежки
И опять печально хороша.*

*Помнит страх, испытанный
когда-то,
Помнит ива беспощадный
бой.
В трех шагах, подкошенный
снарядом,
Ближний клен прикрыл ее
собой.*

*Всем на свете поют соловьи,
Всем на свете солнышко
светит...*

*Боже, дай доброты и любви
Всем на свете, всем на свете.
В луче, что глянул ненадолго,
Показалась ивушка седой.
А в плече у ивушки осколок
Затенен дрожащею листвою.
Свой наряд нешошенный
надела,
Шепчет благодарные слова:
Вспоминает клен свой
то и дело
Ивушка — солдатская вдова.*

*Всем на свете поют соловьи,
Всем на свете солнышко
светит...*

*Боже, дай доброты и любви
Всем на свете, всем на свете.*

Б. ДУБРОВИН

Виктор Хоменко

В.А. ХОМЕНКО:

**Мне цыганка нагадала
смерть на фронте,
а я до сих пор жив**

Счастье у каждого своё. Для Виктора Хоменко оно заключается в том, что во время войны его семья уцелела. Отец был партизаном, брат начальником штаба полка, он сержантом разведроты. Все отчаянно бились с врагом, и никого не сразила фашистская пуля. Это ли не счастье... «Я счастливчик еще и потому, что начал воевать в период наступления, летом 1944-го. Тогда на фронте дух был совсем другой, бойцы воодушевленной! Мы громили фашистов по всем фронтам, и каждому из нас хотелось быть не передовой. У нас в семье все уже тогда воевали, я с 15 лет тоже рвался на фронт, но судьба распорядилась иначе...»

– В ИКТОР Андреевич, сколько Вам было лет, когда Вы попали на фронт?

– Я пошел в военкомат семнадцатилетним добровольцем, как только наш городок в Крыму (он назывался Старый Крым) освободили от оккупации. Медкомиссия до фронта не допустила: худой был до ужаса, ведь несколько лет недоедали. Какой это был удар! И отправили меня в еще дымящийся Севастополь: разгрести завалы. Там трудились те, кто воевать не может. А я рвался на фронт, несмотря на то, что был похож на череп с костями, обтянутыми кожей. Благо, брат со своим полком оказался недалеко: он меня оформил и забрал с собой.

Военные действия для меня начались в румынской Бессарабии. Поначалу нелегко было освоиться. Стрельба поднялась, мне орут: «Ложись!», а я стою ошеломленный и понять не могу, что делать. Определили меня в роту связи, а потом перевели в разведку. Я немного немецкий язык знал и электротехникой интересовался: в оккупации книжку «Электротехника постоянного тока» вдоль и поперек изучил. Вот и решили, что мои знания в этом деле пригодятся. Я добывал информацию о позициях противника, о его количестве и огневой мощи. Приходилось заезжать далеко вперед.

– Это Вас не подводило?

– К счастью, все обходилось хорошо. Однажды произошел

со мной и вовсе парадоксальный случай! Во время Ясско-Кишиневской операции наша 3-я ударная армия окружила 11 вражеских дивизий. Мы оказались прямо в центре фашистских позиций. Была задача — обезоружить группировку, которая не хотела сдаваться. Я, как разведчик, выехал на коне, чтобы ее засечь. Слышу: где-то за деревьями зашевелились. И что вы думаете?! Нет, чтоб отметить крестиком это место на карте и вернуться к своим, я влетел прямо туда с авто-

Мне повезло. Им даже в голову не пришло, что пленить целую роту может один человек.

мом... Мне повезло. Им даже в голову не пришло, что пленить целую роту может один человек. Поэтому сорок румынских солдат, находящихся там, побросали оружие и сдались!

— Вот так храбрость!

— Скорее, юношеская горячность, которая могла бы оборвать жизнь. Но тогда я об этом не думал. Построил их и привёл в часть. Там, конечно, обомлели: «Молодец, говорят, только чем же их кормить?!» Представили к награде, да брат мой, начальник штаба полка, не стал подписывать. Он мне спуска не давал! Правда, коня подобрал хорошего...

В Румынии однажды повстречал я цыганку. Она посмотрела на меня и говорит: «У тебя есть брат. У него высокое звание». Это меня удивило! Откуда знает? «Постой! — говорю, — что еще скажешь?» А она отвечать отказалась и давай убежать от меня. Долго я проклинал себя за то, что тогда бросился за ней. Отдал трофейные часы и попросил сказать, что еще она видит. «Через три дня и три ночи тебя убьют», — таков был приговор. Я сделал вид, что

отнесся к этому безразлично, с большим недоверием. А внутри все дрожало. Три дня я прокручивал в голове ее слова и просил Бога меня помиловать. Через три дня, на Дунае, мы пошли в атаку. Рядом со мной разорвался снаряд... Меня отбросило и засыпало песком. Стало тихо-тихо так: оглох от взрыва. Думаю: «Жив! Обманула!» Как тогда напряжение спало...

— Конечно! Когда до этого отсчитывали оставшееся Вам время и каждый день казался одним из последних.

— В постоянном страхе мы жили и в оккупации. Два года Крым находился под властью немцев. Мы с матерью остались тогда вдвоем, отец и брат были на фронте. На нашем заборе по-немецки было отмечено, что

это семья партизана и советского летчика (мой брат поначалу учился в летном). Поэтому, когда партизаны нападали на оккупантов, в первую очередь за них убивали таких, как мы, заложников, по десятку человек за каждого убитого немца. Когда над городком пролетали советские женские бомбардировщики, прозванные немцами «ночными ведьмами», жителей выгоняли из домов и ставили на дорогах. А сами оккупанты лезли в укрытия. Мы верили, что «наши» бомбы нас не убьют. И может быть, эта самая вера нас и спасала.

Мы постоянно жили в ожидании неминуемой смерти. Каждый день кого-то расстреливали или вешали, а маленьких детей даже разбивали об стену! Это был ужас!

Когда в десяти километрах от Старого Крыма остановились наши войска, немцы начали полное уничтожение всего живого в городе. Они обходили все улицы, обвешанные автоматами и гранатами, и не пропускали ни один дом. Мы с соседями впятером спрятались во дворе, в укрытии.

Наш дом обстреливал танк. Из укрытия было слышно, как несколько человек остановились совсем рядом, метрах в двух от нас. Одна старушка всхлипывала, но ей быстро

зажали рот. Я понимал по-немецки, они говорили: «Здесь кто-то есть, надо бросить гранату!» Но... в соседнем доме заплакал ребенок. И они ушли туда. Убили малыша, его мать и собаку. За тот вечер было уничтожено около 600 жителей.

Потом, когда наши части освободили город, несколько палачей скрылись в горах и их поймали. Наши солдаты стояли перед разъяренной толпой уцелевших жителей и пытались сказать: «Товарищи, не подходите! Их будут судить». Но их никто не слушал. Немцев растерзали живьем. Хотя они бросались на колени и молили о прощении. Я, мальчишка еще, не участвовал в этой сцене. Я наблюдал. И не чувствовал в себе никакой жалости по отношению к этим выродкам. Люди были одержимы одной мыслью — отомстить за все их зверства и годы постоянного страха!

— Между тем во время оккупации комсомольцы, находящиеся в подполье, приняли Вас в свои ряды. А члены партии и комсомола прежде всего попадали под удар. Неужели это не испугало?

— А сидеть дома и ждать, пока тебя застрелят как сына партизана, это лучше? Зимой, во время очередной облавы, когда немцы забрали у нас велосипед, патефон и еще какие-то ве-

Бессарабия, 1944 г. Виктор Хоменко слева.

щи, матери удалось незаметно кинуть в печку мой комсомольский билет. Это меня и спасло.

Впрочем, некоторые немцы были неплохими людьми. Помню одного денщика, который очень любил русский язык и брал у меня читать книги Чехова. Помню еще одного человека, который так и остался для меня загадкой...

Однажды я мастерил детекторный радиоприёмник. Уже очень хотелось услышать Москву: нам ведь в оккупации говорили, что она давно взята

и наши кругом терпят поражения! У меня не получалось. Тогда протянул антенну во двор. По этой антенне он и засек меня. «Ну что, доигрался? Собирайся теперь!» — сказал он, не обращая на рыдания моей матери никакого внимания. Я был уверен, что меня ведут на расстрел. Но мы вошли в помещение, сплошь уставленное аппаратурой. Он включил мне Москву, а потом даже накормил... Так я ходил к нему несколько дней и слушал сводки о ситуации на фронте. Этот человек говорил

по-русски и по-немецки. О себе ничего не рассказывал, зато сказал мне, что мой отец жив и по-прежнему партизанит. Кем он был? Немцем, отвергающим фашизм, или, может быть, русским разведчиком? Но, в любом случае, таких людей я встречал мало. Кругом был враг, и поэтому я, когда попал на фронт, чувствовал себя увереннее. Там тоже гибли товарищи, и над тобой нависала смерть. Но ты был среди своих.

— А где Вас застало известие о Победе?

— Не поверите: в Москве! В боях под Варшавой я получил серьезную контузию, и меня отправили в госпиталь. Было очень обидно, ведь впереди мог бы быть Берлин! Так получилось, что в ночь на 9 мая я, возвращаясь из свердловского госпиталя, оказался в столице. Что там творилось! Обычно ночью город замирал, не было видно ни единого огонька. А тут все засверкало, зашумело! На Красную площадь хлынули толпы народа. Я, всего лишь сержант, оказался в центре внимания. Меня подбрасывали в воздух, чем-то угощали, люди обнимались и целовались друг с другом... Только представьте, что все были объединены одной мыслью: наконец-то Мир! Наконец-то Жизнь! Такие ми-

нуты радости удаётся ощутить лишь единожды.

***

*Как наши сёстры кровные,
Под орудийный бас
Берёзы подмосковные
благословили нас.
Потом у Мелитополя,
Как братья, строясь в ряд,
Украинские тополи
равнялись на солдат.*

ПРИПЕВ:

*Поля, поля...
Берёзы, тополя...
Берёзы, тополя...
Войною опалённая,
Солдатами спасённая
Любимая земля!*

*Мы реченьки неузкие
Переходили вброд,
К нам ели белорусские
просились в первый взвод.
Болота, кочки скользкие,
Но нам вперёд идти,
И в пояс клёны польские нам
кланялись в пути.*

ПРИПЕВ:

*Свою святую Родину
Прикрыли от врагов
Сегодняшние воины,
достойные отцов.
И, полная сердечности,
Листовою шевеля,
Шумит зелёной вечностью
спасённая Земля.*
Б. ДУБРОВИН

Иван Кувырдин

И.Г. КУВЫРДИН: Тогда не было так страшно, с годами становится больнее и горче за тот плач

Майору Ивану Кувырдину есть что вспомнить и рассказать. Одни медали и ордена на пиджаке уже говорят о многом. Он воевал на Курской дуге, форсировал Днепр, отбивал Воронеж, Киев и многие другие города Украины и стран Восточной Европы. В свои 87 он все еще занимается трудовой деятельностью и встречает людей в собственном кабинете. Его руку жмут с удовольствием, практически не замечая, что поднять ее ему стоит порядочных усилий.

—К АК началась для Вас война?

— Как и у многих. Весть о войне застигла меня в поле, где я работал. Тут же началась всеобщая мобилизация. Вскоре мой отец погиб на фронте, и я просто не мог остаться дома. Быстро окончил командирские курсы, получил младшего лейтенанта и отправился на Воронежский фронт.

Не успели доехать, как фашистский самолет сбросил бомбы прямо на железнодорожную станцию. Меня отбросило к кирпичной стене вокзала. Тут же ко мне подбежали четыре молоденькие санитарки, но ранения не было, обошлось уколком. А вот девушкам я пообещал написать. Сначала отвечали все четверо, потом трое, двое... Дальше письма писала только одна — семнадцатилет-

няя Валя Ефремова. Я с нетерпением ждал этих завернутых треугольничков. Доходили они не до всех: одного адресата убили, другой — в госпитале.... Читашь письмецо, тебе написанное, и на душе легче становится. После войны мы с Валентиной Гавриловной поженились.

— А в какие войска Вы попали?

— Нас учили, как пехотинцев, так и досталось. Смог бы стать летчиком или танкистом? Сейчас не знаю, тогда точно бы решился. Хотелось любой возможностью помочь своему роду, стране, людям. А в качестве кого — это не так уж важно. Главное — не быть трусом.

— Какой был Ваш первый серьезный бой?

— Мы как раз отстаивали Воронеж. Ночь была тяжелой, мы бились за каждый дом, за

каждый квартал. В жуткий мороз немцев брали в плен и отрезали пути отступления.

– **На себе раненых доводилось нести?**

– Конечно, куда же без этого. Но если вы спросите, знаю ли я как сложилась их судьба, то я отвечаю, что нет. Дотащил к санитарам, на этом и распрощались. Нам просто было некогда сентиментальничать. А сейчас многое забылось, все-таки 65 лет прошло.

– **С командованием справились успешно?**

– Вполне, у меня был взвод второй роты 712-го полка 232-й стрелковой дивизии. Повезло в том, что подчиненные были не на много старше меня. Молодые парни, еще не нюхавшие как следует жизнь... Нам всем вмиг пришлось повзреть. Глядя на старшее командование, я старался и к своим ребятам относиться также. Без строгости нельзя, дисциплина необходима, но все и так это понимали. Война... Но внимания друг к другу никто не отменял. Когда мы стояли под Воронежем, сугробы доходили до пояса, земля промерзла сантиметров на пятнадцать. Солдат и рад бы чуток отдохнуть после боя, да где же? Так и спали в снегу, я каждые два часа подходил, будил. Они, сонные, просят еще хоть несколько ми-

нут полежать. Нельзя, говорю, братцы, замерзнем совсем...

– **Юмор на войне уместен?**

– Знаете, с ним все же легче было. Вот, например, я часто вспоминаю случай в поселке недалеко от деревни Сумы. Немец притаился недалеко и мы ждали его только к рассвету. Время от времени с их стороны доносились выстрелы. Раз, и все притихло. Видим: со стороны леса к нам движутся огоньки. Мы, естественно, наготове, уже с гранатами в руках. Вокруг темнота. Ждем. Тут командир соседнего взвода позвал меня и показывает на просвет. Смотрю и вижу – волки. Идут, глазами сверкают. Все рассмеялись, конечно. А фашистов мы, когда посветлело, все же дождались. Справились с ними даже без «катюш».

– **Говорят, немецких солдат за версту узнать было можно...**

– Ну нет. Это все равно, что в одинаковые самолеты посадить немца и русского и сказать – угадай, где кто. Они недаром сначала так быстро столько завоевали. Хитры – не то слово. И в тыл к нашим переодетыми пробирались, такое тоже помню.

– **А страшно было?**

– Знаете, как сказала поэтесса Юлия Друнина: «Кто говорит, что на войне не страшно,

тот ничего не знает о войне». Я считаю, что она полностью права. Боялись все, просто в бою на то, чтобы вспомнить о страхе, не хватает времени.

– **А мысли о смерти тогда в голову не лезли?**

– Бывало такое, но только когда затишье. Лежишь в траншее и думаешь: кто знает, как оно дальше будет. Ну а в бою о таком и не думаешь. Идешь напролом, со всех сторон люди, крики, шум... Видите шрам у меня на лбу?

– **Только сейчас заметила...**

– И шрамы со временем исчезают. А в то время благодаря этой отметине меня чуть с фронта не отправили. Я был не в тесной каске, поэтому осколок меня достал без труда. Сначала ничего не ощущалось, потом только увидел кровь. Меня подхватили под руки и скорее в палатку к санитарам. Те мне голову перевязали и дают направление в госпиталь, мол, все, свое отвоёвал. Я сопротивляться начал, мне же к своим надо! А голова ничего, поболит и пройдет. Уже и пожитки мои скромные доставили и описание остальных ранений. Пришлось стоять до конца, не поеду и все тут. Посмотрели на меня, ну что с тобой делать, оставайся тог-

да. Еще пять дней предложили отлежаться, но в тот же вечер я был уже со своими. Замкомандира полка посмотрел на меня строго, затем, смягчившись, спросил: «Ну, как самочувствие?» «Спасибо, хорошо», – отвечаю.

А рука – это уже под конец войны досталось. Вначале она вообще висела как плеть. А дома у меня остались лишь дедуш-

– Знаете, как сказала поэтесса Юлия Друнина: «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне».

ка с бабушкой, они написали: «Приезжай, какой есть». Я собрался, но врач меня удержал: «Зачем, каким есть? Я тебе все сделаю». Дальше были операции со сложнейшими пересадками кожи. Тут перешли, там подшили. Что и говорить, мастера своего дела.

– **Где вы встретили День Победы?**

– Мы шли через Украину, Молдавию и Польшу, а 9 Мая были уже в Австрии. Я помню эту радость, это счастье. Австрийцы тогда еще говорили: «Молодцы русские, сделали немцев». Тут же нас и демобилизовали. Кто-то остался в армии, я же хотел учиться, vybrать что-то ближе к земле, на

которой мне когда-то пришлось услышать о начале войны.

— **Каков самый тяжелый эпизод на войне для Вас?**

— Это даже не сражения, хотя и тогда было ох как непросто. Мы эвакуировали людей около Молдовы, как вдруг услышали детский плач. Сильный, резкий... Его забыть невозможно. Я обернулся и увидел маленькую девчущку около трех лет, она была вся в крови. Рядом лежала убитая мать. Ребенка мы тогда на руках отнесли к машине с красным крестом. Тогда так страшно не было, а сей-

час с каждым годом становится больше и горче за тот плач...

Знаки войны

*Года пройдут и не вернуться
Среди волнений и труда,
Воспоминания сотрутся,
И только шрамы — никогда.*

*И по нестершемуся знаку
Припомнится нелегкий путь
Людей, проверенных*

в атаках,

*Не в спину раненных,
а в грудь!*

Б. ДУБРОВИН

Амир Амаев, 1942 г.

А.Д. АМАЕВ:
Берия приказал:
«Костями лечь,
а немцев в Грузию
не пропустить!»

Имя «Амир» по-арабски означает «вершина». Амира Амаева называли так в честь двоюродного брата отца. Как оказалось, очень точно. Мальчик, родившийся на склонах высоких гор в маленьком дагестанском ауле Унчукатль, добился высоких вершин в отечественной науке. Будущий крупный специалист в области реакторного радиационного материаловедения ушел на фронт добровольцем, был тяжело ранен и выжил только благодаря помощи простых советских людей.

— А МИР Джабраилович, аул Унчукатль — средоточие талантливых людей: отсюда родом около десяти докторов наук, более ста кандидатов наук, лауреаты почетных премий! Может, воздух там особенный?

— Просто люди трудолюбивые и увлекающиеся. У нашего села богатейшая история. Во времена Российской империи оно воевало против Шамиля, а когда утверждался Советский Союз — против аварских националистов. Мало кто знает, что в годы Великой Отечественной Унчукатль стал рекордсменом по числу участников в войне среди дагестанских аулов. Многие из наших тогда погибли... Дяде моему повезло: всю войну с первого дня прошел и вернулся целым. Он был врачом и, как сам рас-

сказывал, хирургическим операциям счет потерял: делал их каждый день, непрерывно.

— Вы тогда тоже пошли воевать?

— 22 июня 1941-го я защищал диплом в Махачкалинском механическом техникуме. Как узнал о начале войны, так сразу решил идти на фронт добровольцем. Многие из нас горели этой мыслью: кто-то хотел в авиацию, кто-то во флот. Но нас не взяли, объяснив это необходимостью научно-технических кадров для страны, и по направлению техникума нас всех отправили работать на военный завод №182 по изготовлению торпед.

В феврале 42-го я все равно ушел добровольцем. Сначала попал в Махачкалинское пехотное училище, эвакуированное в Грузию. Потом в военное учи-

Амир Амаев (крайний справа) в санатории «Приморье» для инвалидов Отечественной войны в Сочи, 1944 г.

лище, где впоследствии в качестве командира я стал готовить будущих офицеров. Когда немцы захватили Ростов-на-Дону и начали стремительно продвигаться к Владикавказу, в зону военных действий приехал Берия: ему было поручено не допустить прорыва врага к каспийской нефти и богатствам Кавказа. Он приказал: «Костями лечь, а немцев в Грузию не пропустить!»

— И ведь легли...

— Да, мне довелось поучаствовать в боях под Моздоком. Очень тяжелые были бои! Они шли с августа 42-го по январь 43-го. Наше училище преобразовали в военное подразделение — 69-й отдельный танково-истребительный ба-

тальон. Я находился в пехоте, в контакте с танковым подразделением. К Новому году мы пленили немецких танкистов. Они разрисовали лица свастикой, запаслись кучей еды — так собирались отмечать праздник. Да не довелось!

— В боях под Моздоком и Вы были пленены. Как удалось спа-

стись?

— Благодаря нашим родным советским людям! Я помню, как командующий армией Гречко скомандовал: «Зарыться в землю! Идет танковая дивизия "Адольф Гитлер"». Прямо у моего окопчика развернулся немецкий танк, почти закопав меня землей. За ним последовал бронетранспортер. Меня прекрасно видели, и я ожидал выстрела, но... был пленен.

Пленных угнали в Ставропольский край. В селе Рог нас, семнадцать человек, поместили в сарай ожидать своей участи. Ею, несомненно, был расстрел. Когда нас выводили, я был последним и каким-то чудом смог незаметно прощмыгнуть в следующий сарай.

Он стоял совсем рядом. Там кормились лошади. И добрый конюх не побоялся спрятать меня в кормушке. Засыпал все-го кормом и подпустил лошадей! Когда немцы пересчитали всех пленных, хватились одного пропавшего и с руганью ворвались к конюху. Но... никого не нашли. Трупы шестнадцати расстрелянных кинули потом в речку Черную. Семнадцатым должен был быть я.

Немцы вскоре покинули село, и конюх посоветовал мне идти в станицу Солдатскую.

Я постучал в оконце крайней избы, и хозяйка пустила на ночлег. Вшивого всего, грязного! Она дала мне халат мужа, тоже воевавшего на фронте, и продезинфицировала мою одежду.

Староста Рога, человек вредный, мог побояться оставить меня в селе. Но шесть километров ходу было для меня непреодолимым расстоянием. Я еле держался на ногах! Пришлось рискнуть и остаться. И опять помогла добрая женщина! Я постучал в оконце крайней избы, и хозяйка пустила на ночлег. Вшивого всего, грязного! Она дала мне халат мужа, тоже воевавшего на фронте, и продезинфицировала мою одежду.

— Наверняка, она надеялась, что и ее мужу в случае необходимости кто-то также окажет помощь.

— На войне люди старались помогать друг другу. Хотя предатели тоже были... После плена меня отправили на проверку в Буденновск, а потом я стал командиром стрелковой роты.

Во время ожесточенных боев в Краснодарском крае меня тяжело ранило. Пятого мая 1943 года разрывная пуля угодила в правый карман шинели.

Там находился трофейный пистолет с двадцатью патронами. Все они разорвались. Боль была дикая! Я оказался весь напичкан свинцом. Это произошло в станице Неберджаевской. Немцы, находясь на противоположной стороне реки, кидали в меня мины. Я полз в сапогах, полных крови. Около меня упало шесть мин, и ни одна не разорвалась! Это не чудеса. Это советские военнопленные, которых заставляли работать для обеспечения фашистских войск, не заряжали снаряды, выпуская брак. Вот даже откуда помощь поступала!

Меня потом подобрали санитары и отправили в госпиталь. Пришлось перенести три операции.

В Махачкале меня оперировал известный профессор Цанов, ученик академика Бурденко. Ногу разрезал от колена до паха под местным наркозом, а потом сказал: «Да, такого в своей хирургической практике я еще не видел!»

«Чистил» меня больше трех часов, но более пятидесяти осколков остались в ноге и до сих пор дают о себе знать. После этого война для меня закончилась. Через полгода, на костылях, я вернулся в родное село. Долго не мог ни на коня сесть, ни в горку подняться...

— Но это не помешало Вам после войны покорить главную вершину в своей жизни — научную.

— Да, не зря же меня назвали Амиром. Окончив МИФИ, я попал по распределению к широко известному сегодня ученому И.В. Курчатову. Хотя тогда он был засекречен. А вместе с ним и весь наш коллектив. Я впервые в СССР исследовал природу металлического облученного урана. Позже за свою научную деятельность был удостоен нескольких премий, в том числе Ленинской и двух Государственных. Знаете, я ведь свою книгу «От вершин Дагестана к вершинам науки» всем друзьям раздал, в библиотеках она есть (даже в Библиотеке Конгресса в США!), а себе оставить забыл, а во время войны пенсию по ранению полу-

чать отказался: перечислял ее в Фонд обороны. И об этом никогда не жалел: мы все тогда жили по принципу «Сначала другим, потом себе». Потому и выиграли.

* * *

*Я помню: заря зажигала
Полнеба в далекие дни,
Где в доме отцовском,
бывало,
Так долго не гасли огни.*

ПРИПЕВ:
*И жили любимые лица,
И прядь материнских волос,
И желтое пламя пшеницы,
И белое пламя берез.*

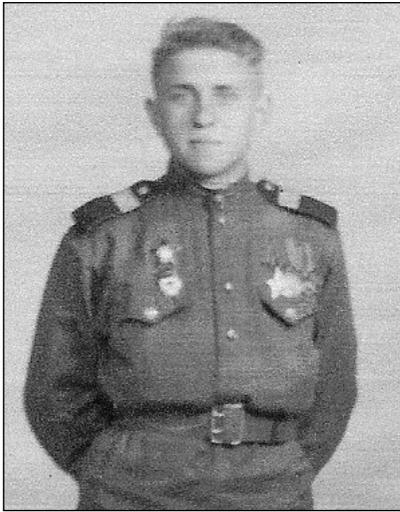
*Я помню военные годы,
На сердце, как шрамы, они.
Казалось, во тьме непогоды
Исчезнут родные огни.*

ПРИПЕВ:
*Исчезнут любимые лица,
И прядь материнских волос,
И желтое пламя пшеницы,
И белое пламя берез.*

*Но снова спокойно светает,
И тянется к дому листва...
Как эта заря молодая,
Так Родина вечно жива.*

ПРИПЕВ:
*И живы любимые лица,
И прядь материнских волос,
И желтое пламя пшеницы,
И белое пламя берез.*

Б. ДУБРОВИН

Павел Невежин

П.П. НЕВЕЖИН: **Оборонялись двое** **суток в ледяной воде**

За плечами у Павла Петровича Невежина – большой фронтовой путь от Сталинграда до Берлина, в звании гвардии сержанта он обеспечивал радиосвязью командиров стрелковых батальонов с штабами полков. Бесчисленное число раз отражал атаки врагов совместно с бойцами пехоты. Павел Петрович полный кавалер ордена Славы, награжден медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны 1-й степени.

ДЕ Вы были, когда началась война?

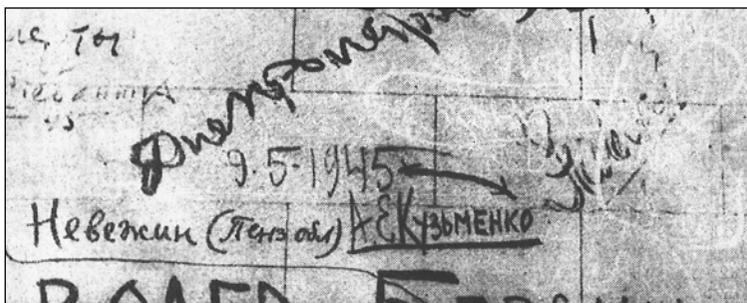
– На родине в селе Пачелма Пензенской области. Только закончил 10 классов. Пришла повестка, и я поехал в военкомат, а меня не взяли: ростом не подходишь, говорят, пока жди.

Дома без дела я не сидел. Работал на замене рельсов и шпал на железнодорожных путях, устанавливал снегозадерживающие щиты около железной дороги. Зима 1941–1942 годов была суровой, с огромными снеговыми сугробами и заносами. Мы трудились с энтузиазмом, безвозмездно, лишь бы движение поездов было бесперебойным. Между тем волновала глубокая неудовлетворенность от того, что я не на фронте, а глубоко в тылу. Много раз обращался к военкому с просьбой

призвать меня в армию. И наконец, 6 февраля 1942 года военком объявил мне, что я в резерве для направления в авиационное училище. Но поскольку обстановка под Москвой была до декабря тяжелой, курсантов некоторых училищ отправили на защиту Москвы. Мне предложили учиться в Куйбышеве на курсах радиотелеграфиста, и я с радостью согласился.

– Вы были ранены три раза, во время каких боевых действий произошло первое ранение?

– Во второй половине февраля 1943 года наш корпус перешел в наступление в направлении Днепропетровска. В составе 1-го гвардейского ОРБ мы выходили из окружения не на автомашине, которую мы бросили из-за отсутствия бензина, а на пароконной подводке, а я сзади вер-

Роспись на Рейхстаге «Невезин (Пенз. обл.)»

хом на лошади. Неожиданно по нам застрочила пулеметная очередь из замаскированного за сараем немецкого танка. Были убиты лошади и находящиеся в повозке люди. Видимо, со страху я упал с лошади и побежал назад. Оказался вне огневого влияния танка, и это меня спасло. За плечами у меня был английский пистолет-автомат, полученный ещё при формировании батальона. С ним бороться против танка смысла не имело.

Я продолжал бежать короткими перебежками дальше от танка. Вдруг около меня стали взрываться пули. Присмотревшись, увидел через овраг движущуюся длинную колонну фашистских войск. Немцы заметили меня и открыли огонь. Я падал на снег, полз попластунски, поднимался и снова бежал. И все-таки одна пуля попала мне в ногу. Я замер на снегу. Немцы, наверное, посчитали меня убитым и прекрати-

ли стрельбу. Колонна скрылась из виду.

Я поднялся и, ковыляя, пошел к видневшемуся домику. Войти не решился, просидел до вечера в снежном окопе. В темноте из дома вышли два солдата. Они тоже шли из окружения, решили идти вместе к своим. На берегу реки немцев ещё не было, были наши солдаты. Мы нашли самодельный плот, переправились на левый берег реки и затем мои попутчики в районе города Изюма сдали меня в госпиталь.

— С каким боем для Вас связаны самые сильные воспоминания?

— За освобождение Одессы. В конце марта 1944 года наш полк форсировал реку Южный Буг севернее города Новая Одесса. Мы заняли небольшой плацдарм на правом берегу реки и залегли в зарослях камыша. Гитлеровцы с высот сначала нас обстреливали,

потом пошли в наступление. Оборонялись более двух суток, находясь в ледяной воде. Подошедшая артиллерия помогла нам сбить с высот вражеские войска и перейти в атаку..

— Вы один из тех, кто участвовал во взятии Берлина. Как это было?

— Для обороны Берлина враг сосредоточил множество войск и все резервные части. Но катастрофа была близка. Ничто не могло спасти Гитлера. 22 апреля полк с ходу форсировал реку Шпрее в районе города Кепеник, а 24 апреля вступил на окраину Берлина. Улицы Берлина были перекрыты баррикадами, противотанковыми ежами, перевернутыми трамваями и изрытыми рвами. Дома превращались в крепости.

25 апреля начался штурм Берлина. Воины-гвардейцы с невиданным энтузиазмом и воодушевлением, мысля о скорой победе, ринулись в бой. Взламывая оборону врага, медленно, но уверенно мы продвигались вперед. Форсировали ночью канал Ландвер, захватывали дом за домом, а в доме — этаж за этажом, рвали к Рейхстагу и в метро.

Свое третье ранение я получил здесь. От взрыва вра-

жеского снаряда со стены посыпались обломки кирпичей — сначала мне на голову, а после падения на спину. Спасла меня моя радиостанция, которая была за спиной. Радиист Петя Чупик и санинструктор Герой Советского Союза Мария Шкарлетова вынесли меня с поля боя и в бессознательном состоянии отправили в госпиталь.

— Сейчас День Победы отмечают парадами, салютом и, конечно, поздравлениями ветеранов. А как Вы отмечали Победу в 1945 году в Берлине?

— Я тогда был в госпитале, не находил себе места от того, что я не вместе со своими дру-

Гитлеровцы с высот сначала нас обстреливали, потом пошли в наступление. Оборонялись более двух суток, находясь в ледяной воде.

зьями в последние дни войны. Не выдержав, 8 мая самовольно снял с головы повязку и сбежал из госпиталя к друзьям. На путках добрался до Берлина и в Тигиране нашел свой полк и боевых товарищей.

Радость была неопикуемой от Победы, от встречи. Всем радиовзводом мы отправились осматривать Рейхстаг. Облазили и осмотрели все. И на память оставили свой автограф на стене Рейхстага.

С некоторыми друзьями мы до сих пор встречаемся, спустя 65 лет. Эти встречи являются самыми радостными в нашей жизни. Жаль, что время безжалостно и неумолимо движется, и все меньше моих друзей остается здравствующими.

В ожидании Победы

За стеной, за больничной
белой
Ручеек ворковал молодой...
Как весной умирать
не хотелось,
Умирать не хотелось весной.
Спотыкалось слабевшее
сердце,
Обмирало во мраке ночей...

Как хотелось еще
наглядеться,
Наглядеться на первых
грачей.

Не терпелось рассвета
дождаться,
Приподняться над болью
самой.

Как хотелось еще
надышаться,
Надышаться наивной
травой.

Зов капели — великая
милость,
Он возник и приник,
не затих...

Может быть, потому
и случилось,
И случилось остаться
в живых.

Б. ДУБРОВИН

Александр Матвиенко

А.М. МАТВИЕНКО:
**В 18 лет пришлось
стать командиром**

На обороте его фотографии сорок седьмого года написано: «Не вспоминайте когда смотрите, а смотрите когда вспоминаете». В преддверии Дня Победы ветеран Александр Матвиенко поделился с нами своими воспоминаниями о сражениях, военных буднях и послевоенной службе в Германии.

— А ЛЕКСАНДР Михайлович, как Вы попали на фронт?

— Я родился на самом юге Казахстана в селе с русским названием Орловка в двадцать четвертом году прошлого века. Хорошее такое место, красивое. Сейчас вспоминается, как оазис среди гор Кракатау. Все, как у всех: школа, училище (правда, закончить его не удалось). Началась война.

— Когда Вы впервые услышали о войне?

— Я ехал из села в райцентр. Путь длинный — на лошади около сорока пяти километров. А тут незадача — убежал длинногривый «транспорт». Так что обратно шел уже пешком, в 17 лет это было не так уж сложно. По дороге встретились колхозники в поле, шел двадцатый час войны, но до них новость все еще не дошла. О войне я услышал уже дома.

Началась всеобщая мобилизация. Молодежь считала, что это ненадолго, те же, кто постарше восприняли это известие со слезами. Помню, как отца послали перегонять лошадей в воинскую часть Ашхабада. И хотя на фронт его пятидесятилетнего не брали, мы подумали, что он — именно туда. Через месяц отец вернулся домой, а родственники и односельчане продолжали уходить на фронт. Настал и мой черед...

— И куда же отправили Вас?

— В Гомельское военное училище, эвакуированное в Узбекистан. Это был уже август 42-го. Учеба напряженная — предметы только те, что пригодятся на фронте. За пять месяцев обучения здесь воспитывали офицеров-минометчиков. Как мы все хотели на фронт! Уже шла подготовка к экзаменам, как вдруг училище было рассажено по эшелонам — Сталин-

граду требовалась подмога. Но и тут геройство показать не удалось, город отстояли другие.

Нас, молодых курсантов, «влили» в 273-ю стрелковую дивизию, обеспечив ее тем самым младшим командным составом. Наконец-таки, началась пусть непростая, но служба на Брянском фронте. Спасибо разумным командирам, которые не жалели нас на учебе, чем помогли сохранить нам жизнь в бою. Мы и сами не заметили, как уже шли во втором эшелоне к Курско-Орловской дуге, сдерживали немцев, шли в наступление.

Знаете, обычно противник был дотошен, пытался забрать всех раненых и мертвых с собой, здесь такой возможности не было. В первый же день боя — горы трупов: русские, немцы... Это шокировало. Зачем это, для чего столько жертв и с той, и с этой стороны?

Дальше мы освободили Брянск, Почеп, Унегу, Клинцы, форсировали левый приток Днепра — реку Сож. Самые жесткие бои для нас проходили под станцией Карачев, где фашисты сосредоточили большое количество припасов, постепенно вывозя их дальше. Потери были настолько велики, что дивизию пришлось остановить

и несколько дней доукомплектовывать. Уже в новом составе мы подходили к Белоруссии и освобождали города.

— Вам тогда было 18 лет?

— Так получилось, что в 18 лет я уже был командиром стрелкового взвода. Знакомство со своим взводом состоялось прямоком в Новый год. Помню, темнело, я дошел до роты и уже поздним вечером представлялся солдатам, каждому из которых годился в сыновья. Это были в основном бывшие брянские партизаны.

Знаете, обычно противник был дотошен, пытался забрать всех раненых и мертвых с собой, здесь такой возможности не было. В первый же день боя — горы трупов: русские, немцы...

Я, конечно, был не из робкого десятка, знал теорию, боевой устав, мог стрелять из миномета, но надо было завоевать авторитет. В ту ночь, к счастью, воевать не пришлось. В котелках варился ужин: рис, мясо, что-то еще. О далеком Казахстане никто, кроме нового командира, не имел представления. Вокруг восемнадцатилетнего парня взрослые мужчины так и просидели всю ночь, слушая о своеобразном оазисе среди гор Кракатау. Хочу добавить, что не

было у нас таких кровожадных командиров, как их зачастую описывают в художественной литературе. Были единицы таких, которые во время боя командовали из землянок.

То, что совсем не боялись, — тоже неправда, просто даже не думали о том, что вот сейчас могут убить. Когда рядом со мной разорвался снаряд, я в медсанбат не пошел, хотя порядком оглушило, — так хотел остаться со своими. С кем же я шел в бой, если бы мой солдат не был накормлен, одет, обут? Мы ведь все выполняли одну цель, и командиры, и рядовые, и те, кто был в тылу, — шли к победе.

— После окончания войны Вы сразу отправились домой?

— В Телавском военном училище города Скопина я встретил конец Великой Отечественной, но службу оставить так и не смог, все-таки человек служивый. Сменил десять военных гарнизонов, пока вместе со специальным химическим отрядом не был отправлен в саму Германию.

— Как относились там после недавних событий к русским солдатам?

— Доброжелательно в основном. Помню, как-то утром ко мне подошел пожилой немец, поздоровался на сносном русском, пояснил, что узнал

язык в плену в Сибири и пожаловался, мол, наши солдаты частенько ломают ветки с вишнями и убегают: «Пожалуйста, я им сам нарву и отдам, только деревья пускай не калечат». И вот ведь штука, если бы он то же самое сказал солдатам, то встретил бы вполне законный ответ: «А вы с нами что делали!», но он выбрал главного и с каким-то не то почтением, не то с боязнью попросил, и меня это подкупило. Наутро солдатам сделали замечание.

Все пять лет, что я служил в Германии, встречал немцев на русских кладбищах. Они отдавали почести русским солдатам, ухаживали за могилами, приезжали для этого даже из других городов. Попадались, правда, и другие: город Троембрицин и тогда поддерживал фашистскую идеологию, мы ездили туда только под контролем. Те с ненавистью смотрели на русское обмундирование.

— Что у Вас осталось от тех лет помимо воспоминаний?

— Орден Отечественной войны и два десятка медалей, которые я с трепетом храню. Но это не главное. Некоторые имеют смелость говорить о необходимости празднования Дня Победы как радостного торжества. Если бы они видели лица солдат в госпитале! Как они смеялись, плакали, пели песни,

танцевали. К ним прибегали мирные люди, приносили еду, питье, радовались вместе. Да, погибли люди, но ведь больше не надо было проливать кровь.

Нужно и сейчас радоваться, как те солдатики, вспоминать этот Великий день, день Великой Победы.

Салют во славу!

*Салют! Салют!!
И, брызжащие светом,
Как будто бы полночный звездопад,
Невысоко взвиваются ракеты
И, догорая, падают назад.*

*Но навсегда,
Стремительно и круто,
В ночь — в синеву небес вознесены
Звезд миллионы — фейерверк салюта
Во славу не вернувшихся с войны.*

Б. ДУБРОВИН

Алексей Азаров

А.Н. АЗАРОВ: Мы верили в то, что наш народ непобедим. И эта вера помогала

Он мечтал быть лётчиком, а стал артиллеристом. Выдающимся. За что благодарен судьбе. Алексей Азаров утверждает, что в свои 87 лет может хоть сейчас сесть за штурвал самолёта... Герой Советского Союза, обладатель огромного количества медалей и орденов, участник переломных сражений, удивительный и активный человек поделился с нами своими воспоминаниями.

—Н АСКОЛЬКО я знаю, первое боевое крещение Вы получили в боях за столицу, здесь были награждены и первой своей наградой — орденом Красной Звезды. Расскажите об этом...

— Да, боевое крещение я принял в 1942 году под Ржевом. Тогда был подписан указ о создании 1-й танковой армии под командованием Катукова — с этой армией я и дошел до Берлина. Так как я имел артиллерийскую подготовку, то меня — тогда еще рядового — определили наводчиком в отдельный противотанковый артиллерийский дивизион. Обстановка на Калининском фронте была тяжелой — беспрепятственно бомбили: утром только позавтракаем, прилетают Юнкеры-87, в обед — Юнкеры-88, вечером — то же самое.

По три налета за день! Шла жестокая битва за Москву.

Первую награду за свою исполнительность получил. Утром после боя — построение. Командир спрашивает: «Кто вчера из первого орудия стрелял?» Стою, думаю: «Что ж я набедокурил там?» — не по себе стало. Товарищи мои начали выкрикивать: «Алексей, это ты! Выходи!» Я вышел. А командир у нас хороший был, старой выучки, погиб потом. Поглядел и произнёс: «Молодец, за службу тебе спасибо! Твои снаряды ложились точно! Приставлю тебя к награде!» Не поверил я ему. Какие ордена... тут бы удержаться, выжить. Но месяцев через пять-шесть вызвали в штаб, вручили орден. У меня к этой награде особое отношение, ведь она говорит о том, что меня приняли, мои действия поддерживались.

– **Что больше запомнилось и наложило отпечаток из первых боёв?**

– Я попал в танковую дивизию, а танков не было, вот какое положение... С чего начинается Родина, так сказать... с этого моя Родина и началась.

– **Расскажите про Берлинскую операцию.**

– Для нас суть операции заключалась в форсировании реки Шпрее. Условия для этого были крайне неблагоприятные – противоположный берег, откуда фашисты вели не-

дало моим солдатам толчок к действию. В итоге нами было уничтожено около 200 фашистов, два вражеских танка, несколько пулеметов и сооружений военного назначения. А в следующую ночь я был тяжело ранен.

– **То есть весть о Победе Вы встретили в госпитале?**

– Да. Рука была серьёзно перебита. Я морально и физически много страдал. Предлагали два раза сделать операцию, но никто гарантий на благополучный исход не давал. Я, хоть и герой, но испугался. Однако рука после меня ни разу не подвела: косил, дрова рубил и за рулём машины немало провёл времени. Правда, признаться, все мои больничные мучения от осознания конца войны отошли на второй план.

– **Вы только тогда ощутили вкус победы?**

– О чём вы! Уже на Курской дуге мы немцам по зубам так дали... да что там! Под Сталинградом дали, оттуда началось. Видел я, как пленили знатных немцев, видел, как был приказ биться до последнего, умереть, но не покинуть город. Тогда ещё пошло всё, но это я уже сейчас осмыслил и понял, тогда и времени задумываться не было.

Предлагали два раза сделать операцию, но никто гарантий на благополучный исход не давал. Я хоть и герой, но испугался.

прерывный артогонь, достигал в высоту 7 метров, был обрывист и крут. Но в ночь на 24 апреля, вместе с пехотинцами и мотострелками, мы все-таки переправились на тот берег и, в упор расстреливая вражеские огневые точки, начали продвигаться вперед, постепенно отвоевая плацдарм.

К утру немцы подтянули танки и самоходную артиллерию, начали ожесточенные контратаки. Мне удалось незамеченным приблизиться к немецкому танку и трофейным фаустпатроном сжечь его. Это

– **Что Вам помогало пережить тяготы войны?**

– Под Москвой была очень сложная ситуация – постоянные бомбёжки. А уж на Курской дуге – это страшно представить. Подо Ржевом у меня были сомнения. Мы только прибыли к местам военных действий, а немцы уже в Подольске, его они не взяли, правда. И под Ту-

лой были немцы – Родина моя оккупирована. С утра до вечера бомбёжки. И задавался вопросом: «Как я, юнец 19 лет, что-то могу сделать? Как-то помочь?» Спасала лишь уверенность в том, что не может Советский Союз оказаться побежденным. Я верил в то, что наш народ непобедим. И эта вера помогала в самые сложные дни войны!

Вечный занавес огня...

*Там, где площадь Девятого мая,
Где плиты
Гробовая броня,
Красный занавес напоминая,
Прогибаются
Складки огня.*

*Снова в прошлое
Память вглядится —
В очертанья
Задыхленных дней.
И друзей невернувшихся
Лица
Сквозь багровые складки
Видней.*

*Словно жду я,
Что, смерти переча,
Возвращая бывшее назад,
Упадет
Этот занавес вечный
И поднимет он
Павших солдат.*

Б. ДУБРОВИН

Такой Мария Петрова уходила на фронт

М.П. ПЕТРОВА: Некогда было бояться и жалеть себя

Мария Петрова поистине героическая личность, которая, волею судьбы, свои лучшие цветущие годы отдала в жертву тому, чтобы мы с вами сегодня жили под мирным небом. На это интервью она соглашалась неохотно. «Зачем про меня писать? Что я особенного в жизни сделала? – вздыхает Мария Петровна. – Вон сколько молодых красивых людей кругом, про них писать надо. А мне и рассказать-то нечего. Живу, как все бабушки, болею.... Про молодость тоже вспомнить нечего – одна война в памяти...»

Т О, что пришлось увидеть, пережить и делать на войне женщине, девушке, – было, в принципе, чудовищным противоречием её женскому естеству...

Девчонки, война!

– 22 июня мы компанией сидели дома у одноклассницы, договаривались поехать в выходной за город, на природу, – вспоминает Мария Петровна. – Вдруг вбегает в комнату мама той девочки со слезами и криком: «Девчонки, война!»

Мы как-то не особенно расстроились, знали уже, что такое война: в 1938 году бои были у озера Хасан, в 1939-м – Халхин-Гол и в 1939–1940 гг. – финская. То были короткие войны, которые не коснулись нас и наших близких. Зря мы думали, что и на этот раз все похоже будет.

На следующий день все наши мальчики были в армии, многие сразу – на фронте. Четверо погибли в первые месяцы войны. Из 11 наших мальчишек-друзей не стало шестерых, двое получили тяжелые ранения. А ведь нам всем тогда было по 18...

Должна вам сказать, что мы были хорошо подготовлены к военным действиям. К 10 классу владели многими видами оружия, стреляли из винтовки МК и боевой ППД, мальчики – из пулемета «максим». Умели бросать гранаты РГД и лимонку. Потому что в свободное время ходили на стрельбище (8 км от города): строим, с песнями. Играли в армию.

Боялись, что не возьмут

– Через месяц после начала войны стали приходить повест-

Мария Петрова с мужем Иваном Иосифовичем

ки и девочкам. Мы с одноклассницей Валеи оказались первыми. На фронт хотели, но нам не было еще 18. Помню, приходим в военкомат, человек, сидящий там, взял наши паспорта, не открывая бросил в корзину под столом. Выписал направление. Ну, думаем, все — на фронт! Оказалось — на оборудование госпиталя в здании пединститута...

Но мне хотелось на настоящий фронт. Весной 1942-го подала рапорт и вскоре была в составе формирующейся дивизии, которая должна была отправиться на фронт. Меня назначили в медсанбат хирургической сестрой. К боевым действиям дивизии нас, конечно, готовили почти два месяца. Ранний подъем, в любую погоду зарядка

на улице, без шинелей. Маршброски по 20–30 км с полной выкладкой: санитарная сумка, карабин, скатка, подсумок с патронами, противогаз, саперная лопата, котелок и пара гранат, ну и вещмешок с сухим пайком.

Учились быстро разворачивать палатки, ставить в них оборудование для перевязок и операций, ставить печи и прочее, рыть окоп для себя и раненого, в случае надобности принять бой, вплоть до отражения штыковой атаки.

Боевое крещение получила в Воронеже. Мы всем батальоном были в кино в центре города, когда началась бомбежка. Помню, когда она закончилась, из кинотеатра нас повели в ближайший госпиталь, четырех-

этажное здание было пробито бомбой. Двое суток без отдыха мы вытаскивали из-под обломков живых и мертвых...

Бомбежки не прекращались, штаб нашей дивизии был разбомблен, 17 человек — из наших — погибли. Город мы оставили. В зависимости от обстановки часто меняли расположение части, разворачивались то в лесу, то в покинутой деревне, маскировались и продолжали оказывать помощь раненым. Никого не спрашивали, боишься ли ты, умеешь ли, хочешь ли делать порученное дело. Приказ есть — будь добр — выполняй!

Раненых поступало до 700 человек в день. Я уже работала в операционном взводе. Стоять у стола приходилось сутками. Спали по 2–3 часа прямо на земле. Сами ездили на передовую за ранеными. В одну из таких поездок меня ранили в ногу.

Весной 1943-го, во время контрнаступления немцев под Сумами в селе Чернещина, я получила контузию, потеряла слух и речь, тряслись руки. Попала в госпиталь. Потом — в эвакуационный поезд, который шел в Сибирь. Там получила инвалидность III группы. А в январе 44-го была снова призвана на фронт, работала в 26-й стрелковой дивизии. Победу встретила в Одессе. Демобилизовалась

в ноябре 1945 года. Меня наградили орденом Отечественной войны, медалями «За победу над Германией», «За боевые заслуги». Есть 11 юбилейных медалей.

45 лет – душа в душу!

— Что-то я все о грустном. За мои 85 лет, знаете, сколько хорошего в жизни было! История знакомства с моим мужем чего стоит!

— Где же Вы с ним познакомились?

— На вокзале в Новосибирске! После войны ездила в Ленинград, в гости. На обратную дорогу денег хватило только до Новосибирска, вышла здесь и стала думать, как до Бийска

Двое суток без отдыха мы вытаскивали из-под обломков живых и мертвых...

добраться. Неожиданно меня обгоняют два парня — высокие, в красивой форме, я уже потом узнала, что они летчики и служат в Австрии. Оказалось, я им приглянулась, и они не знали, как со мной познакомиться. Поравнялись, что-то спросили. Мы разговорились, оказалось, они тоже — в Бийск, ждали машину. Предложили, пока есть время, сходить в ресторан. Я ни в какую не соглашалась, денег-то ни копейки не было, но виду не

подавала, говорила, что с незнакомыми не хожу. В общем, уговорили они меня. Сходили в ресторан на вокзале, потом вместе ехали до Бийска. Вроде как я им тогда обоим нравилась. А я-то на своего бывшего мужа сразу глаз положила. Потом они уехали на свою службу в Австрию. Переписывались, сначала оба писали, потом стала отвечать одному, а тому только приветы передавала. Когда Иван приехал через год в отпуск, сыграли свадьбу. Две дочери у нас родились.

Муж мой — Иван Иосифович Петров — был военным летчиком. Дважды горел в самолете, садился на вынужденные посадки. Ранений не имел. А наград у него сколько! Ордена: Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны, «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и другие. Есть несколько благодарностей от Верховного Главнокомандующего. После войны продолжал работать в авиации, так что нашей семье хватило помогать за ним по гарнизонам. С 1945 по 1960 год продолжал служить в Красной Армии, сначала в оккупационных войсках — Австрия, Венгрия. С 1960-го был авиадиспетчером в Толмачево. Всегда следил за своим здоровьем, крепкий он у меня был

мужчина. 45 лет мы с ним прожили душа в душу. Одиннадцать лет назад Иван Иосифович погиб, машиной сбило недалеко от дома...

Медсанбаты

*Смерч пожаров...
Кровь России...
— Помоги ползти, сестра...
Санитарные носилки
Создавали мастера.*

*Окровавленной зарницей
Утро пало на жнивьё...
И творили кружевницы
Госпитальное бельё.*

*И для судеб скоротечных —
Для санбатов фронтовых
Сколько ящиков аптечных —
Не шкатулок золотых.*

*Гнев копя в глазах бездонных,
Скрыв пилоткой седину,
Сколько их ушло из дому
На священную войну!..*

*Сколько их
Еще, наверно,
У дорог,
В горах,
В полях
Спит
Под сенью звезд фанерных,
Сотворенных второях.*

Б. ДУБРОВИН

Александр Григорьев

**А.Д. ГРИГОРЬЕВ:
Усыновил
немецкого мальчика
в поверженном
Берлине**

Я хочу рассказать о своем дедушке Александре Даниловиче Григорьеве, участнике Великой Отечественной войны, который усыновил немецкого мальчика-сироту в освобожденном Берлине.

Дедушка родился в 1909 году, умер в 2001-м, а его документы, письма и воспоминания наша семья бережно хранит как самую ценную реликвию.

В 1930 году (ему тогда был 21 год) его призвали в Красную армию. После трех лет службы он вернулся домой, в Уфу. Вместе с отцом Даниилом Васильевичем работал мастером-кондитером на фабрике «Башкондитер». Трудился по призванию, дело свое любил и дорожил им.

Но начались репрессии. В 1937 году Данилу Васильевича арестовали по статье «Контрреволюционная агитация и пропаганда» и осудили на 10 лет тюрьмы (Через несколько лет он скончается от болезни.).

Александр Данилович понял, что ждать нельзя — могут забрать и других членов семьи. Вместе с молодой женой Марией он уехал в город Абакан (Хакасия).

29 мая 1941 года его призвали на военную переподготовку. А меньше чем через ме-

сяц страну потрясла страшная весть: война. Даже попрощаться с близкими он не смог, оттуда и забрали на фронт.

В первые недели войны попал на передовую и уже 17 августа получил тяжелое ранение в лицо. Больше двух месяцев хирурги и медсестры боролись за его жизнь.

После госпиталя — снова на фронт. Теперь на защиту Москвы в составе 442-го артиллерийского полка. Участвовал в боях с октября 1941 по январь 1942-го. Отстояли наши воины столицу, и полк двинулся дальше.

В апреле 1943-го опять ранение. И опять после госпиталя Александр Данилович возвращается в строй.

В 1944-м его перевели на 1-й Украинский фронт, в 237-ю стрелковую дивизию 38-й армии. До Победы оставался це-

Александр Григорьев (в 1-м ряду 1-й слева), 1941 г.

лый год, но его письма домой уже были полны уверенности: вот-вот, и война кончится.

38-я армия освобождает Воронеж, Киев, Львов, Одессу, Кишинев... Потом, уже в частях 4-го Украинского фронта, Григорьев участвует в освобождении городов Чехии и Польши. И вот, наконец, Германия.

На одной из заброшенных улиц бойцы полка нашли испуганного немецкого мальчика лет десяти. Голодный, грязный, в оборванной одежде, порусски, конечно, ни слова ска-

зать не может. Накормили, одели, отогрели, как могли. И стал немецкий мальчик сыном советского полка.

В то время старшина Григорьев уже был поваром (назначили, узнав о его мирной профессии). Мальчик, как мог, помогал ему. И солдат так привязался к хлопчику, что подал в штаб рапорт с просьбой об усыновлении найденьша. Ему пообещали, что вопрос решат положительно. Старшина радовался: домой поедет не один!

9 мая 1945 года. Победа! Александр Григорьев встретил этот радостный день в Берлине.

Советское правительство распорядилось снабжать продовольствием жителей Берлина. Выполнять задачу поручили начальнику тыла Красной армии генералу А. В. Хрулеву. Ну а с его уровня приказ дошел до поваров, в том числе и до старшины Григорьева. Работы прибавилось. Как всегда, помогал

лович на войне, но это потрясла его больше всего.

Мальчика похоронили, а вместе с ним и частичку сердца старшины Григорьева.

В Берлине он служил до октября 1945-го. И вот, наконец, известие: «Едем домой!» На станции перед посадкой в эшелон солдат построили и приказали показать, что везут (досматривали, чтобы не брали с собой оружие или еще что-нибудь непопозволенное).

У Александра Григорьева в походном чемодане лежали кое-что из белья, моток ниток для жены и красивая новая кукла — подарок дочке, которую он еще ни разу не видел. Она родилась в 1942 году. Думал старшина, что будет у нее немецкий братик — да вот не вышло...

Накормили, одели, отогрели, как могли. И стал немецкий мальчик сыном советского полка.

приемный сын. Да, сын! Потому что документы, как и обещали, старшине оформили по всей форме.

У разоренных войной берлинцев не хватало даже посуды. Вместо кастрюль использовали брошенные каски своих солдат — этого добра хватало... Сын Григорьева узнавал, где живут старики и маленькие дети, и носил им кашу да суп.

Однажды он отправился в очередной «рейс». Только обратно задержался. Минут час, другой... Солдаты пошли его искать. Нашли. Он лежал убитым. Рядом валялась каска, еда разлилась по земле... У какой нечисти не дрогнула рука? Много смертей видел Александр Дани-

Настоящее былое

*Былое будто бы заброшено,
Золой забвенья запорошено,
Но в нём пророческая алость,
И в нас оно затаено.*

*Не потому ли так
непрошено
Мы переигрываем прошлое,
Чтобы таким оно считалось,
Каким и быть оно должно.*

Б. ДУБРОВИН

Андрей Щемелев

А.М. ЩЕМЕЛЕВ:

**Я сам себе тогда
не раз говорил:
«Зачем ты только меня,
мать, родила?!»**

Андрей Щемелев, гвардии младший сержант, командир отделения радиотелеграфистов 3-го дивизиона 9-й батареи 150-й Севастопольской орденов Суворова и Кутузова 2-й степени армейской пушечно-артиллерийской бригады.

24 ИЮНЯ 1941 года у нас в Минске началась эвакуация. Людей посадили в поезд с товарными вагонами и платформами, шедший в направлении Борисова. Проехав километров тридцать, мы вдруг остановились. Недалеко от станции Колодищи поезд с минчанами, шедший впереди нас, был пущен под откос! Ког-

Повсюду крики и стоны покалеченных людей, молящих о помощи. Некоторые остались без рук, без ног.

да мы, эвакуированные с эшелона, подошли к месту крушения, было жутко смотреть! Перевернутые вагоны и платформы, сотни убитых и раненых. Повсюду крики и стоны покалеченных людей, молящих о помощи. Некоторые остались без рук, без ног. Местные жители говорили, что это дело

рук немецких диверсантов. Но убитым уже все равно...

...Непреодолимым препятствием стала на пути гитлеровских войск к Сталинграду маленькая замерзшая степная река Мышковка, на которой насмерть стояли гвардейцы армии. Студеным утром 21 декабря 1942 года ударили тысячи орудий. За вспышками огня все четче и четче вырисовывались силуэты танков с белыми крестами на броне и вражеских бронетранспортеров. Здесь, в бою под с. Громысловка, на Мышковке, состоя-

лось мое первое боевое крещение. Постоянно находясь нос к носу с гитлеровцами, я корректировал огонь своей батареи по радиосвязи. У меня волосы были огненно-рыжие, а за три дня боев стали белые. Я сам себе тогда не раз говорил: «Зачем ты только меня, мать, родила?!»

Теперь заживем

Под Сталинградом, в районе Кумрака, мы увидели девочку. В руках она держала краюшку хлеба с салом. Выражение лица у нее было старушечье. Солдаты спросили, куда она идет. Девочка равнодушно ответила: «Откуда мне знать! В какую землянку пустят, туда и зайду». Ее взяли с собой.

– Сколько тебе лет, милая?
– Семь.
– Здешняя?

– Нет, из Сталинграда.
– Где же твои родители?
– Немцы убили сначала маму, а потом папу.
– Чем ты живешь?
– Если где-нибудь хлеба достану, то поем. Но немцы отнимают его.

Помолчав, она прибавила, совсем как взрослая:

– Хорошо, что наши пришли, теперь мы заживем! Будет у нас и хлеб, и дом.

Эту девочку я запомнил на всю жизнь...

Закон боя

*Бой сверкает, сметает, торопит:
«Хоть умри, поднимайся в ночи!
Не сжимайся от страха в окопе,—
Будь, как бой:
Не мельчи!»*

*Обжигающиеся ладони,
Раскаляющийся автомат...
Не отыщешь ты выхода в доме,
Что пожаром объят!
Пламя шаткое стелется ближе,
Бьет орудье наводкой прямой.
Если в схватке надеешься выжить —
Не вернешься домой.
Не вернешься домой.
Неудержно
Рвись вперед, прикрывая своих:
Если знаешь, что смерть неизбежна,
Остаешься в живых!*

Б. ДУБРОВИН

Вера Карпова

В.М. КАРПОВА: **Голодно было очень.** **Мы траву ели...** **Но выжили!**

Жили мы в деревне Каржень Можайского района, когда в деревню пришли немцы, нас всех собрали тогда на улице и приказали согнать коров и другую живность к центру селения, – рассказывает 78-летняя Вера Карпова. – А потом фашисты сами начали ходить по домам и насильно отбирать всё, что хотели.

–у НАС в деревне расположился карательный отряд. Было в нем много молодых немцев, которые показывали фотографии своих мам и говорили: «Не хотим воевать, хотим домой». Но судьба распорядилась иначе. Был приказ, против которого они не могли пойти.

Наших солдат, шедших с окружения, немцы ловили и заставляли колоть дрова, работать, а потом вели на расстрел. А мы, дети, бежали смотреть. Сейчас, конечно, не пошла бы, а тогда – что мы понимали! Мне было всего десять лет.

У нашего дома стояли косилка и жнейка (жатвенная машина), на которых работал мой пожилой отец. В деревне ничего не было, и из-за этой техники папу считали богатым, всё вре-

мя били и называли то евреем, то коммунистом. Он не мог даже переночевать дома, моя мать постоянно его прятала: в подполе, в соседских домах...

В лесах соседней деревни были партизаны. Один раз они убили немца, а виновника стали искать у нас. А кто мог это сделать? Молодёжи не было – вся

Жили мы в деревне Каржень Можайского района, когда в деревню пришли немцы, нас всех собрали тогда на улице и приказали согнать коров и другую живность к центру селения. А потом фашисты сами начали ходить по домам и насильно отбирать всё, что хотели.

ушла на фронт, в деревне одни старики. Немцы поставили пулемёты и сказали, что будут расстреливать, но ничего не нашли.

В 42 году папу взяли на угон скота, так больше он не

вернулся. Те, кто возвратился, говорили, что он умер. Я, мать и сестра остались одни. Нас выгнали из большой половины дома, и мы стали жить на кухне. Нас с сестрой немцы заставляли убираться у них, а мы убежали. Тогда они догоняли нас и били ногами или ремнями.

Днём дети не гуляли, не играли, а вечером вообще был комендантский час: если кого увидят, то сразу стреляют. Все постоянно жутко боялись. А наша мама часто ругалась с немцами, так что её даже два раза выводили на расстрел. Мы с сестрой рыдали, а они покидают её снегом и говорят: «Матка, иди домой».

А когда стали отступать, начали жечь деревни. Мама спрятала нас в землянке, в которой было очень холодно, а сама осталась возле дома. Его облили и подожгли. Когда немцы пошли к следующему, мать попыталась погасить огонь. Они увидели и вернулись!

Мама стала молить, чтобы оставили дом. А один немец сказал, что не могут оставить, так как на дороге стоит офицер, который убьёт их, если не поджгут. Они бросили гранату в окно. И жить нам стало негде...

Немного пожили в землянке, однако там холодно было очень, и мы попросились к тем, у кого дом уцелел. Слава Богу, нас пустили. А когда немцы ушли, мы уехали в другую деревню, к маминой тётке. Но жить там тоже было тяжело. Голодно очень. Мы траву ели... Но выжили! Главное, выжили!

Горькая тайна

*Осентяешь улыбкой весеннею,
Одаряешь доверьем меня...*

Только знаю:

Другое видение

Ты скрываешь

до смертного дня:

Подмосковной деревни

окраину,

Где сгорела ветла и трава,

Где в доме, подожженном,

Разграбленном,

Побелела твоя голова.

Где меж выстрелов,

Крови и выкриков

Ты металась за дымной

стеной...

Чтобы выстрадать это

И выплакать,

Слишком мало и жизни

одной.

Б. ДУБРОВИН

ВНУКАМ И ПРАВНУКАМ О ПРАВДЕ ВОЙНЫ ВОСПОМИНАНИЯ

* * *

*Непримиримее взгляни
И зорче, как на свет в тумане:
Пусть неожиданны они, —
Не отпуская воспоминаний.*

*И, над самим собой привстав,
Будь тверд, решителен и точен:
Они приходят неспроста,
Они грядущее пророчат.*

Б. ДУБРОВИН

Алексей Волошин

А.П. ВОЛОШИН: Награжден Золотой звездой Героя Советского Союза и «Серебряной Звездой» Президента США

Весной 1941 года я поступил в Одесское артиллерийское военное училище, а уже летом его эвакуировали. Мы, курсанты, пошли колонной на северо-восток. За первые два дня мы прошли 50 километров. Тащили до Николаева две 203-мм гаубицы, а это – очень серьезные орудия... Дальше нас повезли. До Запорожья ехали нормально. Потом нас начали бомбить! Здесь я и получил свое первое, правда, легкое, ранение, вроде зарубки на память...

О Сталинграде и Толстом

В начале августа 1942 года мы прибыли в свой будущий штаб дивизии, в Сталинград. А нас, артиллеристов, – всего два офицера и комполка майор Цыганков. Теперь он стал начальником артиллерии в 10-й дивизии НКВД, которая была хорошо укомплектована по тому трудному времени. Кроме того, нам были приданы другие разрозненные части: остатки двух изрядно потрепанных дивизий, человек по пятьсот в каждой, и еще политическое училище (тоже человек четырехста или пятьсот). Командиром нашей 10-й дивизии НКВД был полковник А.А. Сараев. Ему подчинялись и все остатки разбитых частей, подошедшие в город...

Нашу истерзанную дивизию НКВД бросали на подкрепление в обескровленную тяжельми боями 62-ю армию, где было девять тысяч человек. У немцев было многократное превосходство в силах, и они были уверены в своей победе. 23 августа, после прорыва немцев в районе хутора Вертячий, их передовые отряды вышли к северной части Сталинграда. Встретил их огнем наш 282-й стрелковый полк 10-й дивизии НКВД, учебный танковый батальон тракторного завода и зенитный полк. В первый же день было подбито 70 немецких танков! Так мы выбивали превосходящие силы противника. Но они все прибывали: со стороны Вертячего на Сталинград двинулись 14-й механизированный корпус и 51-й армейский корпус немцев.

Только в ночь на 14 сентября вошла в Сталинград 62-я армия через нашу переправу. А первой переправилась свежая 13-я гвардейская дивизия Родимцева.

В этот день 62-ю армию принял генерал-лейтенант Ф.И. Чуйков. И сразу он бросил два полка этой дивизии на взятие Мамаева кургана. Мамаев курган, за который мы дрались, значился на карте как высота 103,5 м. Она давала обзор всего города и большого участка Волги. За этот обзор мы и сражались: ведь кто больше видит, тот лучше стреляет!..

Господствующая высота была взята. Потери — большие. В конце концов, мне не повезло. Во время налета «юнкеров» (а бомбы они бросали с высоты 200 м) я был ранен в ногу выше колена. Перевязала меня местная девушка, сняв со своей головы белую косынку. С виду она была совсем молоденькая, почти подросток. Но не побоялась крови, которая была ключом из моей глубокой осколочной раны. Сделала все как нужно. И потом еще подушку под забинтованную ногу положила.

Я на время потерял сознание, а когда вернулся из забытья, спросил эту девушку, как ее зовут. Она ответила коротко: Тамара.

После войны я искал ее, приехав посмотреть на отстроенный заново Сталинград. Но, к сожалению, не нашел. Не каждый, кто спасал нас тогда, оставлял свой адрес. Да и были он в разбомбленном городе?

В госпитале я узнал, что наши под Сталинградом окружили и пленили огромную армию генерала Паулуса со всеми его «превосходящими силами». Сталинград выстоял.

В 271-м полку я был командиром батареи. В районе Ельшанки — раньше это была южная окраина Сталинграда, сейчас почти центр — немцы прорвали линию фронта. И я как раз там находился вместе со своей батареей. Начальник штаба капитан Золотов приказал выбить немецких автоматчиков с этого участка.

У меня в батарее осталось шестнадцать человек. Поднимаю их в атаку. Примкнули штыки: «За Родину! За Сталина! Бей фашистов!» Мат-перемат, все кричат, друг друга подбадривают, чтобы не так было страшно.

Немцы уже расположились в окопах и готовились к следующему броску. Все с автоматами, с винтовками и штык-тесаками. А у нас в руках винтовки Мосина. Они со штыками раза в полтора выше человеческого роста.

Ворвались мы на позицию к фашистам. Они бежать. Мы за ними. Несколько раз я штыком кого-то проткнул. Помните, как у Толстого в «Хождении по мукам»: «Я колю, а он мягкий»?! Вот то же самое и я почувствовал. Очень неприятное ощущение.

Пробежали мы метров двести—триста. Смотрю, а немцев-то уже и нет.

Атака закончилась. Я своим артиллеристам кричу: «Назад! Всем к пушкам!» А они разгоряченные, глаза горят. Готовы дальше наступать. А не на кого. По пути подобрали своих раненых и убитых. Восемь человек мы тогда потеряли из шестнадцати. Вернулись. Золотов нас похвалил. Пригласил меня на обед. А я никак не могу в себя прийти, успокоиться. Страшное перевозбуждение. Аж трясет всего...

На момент формирования наша 10-я дивизия НКВД имела пять полков. В каждом около двух тысяч солдат. Через месяц непрерывных боев в полках насчитывалось по двадцать—тридцать человек. Остальные остались в Сталинграде. Навечно.

О телефонном звонке Сталина

17 января 1943 года я был наконец выписан, к великой

моей радости. И в тот же день получил обрадовавшую меня телеграмму — от командующего артиллерией 10-й дивизии НКВД, уже подполковника Цыганкова. Он просил направить меня после излечения обратно в нашу дивизию! В конце января я прибыл туда командиром полковой батареи стрелкового полка. В феврале наша дивизия отбывала на фронт под Москву, однако из-за начавшегося яростного наступления немцев под Курском нас перебросили

Несколько раз я штыком кого-то проткнул. Помните, как у Толстого в «Хождении по мукам»: «Я колю, а он мягкий»?!

на Елец. И затем из 70-й армии НКВД мы перешли в 65-ю армию генерал-лейтенанта Батова Павла Ивановича, впоследствии дважды Героя Советского Союза.

Уже потом, под Курском, на рубеже Кромы-Поныри наша 181-я стрелковая дивизия вошла в состав 13-й армии и сдерживала яростные атаки фашистов, а 12 июля перешла в наступление. Я поддерживал огнем своей батареи батальон 271-го стрелкового полка и подбил там три танка. Командир нашего полка майор Л.П. Дикой, едва узнав об этом, бросился по моему горячему следу расширять горловину

Президент США награждает Алексея Волошина «Серебряной Звездой» за его подвиги

для ввода в бой других батальонов. Это стало началом большого успеха нашей дивизии. А наш комдив генерал-майор Сараев Александр Андреевич, когда узнал об этом, подъехал на место действия и, спрыгнув с коня, расцеловал меня по-русски троекратно. Потом сказал: «Ну, молодец, командир! К ордену Ленина за это тебя представлю!»

...После разгрома немцев на Курской дуге 13-я армия генерал-лейтенанта А.П. Пухова продолжала стремительное наступление на юго-запад — в направлении Сум, Конотопа, Борзны, Чернигова. Утром 18 сентября 1943 года наш 271-й

стрелковый полк первым подошел к Десне и, с ходу форсировав ее, захватил плацдарм на правом берегу южнее Чернигова. Вслед за полком переправилась на правый берег и вся наша 181-я Сталинградская (бывшая 10-я стрелковая дивизия НКВД) генерала Сараева. Мы оказались у южной окраины областного центра — Чернигова. Попытались с ходу захватить город. Но, как доложили разведчики, в нем было полно немцев и танков. Командование наше призадумалось...

А вечером 20 сентября нашему командарму вдруг позвонил сам Верховный, и, как до-

несло «окопное радио», события разворачивались так:

— Товарищ Пухов, доложите обстановку, — сказал Сталин.

— Товарищ Первый! (Сталина по телефону называли Первым.) Тринадцатая армия с ходу форсировала Десну и находится на окраине Чернигова... Но там много танков, а у нас их нет совсем!

— Товарищ Пухов, завтра Москва будет салютовать доблестным войскам тринадцатой армии, освободившей областной центр Украины — древний Чернигов. — И положил трубку...

Командарм срочно вызвал к себе всех командиров дивизий, передал им свой разговор со Сталиным и после небольшой паузы добавил:

— Так вот, дорогие товарищи, если мы этой ночью не возьмем Чернигова, то... меня, в лучшем случае, отправят служить в какое-нибудь училище или райвоенкомат... а вас — под трибунал!

Затем обвел всех отчаянным взглядом и спросил:

— Что вы можете мне предложить?

Наступило долгое тягостное молчание. Потом один из комдивов сказал:

— А чего тут долго раздумывать?! Надо брать город! Но так как у нас в дивизиях много новичков, почти половина —

из Азии, я предлагаю в каждом полку создать из славян, уже обстрелянных вояк, по одному штурмовому батальону, усилить их артиллерией, саперами и совершить неожиданный ночной налет на город одними этими батальонами! Немцы ночью, как известно, воевать не любят, да и огонь танков в темноте не точен.

Все согласились с этим предложением.

И вот 20 сентября в 1.00 штурмовой батальон нашего 271-го стрелкового полка, сопровождаемый всей полковой артиллерией (которой в то время уже командовал я) и саперами, бесшумно вошел в город с юга. Не ожидавшие ночной атаки немцы, начав беспорядочную стрельбу, бросили против нас свои танки. Хорошо, что наши пушки двигались вместе с пехотой! Мы сразу встретили немецкие машины огнем из пушек: а ночью танки и вправду, почти слепые, огонь их не точен... В общем, в этой почти четырехчасовой схватке мне с моими артиллеристами удалось уничтожить 5 вражеских танков, защитив от них свою пехоту. В результате нам повезло первыми прорваться в центр города, к зданию обкома партии. Старшина батареи Доможаров быстро нашел у какой-то женщины красную рубашку,

прикрепил ее к палке, и в 4.00 эту красную рубашку мы водрузили в качестве знамени на здании обкома.

В этом жарком бою я потерял нескольких своих артиллеристов. Героически погиб командующий артиллерией нашей дивизии полковник Цыганков. Приказ Верховного Главнокомандующего мы выполнили. В 10:00 21 сентября услышали по радио похвалу в наш адрес.

Спустя три дня меня пригласил к себе комполка Дикой и, пожав крепко руку, сказал:

– Ты, артиллерист, молодец! Хорошо дрался ночью, умно. Своим огнем из пушек ты уничтожил 5 вражеских танков и спас батальон и полк. За это я представил тебя к высшей награде Родины. К званию Героя Советского Союза.

О лучшем друге и наградах

Не могу не сказать о человеке, которому я обязан своей жизнью. Это мой ординарец Володя Тимошенко. Сибиряк. На два года моложе меня, а уже был женат, и дома у него росли две дочки. Настоящий герой...

Дело было на плацдарме за Днепром. На нашу линию обороны прорвались танки. Раздавили наблюдательный пункт. Командир полка погиб. В тот район

срочно перебросили нашу батарею. Мы сразу вступили в бой. Один из танков прорвался, обошел нас сзади и пошел прямоком на пушку, рядом с которой я находился. И тогда Володя оттолкнул меня в сторону, я упал, и он прикрыл меня своим телом. А танк раздавил пушку и четверых моих бойцов, которые были рядом.

И второй такой случай был. На Курской дуге. Две пушки стояли чуть впереди, две – сзади. Немецкий танк из засады подбил передние пушки. Я увидел это и бросился туда. Только потом я сообразил – а чем бы я помог?! А танк продолжал стрелять. И тут я чувствую, что кто-то мне подножку подставил. Я со всего маху падаю на землю, а меня своим телом прикрывает мой ординарец.

В июне 1944 года началось наступление на Новоград-Вольнск, что на Западном Буге. И тут-то я был ранен – уже в пятый раз за войну. Мне вообще везло на ранения. Недавно на Курской дуге попало пять пуль шрапнели – в руки и лицо. Теперь вот это касательное ранение в живот! Спасибо еще, что не глубокое. Отправили меня в наш фронтовой госпиталь и там наскоро зашили. А потом еще в киевском госпитале отлеживался, оттуда меня направили долеваться в Москву.

Вот в этом госпитале разыскали меня ответственные товарищи, чтобы пригласить в Кремль, где мне надлежало получить удостоверение, грамоту и Золотую звезду Героя Советского Союза. И еще одно знаменательное для меня событие произошло в том же году. Вдруг оказалось, что с той вроде бы «потерявшейся» моей «звездочкой» (к которой я был представлен за то, что подбил 11 вражеских танков) произошла необычная история.

Президент США решил наградить высшей воинской офицерской наградой своей страны – «Серебряной Звездой» – четырех советских младших офицеров, отличившихся в боях против гитлеровского вермахта и представленных ранее к нашей советской Золотой звезде. Эти четверо должны были олицетворять разные рода наземных войск на нашем фронте. Словом, меня уже давно хотели вызвать в Москву, но не могли найти (пока я перемещался из госпиталя в полк и обратно в госпиталь) – для вручения американской «Серебряной Звезды». Кстати, тоже пятиконечной, очень похожей на нашу, только на вертикально расположенной красно-бело-синей ленточке. По личной просьбе Рузвельта это поручение выполнил его представитель Гопкинс

и наш тогдашний «всесоюзный староста» Калинин.

***

*Я точно помню и поныне
Вблизи лица
Тот запах крови, и полыни,
И чабреца.
Как в разрастающемся гуле
Ты в той степи
Из сумки, рассеченной пулей,
Достала бинт.*

*Воспоминанье не утонет
Я счастлив был,
Я помню вкус твоих
ладоней –
Из них я пил.*

*И, кровь мою со лба стирая
Рывком руки,
Касалась ты ладони краем
Моей щеки.
Дрожащим ковшиком
ладони
Сложила ты
И зачерпнула мне в затоне
Глоток воды.*

ПРИПЕВ.
*Я точно помню и поныне
Вблизи лица
Тот запах крови, и полыни,
И чабреца.
И он еще сквозь годы веет
Во сне ночном
Мгновенной нежностью
твоею,
Твоим теплом.*

Б. ДУБРОВИН

Евгений Балашов

Е.И. БАЛАШОВ: Ахтунг, Ахтунг! В воздухе король Черной смерти!

Командир полка, в котором сражался Е.И. Балашов, говорил, что немцы, как огня, боялись имени «Балашеф». Когда на фронте поднимался самолет Балашова в группе с боевыми друзьями, немецкие радиостанции наблюдения и оповещения, захлебываясь от страха, орали: «Ахтунг, Ахтунг! В воздухе король «Шварц тод» – «Черной смерти»: Балашеф! Все в укрытия!».

В 1940 году я окончил автотехнический техникум и аэроклуб Пролетарского района Москвы. Потом работал на «Шарике», но сердце тянулось к небу, к облакам, которые хотелось потрогать... Добровольно поступил в военную школу летчиков и на фронт прибыл в октябре 1942 года, в жаркое пекло Сталинградской битвы...

В небе над Сталинградом

На вражеском аэродроме под Сталинградом немцы скопили до сотни бомбардировщиков. Командование наше приказало: «Уничтожить!»

Мы поднялись восьмеркой Ил-2. Подлетая к цели, я увидел на заснеженном поле стоящие крылом к крылу, словно на параде, десятки «Юнкерсов» и

«Хейнкелей». Сбросили бомбы. И аэродром окутало волной огня – горели самолеты, взрывались снаряды и бомбы...

Я с ожесточением поливал аэродром струями очередей из пушек и пулеметов. Вдруг самолет трянуло. Я огляделся. В правом крыле от зенитного снаряда зияла рваная пробоина. Самолет разворачивало и кренило. Упала скорость. Я отстал от группы.

В это время и набросились на мою израненную машину «Мессершмиты-109». Вокруг засверкали трассы от снарядов. Я подумал: «Каюк... собьют, гады...» И еще злее начал бросать самолет из стороны в сторону, увертываясь от очереди врага. В нескольких местах были пробиты крылья, мой самолет еле держался в воздухе. Наши истребители сопровождения завязали с «мессерами» и

бой. Однако фашисты, чувствуя свое превосходство, наседали со всех сторон.

Внезапно я увидел впереди себя «мессера», атаковавшего нашего истребителя. Я нажал на гашетку пушек... «Мессер» перевернулся, на солнце блеснули голубые крылья с черными крестами и скрылись под моим «илом»... Потом на земле вспыхнул костер... Мы все вернулись на свою базу, без потерь.

Над Сталинградом я совершил двенадцать боевых вылетов. За отвагу и геройство был награжден боевым орденом Красного Знамени.

Личный счет

А потом военные дороги бросали меня в небо Украины, Польши, Германии, Чехословакии. Был дважды ранен, мой самолет неоднократно атаковали истребители врага над целью, но я прилетал и сажал его на свою территорию. Иногда приходилось подниматься в огненное небо Родины по 4–5 раз в день.

В результате штурмовок и бомбовых ударов мне удалось уничтожить 4 самолета, 25 танков, 60 автомашин с грузом, 8 паровозов с вагонами, 3 цистерны с горючим, 5 складов с боеприпасами, 55 повозок, 7 орудий полевой и 10 зенитной артиллерии...

Восьмого июля 1943 года на Белгородском направлении разгорелись ожесточенные сражения на земле и в воздухе. В качестве ведущего группы из восьми Ил-2 я выполнял задание по штурмовке колонны автомашин и танков. Мы издалека увидели серую пелену пыли от движущихся танков и автомашин. «К фронту топаят», — подумал я и передал по радио:

— Приготовиться к атаке!

Когда до цепи осталось не более километра, я отжал ручку управления штурмовиком от себя и начал пикировать. Вскоре от самолетов отделились реактивные снаряды и, прочертив серую линию дыма, начали рваться на дороге. Загорелись танк и две автомашины. Потом полетели вниз черные болванки бомб. Я видел, как штурмовики метко накрыли цепь. В небо поднялись черные вихри дыма, перемежаемого золотыми прожилками огня...

В это время появились истребители противника. Шестерка «Фокке-Вульф-190» бросилась на штурмовиков.

— Встать всем в круг! — поддал я команду, — оборонять друг друга!

«Ильюшины», умело и смело защищаясь, оттягивались на свою территорию, под защиту зенитчиков.

Атаки «фоккеров» были отбиты. Согласно разведанным в этот вылет были уничтожены три танка, восемь автомашин с боеприпасами, разбиты два орудия полевой артиллерии. Более тридцати трупов оставили фашисты на земле...

Через пулеметный огонь

...Враг отступал, но огрызнулся, совершал налеты на наши войска и коммуникации. Разведчики сообщили, что на аэродроме Канцеровка Запорожской области враг сосредоточил до 80 самолетов.

В голубое небо Украины были подняты несколько шестерок «Ил-2». Одну группу вел я. Четким строем мы пересекли линию фронта, за хвостовым оперением самолетов остались серые облачка разрывов от зенитных снарядов вражеской артиллерии. Я всматривался в голубую ленту горизонта. Показался ломаной гребенкой лес, а дальше — аэродром противника. Над ним висела серая пелена дыма от пожара — это результат работы первых групп штурмовиков.

Я дал команду:

— Бейте по самолетам, стоящим в северной части аэродрома!

Блеснув яркими вспышками, из-под крыльев «илов» вырвались реактивные снаряды. Белая стужка дыма оборвалась на земле, и в ту же секунду сверкнули взрывы. Вверх полетели черные обломки от самолетов, комья земли...

Несколько самолетов загорелись от снарядов и бомб, сброшенных другими экипажами с «илов».

«Молодцы, здорово накрыли...», — подумал я и услышал голос своего стрелка Николая Носова:

— Командир! «Мессера»!

Девятка «Мессершмитов-109», разбившись на пары, заходила с разных сторон.

Я с ожесточением поливал аэродром струями очередей из пушек и пулеметов. Вдруг самолет тряхануло.

В небе затрещали пулеметно-пушечные залпы.

Наши истребители сопровождения сразу же вступили в бой с врагом, отвлекая их от штурмовиков. Этот маневр удался.

Все наши самолеты возвратились на свою базу.

...Отступая от Запорожья, враг соорудил переправу через Днепр в районе села Беленькое. Она действовала днем и ночью

и была сильно защищена огнем зенитной артиллерии.

Командир полка гвардии подполковник Федотов пригласил меня к себе:

– Евгений Иванович! Бери десятку смелых ребят и разбей переправу у Беленькой... Сделай ее «черненькой»...

– Ясно, товарищ подполковник! Задачу выполним.

14 октября 1943 года, тяжело оторвав от вязкой земли груженные самолеты, мы поднялись в серое небо Приднепровья и легли на курс к Запорожью. Зная, что южнее и восточнее села Беленькое раскинулись знаменитые Днепровские плавни, я повел свою группу в тыл врага и зашел на атаку с севера.

Когда штурмовик, сделав горку, начал опускаться нос, нащупывая центр цепи, я увидел переправу. Вот в прицел вписалась средняя часть понтонного моста, мелькнули в глазах серая коробка мчавшегося по ней танка, стрелявшего на ходу из пулеметов, серые всплески воды, видимо, с моста прыгали солдаты – и я нажал на гашетку реактивных снарядов... Потом сбросил бомбы... Круто развернувшись влево, начал прижимать самолет к пойменному лугу, покрытому ярким малахитом трав. Внизу мелькали камыши, блестящие серой сталью заливчики, речные рукава, ред-

кий кустарник и песчаные плешины. В наушниках шлемофона треснуло, защелкало, и тут я услышал голос командира группы истребителей:

– «Горбатые»! Молодцы! Переправа разбита! Поплыла в Черное море...

На сердце стало легче от сознания, что я благополучно провел группу сквозь сплошную завесу зенитного и пулеметного огня, что прекратилась связь врага между правым и левым берегами Днепра, что от штурмового удара разлетелись в клочья автомашины и рухнул в воду танк, что нашли себе могилу десятки немецких солдат и офицеров в желтой пучине реки...

Враг отступает

Наступил 1944 год. Враг откатывался на запад. Нашими войсками были разгромлены укрепленные районы на реках Молочная, Днепр, Ингулец. На моей груди блестел орден Отечественной войны 1-й степени.

...10 января было получено задание уничтожить артиллерийские позиции в районе Петрова Долина, на юге Украины, которые мешали продвижению наступающих войск. Ранним морозным утром поднялась в небо шестерка «ильюшинных». Я знал, что артпозиции врага хорошо замаскированы, об-

наружить их с высоты птичьего полета очень трудно.

Но фашисты выдали сами себя: на белом фоне снега четко виднелись следы автомашин, ведущие к лесополосе. Там, в густых зарослях кустов, под маскировочной сеткой, обрывался след.

– По артиллерии врага – огонь! – скомандовав своим летчикам, я, круто пикируя, устремился в атаку.

Было видно, как рванули снаряды, взметнув вверх серые султаны дыма и огня, потом блеснули разрывы бомб... Батарея была уничтожена. Тут я заметил склад с боеприпасами и сразу же пошел в атаку. Трассирующие снаряды, выпущенные из пушек, вонзились в серое покрывало.

В ту же секунду крыша склада вспухла и выбросила в воздух огромный огненный шар. Меня сильно прижало к сиденью, самолет подбросило вверх.

– Вот рвануло... Аж «ильюшин» затрещал! Жив, командир? – спросил стрелок-радист. – Смотри, сколько пробоин в крыльях.

– Ничего, продержимся... Потопали домой... – ответил я.

Под напором Советской армии враг отступал.

До сих пор помню удар наших «Илов» по железнодорож-

ной станции Порыцк 16 июля 1944 года.

– Нам сообщили, что немцы подтянули железнодорожный состав, груженный танками и автомашинами. Взлетели восьмеркой и пошли к цели. К счастью, самолетов врага в воздухе не было. С ходу ударили по длинному составу с черными коробками на платформах... Сразу же в четырех местах поезда вспыхнули очаги пожаров. В этот раз были уничтожены несколько танков, восемь автомашин, взвод пехоты. А потом лично мне удалось уничтожить склад с горючим... Бензин запылал, словно факел...

...В то время я занимал должность авиационного штурмана-летчика гвардейского авиаполка, имел звание капитана. На моей груди горел второй орден Красного Знамени.

Потом было еще много боевых вылетов.

Наши летчики несли на крыльях своих грозных машин победу Родине. Вскоре пал Берлин, капитулировала фашистская Германия.

Над Берлином я совершил свой сто тридцать девятый боевой полет. 27 июня 1945 года мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

Я горжусь, что был одним из тех, кто приложил все силы,

волю и мужество, чтобы приблизить нашу Великую Победу.

Клокочет бой

*Сквозь вьюги лет,
к сединам мчащих,*

Зовет покой.

*Но в памяти кровоточащей
Клокочет бой.*

Скорее всю передовую

Прикрыть свинцом:

Крыло в крыло —

Звенем стартуем,

На взлет — звеном.

*Вот «мессера» сквозь тучек
горстку*

Едва сквозят...

*Но снова ненавистью острой
Отточен взгляд.*

*Я слит с броней самолета
На высоте:*

Где рукоятки пулемета?

И руки где?

И — только вздрагивает веко,

И — режет глаз.

*И — не промчалось четверть
века!*

А все — сейчас.

Сейчас пикируем, рискуя,

Среди огня,

Сейчас любимая тоскует

И ждёт меня.

Б. ДУБРОВИН

Александр Выборнов

А.И. ВЫБОРНОВ:
Летчики успевали
просчитать каждый
маневр своей
израненной крылатой
машины, чтобы выжить
и победить

Зима 1943 года была суровой и снежной, самолеты садились на лыжи вместо шасси, так глубокий был снег. Температура держалась 30–40 градусов ниже нуля. Наши техники даже с аэродрома не выезжали: разогревали двигатели самолетов через каждые 15–20 минут. Мы работали в унтах, в меховых комбинезонах и перчатках, а на лицо иногда надевали теплые кротовые маски с отверстиями для глаз, носа и рта. Несмотря на трескучие морозы, мы сутки напролет находились все время возле своих самолетов...

В ЭТИ дни Калининский фронт, поддерживая контрнаступление советских войск под Сталинградом, на правом фланге развернул операцию по освобождению Великих Лук.

От стужи обмерзли фонари кабин, и этот иней затруднял видимость в воздухе. Летать было сложно. В день выполняли по два-три вылета.

Первая медаль

К трудностям мы постепенно привыкали, а опыта прибавлялось с каждым днем. Но все-таки я был неудовлетворен: имея уже сорок боевых вылетов, боевыми результатами пока похвалиться не мог. Потом я понял: это объяснялось, прежде всего, тем, что

я — ведомый. Я обязан охранять своего ведущего, держаться около него. Дисциплина строя — это основа боевого порядка пары или звена.

Вспоминаю показательный в этом смысле случай: ведущий мой, капитан Ворожейкин, успешно атаковал противника — Ю-87, и мне вдруг очень захотелось сбить вражеский бомбардировщик. Я оторвался от пары и пошел в атаку, сгорая открыв огонь с большой дистанции — безрезультатно, разумеется. В этом бою я потерял своего ведущего из виду, и его из-за этого атаковали истребители противника. Только случайность (и, конечно, большой боевой опыт) помогли Ворожейкину выйти из критического положения. Конечно, за это

своеволие я получил на земле изрядный разгон. Всякую инициативу, будучи ведомым, я в дальнейшем прекратил, и ведущий по-прежнему относился ко мне хорошо. Он всегда был справедливым и незапамятным человеком. А в марте 1943 г., когда большая группа инженерно-технического состава награждалась медалью «За боевые заслуги», эту медаль получил и я — один из первых среди наших молодых летчиков.

После награждения майор Осмаков поздравил нас всех и сказал, что скоро мы будем переходить со своих И-16 на новую материальную часть. Ждать долго не пришлось. Весь летный состав нашего истребительно-авиационного полка перевели в Чкаловское, под Москву. Новым командиром 728-го полка был назначен майор Владимир Степанович Василяка, основатель полка.

Переучивались мы на Як-9б. Он имел более богатое оборудование. К тому же и вооружение у него было гораздо более солидным.

За короткое время мы прошли теоретический курс, сдали зачеты и приступили к полетам. Потом получили

учебные самолеты и все сразу с гордостью отправились в сторону фронта.

Наша авиация уже подтягивалась к Курской дуге, занимая подготовленные полевые аэродромы. Здесь сосредоточилось до пяти тысяч самолетов. Наши люди лихорадочно переучивались на обновленную технику. Учились все — от рядового до генерала.

Небо Курска

И вот в ночь на 5 июля полк был поднят по тревоге. Никто не знал причины ее, но летчики чувствовали, что зати-

От стужи обмерзли фонари кабин, и этот иней затруднял видимость в воздухе. Летать было сложно. В день выполняли по два-три вылета.

шью пришел конец. Собрались быстро, погрузились в автомашины и поехали на аэродром. Технический состав приступил к пробе двигателей. По прибытии на КП полка летчики получили команду: «Через 15 минут построение». Мы поняли: на рассвете советские войска переходят в наступление под Курском. Полк получил 30 новых «яков», и все летчики подготовлены к боевым действиям.

Наш новый командир эскадрильи лейтенант Николай Васильевич Худяков поинтересовался настроением летчиков, особенно самых «зеленых», и определил боевые порядки в группе на случай вылета по тревоге. Моим ведущим назначен капитан Арсений Васильевич Ворожейкин, чему я очень обрадовался, — боевому опыту Ворожейкина я доверял безоговорочно.

Неожиданно поступил сигнал на командный пункт эскадрильи, чтобы были готовы к вылету: прикрывать наши наземные войска. Одновременно с сигналом прибыл начальник оперативного отдела штаба полка капитан Плясун и уточнил наземную обстановку. Летчики сразу же нанесли линию фронта на свои карты. Капитан Ворожейкин предупредил нас о сложности района полетов, так как на компас влияет Курская магнитная аномалия. Поэтому надо учитывать наземные ориентиры, а также солнце — хороший помощник летчикам!

Пока мы получали указания, подшучивая и посмеиваясь от возбуждения перед предстоящим боем, с КП полка взвились две зеленые ракеты. Это значило: 2-й эскадрилье взлететь в воздух. Взлетели мы восьмеркой «яков». Одну

четверку ведет Николай Худяков, другую — Арсений Ворожейкин. Идем «этажеркой». Наша основная задача — борьба с бомбардировщиками. Мы обязаны не допускать их к нашим войскам на прицельный сброс бомб. Район прикрытия получили по радио. Высота действий до 4 тыс. м. А выше будут действовать Ла-5.

— В воздухе крутятся истребители противника. Будьте бдительны, — предупредили нас.

После этой информации выше нас прошла четверка Ме-109 в вытянутых боевых порядках. А затем мы увидели восемь Ю-87 под прикрытием шести Ме-109. Худяков подал команду на атаку, и «яки» бросились на противника. В паре с ведущим Арсением Ворожейкиным сохраняю строго свое место. Ведущий много маневрирует. Вижу, как мелькают наши «яки», немецкие бомберы и истребители. Я тоже стрелял, но ничего в этом бою не понял, так как основной моей задачей было не оторваться от ведущего. В одной из атак Ворожейкин сбил Ю-87 — это была и моя радость.

После прилета на аэродром сделал для себя вывод: на «яках» можно воевать смело, но в бою надо сохранять выдержку и спокойствие. Сло-

вом, первый мой боевой день прошел нормально. Я довольно быстро привык к боевой обстановке. А между тем обстановка в воздухе накалялась день ото дня. Мы уже выполняли по три-четыре боевых вылета за сутки. Имелись потери среди летчиков полка.

Противник коварен, ввязываться в открытый бой с нашими летчиками не хочет. Его тактика — напасть неожиданно из-за солнца. Или из-за верхней кромки облачности. Или вблизи наших аэродромов. В последнем случае расчет немецкие летчики делают на то, что мы после боя расслабляемся, приходим с задания без боеприпасов и с минимальным запасом горючего. В первое время мы всех этих приемов не учитывали, потеряли три самолета и двух летчиков.

Молодые летчики в боях мужали и закалялись. Многие, уже летая на «яках», имели на счету сбитые вражеские самолеты. В том числе и мне ведущий дал возможность сбить два немецких самолета. Но я воспринимал это тогда как свою личную победу!..

Небо Курска становилось жарким для нас, истребителей. Мы старались изо всех сил, чтобы нашим летчикам, идущим на дальние задания, не приходилось на полпути ввя-

зываться в воздушные бои с бомберами и истребителями фашистов.

Я уже командовал звеном, водил своих летчиков на задания, однако основные и ответственные вылеты проводил напарником у капитана Ворожейкина. Он, видно, верил в меня. А я был рад случаю поучиться у него боевому мастерству.

Клубы черного дыма

Вечером 13 июля 1943 года нашему полку была поставлена боевая задача: с рассвета прикрыть советские войска на Белгородском направлении. Командир полка принял решение выполнять задачу поэскадрильно, в боевых порядках иметь только подготовленных летчиков, «стариков».

Первую группу, шедшую под руководством капитана Ворожейкина, усилили летчиками других эскадрилий. Мое место определено четко: ведомый у командира группы. Набрали высоту 2000 м и пошли в заданный район в боевых порядках — ударная группа 6 Як-76, группа прикрытия 4 Як-76. Патрулирование осуществляли в районе Богородицкое, Белинхино, Шахово. Первый заход прошел в спокойной воздушной обстановке, а на втором заходе мы

заметили приближение целой армады: 40–50 бомбардировщиков Ю-87 под прикрытием истребителей Ме-109.

Ведущий нашей группы капитан А. Ворожейкин подал команду группе прикрытия капитану И. Козловскому: «Прикройте, иду в атаку». Заметив нас, стрелки «юнкерсов» открыли сильный огонь из турельных установок. Держаться около ведущего, который резко маневрировал, мне становилось трудно. Как ты за ним, таким шустрым, угонишься?.. Капитан Ворожейкин снизу на дистанции 20–30 м дает очередь и сразу же поджигает Ю-87, который после невольного разворота в шлейфе дыма падает вниз. Даю очередь по крайнему Ю-87, но безрезультатно. На второй атаке теряю ведущего, ибо все смешалось в один клубок: «яки», «юнкерсы», «мессершмиты»... На выходе из пикирования вижу перед собой Ю-87, сближаюсь вплотную и даю продолжительную очередь. Клубы черного дыма – и объятый пламенем немецкий бомбер пошел к земле. Еще несколько минут продолжается бой с «юнкерсами», а затем нас связывают истребители Ме-109. Я захожусь в их гуще. Одна из очередей эрликонов Ме-109 разбила мне консоль плоскости, чув-

ствую, удар нанесен по хвостовой части.

Однако «як» устойчиво держится в воздухе и послушен рулям управления. Делаю глубокий вираж, выбирая на себя ручку управления, а сзади меня догоняют трассы огня от Ме-109. Убираю сектор газа двигателя, и мой «як» завис и как будто остановился. Атакующий истребитель проскочил вперед и оказался в прицеле. Нажимаю гашетку, и снап моего огня достигает цели, Ме-109 сбит!

Воздушный бой закончился, горячее на исходе. Настроение плохое, хотя сбито два самолета противника. Что с моим ведущим, как закончился бой? Куда лететь? Компас крутится от знаменитой Курской магнитной аномалии, да плюс закрутка от карусели в воздушном бою. Пока я торопливо анализировал в уме ситуацию, мимо проскочили несколько «яков» с белой полосой. Видимо, после боя в расстроенных боевых порядках тоже следуют домой. Значит, курс взят мною правильно, и через 12 минут я оказался в районе своего базирования.

После посадки уточнил итог боя. Фашисты потеряли 9 самолетов. Наши потери – один летчик и подбитый капитан А. Ворожейкин, который

вышел из боя и сел вне аэродрома на фюзеляж.

Я виноват перед ним, но вместо гневного разноса капитан молча, но строго посмотрел на меня, и я понял, что мой азарт мог обойтись ему дорого. А значит, и нам всем... И еще раз осознал, какой железной самодисциплиной должен обладать хороший ведомый.

Ведомый летчик

За войну мне приходилось много летать ведомым летчиком, даже будучи уже командиром эскадрильи и ведущим больших групп.

Надо сказать, что это – трудная роль. Все вокруг ты должен видеть, «чувствовать» своего ведущего и предугадывать все его маневры. Нужно для этого так выбрать себе место в боевом порядке, чтобы был надежный визуальный контакт с ведущим и чтобы не быть стесненным в обзоре воздушного пространства. В любой момент ведомый должен знать, где он находится, чтобы в случае необходимости перейти на автономный полет или встать на место командира. В случае атаки со стороны противника необходимо огнем и маневром нарушить ее или поразить противника. Ведомый летчик – это труженик,

это зеркало победы ведущего в бою. Но считаю, что в годы войны таких ведомых ценили недостаточно высоко. Я вообще не люблю споров о том, какие летчики самые смелые или самые нужные в бою. На войне нужны были самолеты всех видов. Но мне, истребителю, сейчас хочется сказать хотя бы несколько слов о штурмовиках. Штурмовики были грозой для фашистов. Неслучайно немцы их стали называть «Черная смерть». Наши летчики-истребители гордились отвагой этих экипажей.

Помню, 9 сентября 1943 г. командиром полка была поставлена нам боевая задача: прикрыть четыре Як-7б девятку штурмовиков Ил-2 на маршруте в районе их действий. Цель штурмовиков – подавление скопления техники и живой силы противника в районе Красная Знаменка.

В назначенное время по сигналу зеленой ракеты с КП полка взлетела первая пара старшего лейтенанта М. Сачкова и вторая пара, где ведущим был я, а ведомым младший лейтенант П. Барзанов. В заданном районе встретили штурмовиков, заняли боевой порядок. Пара Сачкова впереди колонны Ил-2, а я – сзади. Безоблачное небо, ярко светит солнце. При подходе к цели

сообщили по радию, что при наличии в воздухе истребителей противника мы делаем два захода на цель и уход «ножницами» на предельно малой высоте. Нельзя позволять противнику делать атаки по Ил-2 снизу, где он менее защищен.

Приближаемая к заданному объекту, цель хорошо просматривается с высоты. Противник замаскирован, но это его не спасает. «Илы» несколько растянули свой боевой порядок и с ходу бросают бомбы, а на последующих заходах обрабатывают противника пушечным огнем. Сделано уже четыре захода. Объект горит. Истребителям, а затем и штурмовикам передали по радио команду о прекращении атак и выходе в район сбора над лесным массивом.

Первый орден

При выходе на свою территорию по радио услышали голос станции наведения «Орел»: «Маленькие! — так называли нас, истребителей. — Кто находится в воздухе, помогите. В квадрате 2632 (район города Гадяч) нас бомбят «юнкеры»!..

Что делать? Бросить штурмовиков? А если где-то над нашей территорией их ждут «мессеры»? С другой стороны,

как не помочь своим войскам, если немцы безнаказанно их бомбят? Гибнут наши люди!..

Связываемся между собой, затем с ведущим «илов». Выводим их несколько в глубину своей территории, благодарим штурмовиков за их работу и с ведущим М. Сачковым следуем, набирая высоту, в указанный квадрат.

При подлете замечаем «юнкеров» в двух ярусах: одни бомбят наши войска, другие ждут своей очереди. Насчитали до 30 Ю-87, а выше роились прикрывающие их истребители — «мессеры». Мы решили атаковать. Удар наносит только снизу, не дав им опомниться и разобраться в нашей численности. Если мы их ошеломят дерзкой, результативной атакой, победа будет за нами. Для этого нужны выдержка и сближение до минимума (15—30 м).

Снижаемся на фоне леса до бреющего полета. Первым идет старший лейтенант Михаил Сачков, вторым — я. Бьем их с близких дистанций на выходе из пикирования. Мы понимаем друг друга в полете без слов. Михаил пошел в атаку, стрелок Ю-87 не видит его, и огонь «яка» поражает «юнкерса». В хвосте другого «юнкерса» моя пушка срабатывает точно по прицелу. «Юнкерс» горит и кувырывается с носа на крыло.

Бомбардировщики не могут разобраться, что происходит, но паника дошла и до верхних эшелонов. Они бросают бомбы кто куда и поспешно, со снижением уходят на свою базу. На догоне совместно с Михаилом мы бьем «юнкерс», на борту которого красуется какой-то загадочный дракон. Как бы этот дракон не маневрировал, но нас против него двое. Наша взяла. Мы дождались, пока он после атаки, падая с черным дымом, зацепился за деревья, и от взрыва высоко взлетели в воздух щепки его самолета.

Бой прекратили. Горючее на исходе, боеприпасов нет. На бреющем полете уходим на свой аэродром. Едва приземлились, как к нам подбежали товарищи и стали поздравлять с успешным боем и награждением орденами. Первыми орденами!..

11 сентября опять вылетаем группой из шести Як-76. Ведущий — старший лейтенант Н. Худяков, летчики И. Хохлов, Н. Пахомов, А. Мелашенко. И замыкающая пара — М. Сачков и я (ведомый). Сопровождаем штурмовиков, 18 Ил-2, на подавление огневых точек в районе Прохоровка — Красная Знаменка.

Наша пара идет выше всех и составляет группу ско-

вывания. Задача: не допустить истребителей противника к нашим штурмовикам. При подходе к цели встретили сильный огонь зенитной артиллерии. Один наш Ил-2 подбит, но упорно, с отставанием идет к цели, чтобы выполнить команду по сбросу бомбы на фашистов, и уже тогда возвращается домой.

Над целью во втором заходе на выводе из пикирования взорвался второй Ил-2. В эфире тишина. Потеря товарища горька, но мы еще злее продолжали атаковать огневые точки и сеять смерть среди фашистов... Однако справа подходят истребители противника. Мы их уже видели... Это была четверка Ме-109, которая «расшишала» воздух перед большой группой своих самолетов типа Ю-87 и Ф-190.

Заняв выгодное расположение со стороны солнца, мы с Сачковым первыми нанесли атаки по приближающимся истребителям противника, которые со снижением ушли в сторону. В это время Худяков со своими товарищами после окончания работы Ил-2 вывел группу на свою территорию и одновременно вел бой с истребителями противника.

Группа бомбардировщиков Ю-87 и ФВ-190 уверенно следует курсом на наши объ-

екты. Медлить нельзя. Решение — атаковать их сзади. Слышу команду Сачкова: «Саня, прикрой, иду в атаку!» Вижу Сачкова позади «юнкерса», которого он поливает огнем из пушки.

Немец, объятый черным дымом, завертелся и пошел к земле. У меня выгоднее положение для атаки по другому звену. Передал по радио Михаилу: «Прикрой, атакую». Поворачиваюсь и с близкой дистанции, сзади снизу, бью по Ю-87. Трасса огня накрыла кабину противника, и он, объятый пламенем, пошел к земле.

Отвернувшись от сбитого самолета, пристраиваюсь к другому Ю-87. Инстинкт самозащиты заставляет его маневрировать, но это не спасает моего противника, он тоже горит.

Для бомбардировщиков это было так неожиданно, что они только после потери трех Ю-87 разобрались в наших действиях. Их истребители прикрытия, бросив верхний эшелон, устремились вниз, но мы продолжаем атаковать Ю-87 сверху. Михаил Сачков удачно бьет по Ю-87. Тот вздрогнул и взорвался в воздухе. Невольно я вышел в эфир и закричал: «Сила! Молодец, Миша!..» Атакуемые бомбардировщики сбросили бомбы

и ушли кто куда, со снижением на свою территорию, с потерями.

Внизу также начинал утихать воздушный бой наших летчиков, которые попали в сложные условия. Оберегая штурмовиков, они дрались и с ФВ-190, и с Ме-109. Удачно прикрываясь стрелками штурмовиков, наши истребители от обороны дерзко переходили к атаке и добивались успеха. Противник не выдержал и отступил. Наша задача выполнена вполне результативно. Потерь с нашей стороны нет. А у противника не вернулись на свою базу 4 бомбардировщика Ю-87 и 4 истребителя Ме-109. В этом нелегком бою мною было сбито два Ю-87. На аэродроме нас с улыбкой встречал командир полка: он всем выразил благодарность от себя и штурмовиков. А делал он это очень редко...

Самолет «Рама»

На следующий день, 12 сентября, получаем сообщение, что ФВ-89 — самолеты-корректировщики — не дают покоя нашим танкистам и артиллеристам, находящимся на своих позициях. С воздуха они высматривают наши объекты, передают координаты своим артиллеристам, ко-

торые по этим данным накрывают огнем наши войска и технику. Такой самолет-корректировщик мы называли «рамой» за его своеобразное двухфюзеляжное тело с перемычками у кабины летчика и стабилизатора. Несмотря на свою небольшую скорость, он обладал отличной маневренностью, имел хорошее вооружение и дальнюю радиостанцию. На борту находились опытные летчики, подготовленные координаторы, а сзади стрелок-радист. Наши летчики имели встречи с этими самолетами, но редко их сбивали.

«Рама» всегда с резким маневром уходила под прикрытие своих зенитных средств или ее на высоте оберегали истребители Ме-109.

На этих «рам»-корректировщиков мы имели особый «зуб». В этот осенний период в районе Богодухово погодные условия не позволяли летать большими группами, а также на больших и средних высотах. Однако нам была поставлена задача «свободной охотой» вдоль линии фронта гонять и сбивать «раму» — ФВ-189 и другие самолеты противника.

Как-то раз вылетели звеном. В случае отрыва пары наши действия определялись самостоятельно. Ведущим шел я, вторую пару вел старший лей-

тенант А. Тверяков, мой тезка. Прошли один раз на высоте 300—400 м под облаками, но противника не обнаружили. Связались с наземными пунктами управления. Передают: «Были и ушли».

Тогда мы решили сделать заход с территории, где находились немцы. Только углубились на 20—30 км, как попали под сильный зенитный огонь. Увидели разрыв облачности и ушли в это окно растянутыми парами за облака. Облачность закончилась на высоте 1500—1700 м, и вдруг мы обнаружили, что под прикрытием своих истребителей сверху спокойно не идут на высоте 2500—3000 м три девятки «юнкерсов» (Ю-88) и несколько выше две девятки «хейнкелей» — Хе-111. Итого — 45! Курс держат на нашу территорию, видимо, на Курск или Белгород, где накануне они потерпели поражение.

По радио сообщаем воздушную обстановку. Земля запросила наши действия. Мы передали, что будем атаковать. Но что может сделать четверка против сорока пяти мощных бомбардировщиков и двух десятков истребителей?.. Одна атака с нашей стороны возможна, а что дальше? Однако надо действовать. Пробираемся снизу, сбоку, к первой де-

вятке Ю-88. Сближение идет медленно, хотя двигатели работают на полных оборотах. Наша группа растянута.

Вот расстояние уже 200 м, 150 м!.. Надо подходить ближе. Стрелки противника нас обнаружили, включили свои турельные установки и поливают свинцовым огнем. Мое оружие работает, у моих товарищей — тоже. Но для этих самолетов нужны близкие дистанции открытия огня, только тогда воз-

можен результат... Заходим на вторую атаку, опять неудача. Противник идет в плотных боевых порядках и дружно отсекает нас.

Бомбардировщики не могут обратиться, что происходит, но паника дошла и до верхних эшелонов. Они бросают бомбы кто куда и поспешно, со снижением уходят на свою базу.

Старший лейтенант А. Тверяков атакует Хе-111. Тот дымит, но остается в строю. Одновременно от огня немецких стрелков задымил «як» Тверякова, затем вспыхнул пожар. Самолет Саши Тверякова скользит сначала в одну сторону, затем в другую. Передаю ему по радио: «Бросай самолет!..»

Но он курсом на снижение идет в ту сторону, где про-

тивник. Не видит он этого, что ли?! Почему не видит? Настойчиво команду: «Отвернись на 180 градусов!» Саша Тверяков не реагирует.

Он приземляется в поле на фюзеляж. Самолет дымит. Площадка как будто ровная и рядом проселочная дорога. Вокруг поляны, лес и все спокойно. «Чья же под нами территория? — мучает меня вопрос. — Наша или противника? Что делать?..»

В эфир посылаю летчикам команду: «Прикройте, сажусь в поле...»

А Тверяков из самолета не выходит. Видимо, тяжело ранен. Надо вывозить! Хотя сам пропаду, а выручу!

Захожу на посадку и сажусь с громким «плюхом» на ограниченную площадку. На пробеге самолет дважды зарывался носом, но я не обращал на это внимания. Подруливаю и, не выключая двигателя, выскакиваю из самолета. Забрался в Сашин «як», увидел его в кабине окровавленного, с обожженным лицом. Растормошил, чтобы восстановить дыхание. Но говорить он не мог. Губы Саши слиплись от огня и крови.

Общими усилиями, кое-как выбрались из кабины.

А что делать дальше? В мою кабину посадить его невозможно: она одноместная!

Временная растерянность сменяется решительностью. Сзади кабины летчика имеется отсек для инструмента и чехла, затягиваю туда Сашу Тверякова. Быстро забираюсь в свою кабину, отруливаю к лесу, даю полный сектор газа, отпускаю тормоза — и пошел взлет. Самолет пробежал весь участок поля, остались десятки метров для отрыва нет. Промелькнула мысль: «Ну, вот и конец». Со злостью и усилием, не обращая внимания на скорость, отрываю самолет. Он приподнялся, закачался из стороны в сторону перед лесом и пошел, и пошел по воле летчика, хоть и с трудом, в набор высоты.

Между тем приближаются сумерки, видимость по горизонту плохая. Двигатель работает на полных оборотах, но скорости не хватает для полного набора высоты. Еле тянемся над лесом. Впереди и сбоку много пожаров. Мысли заняты, прежде всего, Сашей: как он чувствует себя? Скорей бы прилететь к своим и оказать ему помощь. А время так тянется, что кажется: прошла вечность!.. И как там дела у наших напарников? Где они сейчас?.. И правильно ли я

взял курс, хватит ли горючего, сколько времени я в воздухе?

В полете задаешь себе много вопросов, когда не ясна обстановка. И сам же на них отвечаешь. Стрелка показателя бензина тянется к нулю. Если через три — пять минут не попадетс какой-нибудь свой аэродром, надо выбрать площадку ближе к населенному пункту... Но вот в стороне замечаю зеленую ракету — одну, другую. Подворачиваюсь и вижу свои «илы», которые заходят на посадку. Жизнь наша спасена, лишь бы хватило горючего. Рассчитал!.. Сели на аэродром с запасом высоты, планирую на посадку с перелетом. Подъехала санитарная машина, которой я передал своего друга Сашу. Долго он лечился в госпиталях. А после излечения продолжал еще летать, только в другой части.

Военный ветер

*К земле привязан самолёт
Стальными тросами
за крылья.
А вихрь ревет и ветер реёт,
Пошатывая эскадрилью,
Как будто нынче, как вчера,
Метнулось пламя
на планете,
Как будто нынче все ветра
Слились в один военный
ветер.*

*И всё неистовее он
Гудит, врывается в ангары,
Как будто вновь воспламенён
Разливом близкого пожара.*

*Но, встретив яростный порыв,
Вступая с ним в единоборство,
Качнулись крылья, приоткрыв
Неугасаемые звёзды.*

Б. ДУБРОВИН

Иван Рубцов

И.Ф. РУБЦОВ:

**О том, как наши летчики
ослушались приказа
Сталина и отправили
телеграмму лично
главнокомандующему**

22 июня 1941 года я вместе с товарищами по Сталинградскому летному училищу был отпущен в увольнение в город. Было воскресенье, обычное мирное утро. И вдруг в 12 часов мы услышали по радио правительственное сообщение о вторжении немецких войск на нашу территорию. Началась война!..

ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ после начала войны Сталинград наводнили беженцы с запада. В мае–июне 1942 года училище перебазировалось в Казахстан, в город Кустанай, на аэродром Федоровка. При перелете была потеряна часть самолетов, и поэтому на новом месте, в Кустанае, из восьми авиаэскадрилий было сформировано лишь шесть. Из курсантов двух «безлошадных» эскадрилий создали два запасных батальона. Я попал во 2-й батальон.

Самоволка

Служба в запасном батальоне меня не устраивала, так как я хотел поскорей попасть на фронт. Как я узнал много позже, запасники этого батальона окончили летное училище лишь в 1947 году, то есть после войны! А я спешил на войну. По-

ложение на фронтах было тяжелое. Под немецким сапогом оказалась половина европейской части страны, в том числе и мой родной город Узловая. А мы были комсомольцами 40-х годов, для нас защита Родины в такой момент стала главной целью жизни. В общем, мы, четверо курсантов: я, Сергей Слободин, Иван Стромин и Семен Люльев — подали командованию училища рапорт об отправке нас на фронт в любые войска, включая пехоту. На рапорта нам не ответили, а вызвали к начальнику училища, и тот сказал:

— Ждите своей очереди на обучение...

И тогда мы решились на самовольный выезд на фронт. В августе 1942 года мы после вечерней поверки вылезли через окна на улицу и, минуя часовых, ушли из гарнизона. До станции Кустанай было 12 км. Это расстояние мы прошли пешком за

два часа. На станции стоял готовый к отправке товарняк. Мы сели в темный товарный вагон и двинулись на запад в сторону города Чкалова. У нас было намерение вернуться в Сталинград и стать защитниками этого города, ставшего для нас родным.

Но когда мы добрались до станции Красный Кут, то прибывший со станции Верхний Баскунчак машинист товарняка сказал нам:

— Ребята, мы с напарником проскочили последними! Дорога разбита немецкими самолетами, и поезда на юг больше не идут.

Тогда мы приняли решение вернуться в Чкалов, а оттуда — через Ташкент, Красноводск и Баку — добраться до Тбилиси и любой ценой попасть в состав ВВС Северо-Кавказского фронта, хотя бы в части вспомогательной авиации. Это решение не было лишено логики: немцы продвинулись далеко на восток, а значит — нашим войскам для сопротивления не хватает сил. Следовательно — и авиаторов.

Наш замысел был реализован. Только в Красноводске заградотряд вдруг потребовал от нас документы, которых у нас, естественно, не было — если не считать курсантских книжек. И потому нас задержали, а ко-

мендант города посадил четверку на гарнизонную гауптвахту до выяснения личностей. Легенда о том, что мы окончили Сталинградское авиаучилище и едем на фронт и что все документы у старшего, который якобы отстал, впечатления не произвела, хотя и несколько озадачила коменданта.

Дело в том, что с июля 1942 года в стране стал действовать приказ Сталина №227: «Ни шагу назад», в соответствии с которым были созданы штрафные батальоны для провинившихся и комендантские службы, преграждавшие путь дезертирам, бежавшим с фронта в тыл. Но мы же не попадали под этот приказ, так как ехали из далекого тыла на фронт! Но если комендант свяжется по телефону с нашим училищем и ему сообщат о нашем «бегстве», нам может грозить военный трибунал и затем штрафбат, даже расстрел. И я, как старший в группе, обратился к коменданту с проектом телеграммы в Москву лично Сталину, в которой мы жаловались на коменданта, не пропускающего нас на фронт! Это был отчаянный шаг, но он оказался верным. Комендант отказался визировать эту телеграмму (без его визы телеграф не мог ее отбить). Зато он дал команду отправить нас через Каспий в Баку любым теплоходом. Боль-

ше того: комендант выдал нам официальную бумагу, где было сказано, что мы направляемся в 361-ю авиабригаду. И так как мирные пароходы отправлялись в Красноводск редко, мы согласились плыть на самоходной барже, везшей снаряды на Закавказский фронт.

Короче говоря, через неделю мы уже были в Тбилиси в штабе ВВС, где изложили полковнику ту же самую легенду. Полковник вызвал специалистов, и те в его присутствии устроили нам экзамен по материальной части самолета И-16, которую, к счастью, мы знали «на зубок». А дальше нас пригласили к командующему ВВС ЗакаВО, который нам предложил срочно переучиться на новый современный истребитель ЛаГГ-3 в Руставской авиашколе (в 35 км от Тбилиси), так как самолеты И-16 в авиачастях в ближайшее время подлежали замене на ЛаГГ-3, которые производились в Сандарах (Грузия). И мы поняли, что самый трудный период нашего движения к фронту закончился.

Руставскую авиашколу я закончил через пять месяцев и уже в мае 1943 года оказался в составе 979-го истребительного авиаполка 4-й Воздушной армии. Мои товарищи по Сталинградскому училищу окончили эту авиашколу позже на три или че-

тыре месяца. В 979-й полк из троих попал только Семен Люльев, с которым мы стали летать на боевые задания в паре.

Свой первый самолет я сбил в воздушном бою 16 сентября 1943 года на Кубани, над станицей Крымской. Бой был коротким. Немец сам как-то неудачно развернулся, уходя из-под атаки моего ведущего. Второй самолет был сбит мною на следующий день. В конце октября 1943 года я имел уже две награды: орден Красной Звезды и орден Отечественной войны 2-й степени. Командование полка даже направило моим родителям письмо с благодарностью за воспитание сына, приложив к письму фотокарточку, на которой я красовался с двумя наградами.

И вот однажды, в конце октября, к моим родителям домой являются два сотрудника местного НКВД и спрашивают:

— Где ваш сын?

Отец, слегка растерявшись от неожиданности, ответил:

— Как где? Воюет!

Он тут же открыл старый кованный сундук и достал завернутое в платок письмо из полка, на котором стояли печать и номер войсковой части 40476. Оказывается, после нашего ребяческого побега из училища на фронт, окрещенного «дезертирством», были направлены соот-

ветствующие телеграммы во все концы, в том числе — в НКВД г. Узловая...

Горели хорошо!

На фронте я летал много, совершал по 6–8 вылетов в день и часто — на очень тяжелые задания. 23 октября 1943 года четверка наших штурмовиков вылетела на бомбометание и штурмовку двух железнодорожных эшелонов с танками на станции Салеш. Немцы намеревались с помощью этих танков сбросить наш наземный десант с Керченского полуострова. Группу прикрытия повел командир эскадрильи капитан В.И. Истрашкин (впоследствии Герой Советского Союза). В этой группе я вел вторую пару. Погода была отвратительная: сплошная облачность на высоте 200–250 м, да еще льет дождь. Видимость 150–200 м. Прибыли мы на цель неудачно: на аэродром, располагавшийся в 10 км от Салеша, возвратились с задания немецкие штурмовые бомбардировщики Ю-87 под прикрытием 12 «мессеров» и, встав в круг, производили посадку. Немецкое командование после появления советских штурмовиков над железнодорожными эшелонами, видимо, перенацелило «мессеров» против нашей груп-

пы. «Худые», как мы называли Ме-109, замелькали перед нами, словно в калейдоскопе. А тут вдобавок ко всему зенитка подбила моего ведомого лейтенанта Кузьмина, и я остался один (ведомому приказал возвращаться на наш аэродром). Пара Владимира Истрашкина ввязалась в бой с «юнкерсами», а наши штурмовики остались без прикрытия, но немецкие эшелоны с танками разбомбили.

Вышло так, что одна из четверок Ме-109 атаковала с задней полусферы наших штурмовиков и вот-вот должна была открыть по ним огонь. Я заметил это, находясь под ними, и снизу атаковал ведущего четверки Ме-109, сразу поджег его. «Мессеры» горели хорошо! Остальная тройка Ме-109, видимо, растерялась, вышла из атаки... и тут вдруг двое из них взяли меня в «клещи». А третий открыл с задней полусферы огонь по моему самолету. С первой очереди он не попал. Но немцы справа и слева подошли ко мне вплотную. Один из них показал мне даже крест руками, а второй — кулак. В зеркало я видел, что летящий позади третий вражеский летчик приближается ко мне, уже в 30–40 метрах. Что делать? В облаках я летать не умел...

Многие наши летчики мне рассказывали, что попадали в ситуации, когда у человека на-

ступает ощущение близкой, уже неотвратимой гибели. Наверное, это же было тогда и со мной. Помню, как я взмок в ожидании своего расстрела. И вот в эту секунду что-то сработало внутри: я взорвался гневом, повернул назад, навстречу атакующему врагу, увидел вращающийся винт (значит, было метров 30 до него) и, резко убрав обороты сво-

Дело в том, что с июля 1942 года в стране стал действовать приказ Сталина: «Ни шагу назад», в соответствии с которым были созданы штрафные батальоны для провинившихся и заградотряды, преграждавшие путь дезертирам, бежавшим с фронта в тыл.

его мотора, выпустил тормозные щитки. Самолет, казалось, встал как вкопанный. Скорость с 400 км/ч упала до 200 км/ч. Немец не успел нажать на гашетки пушек и пулеметов и вынужден был спастись от столкновения с моим самолетом. Он рванул ручку на себя и перелетел через меня, будто играя в чехарду. Но при этом ударился о вертикальную часть хвостового оперения моего самолета, то есть получил ся непроизвольный таран. Через мгновение немец оказался впереди меня. Я нажал на гашетки пулеметов и пушки. «Мессер» окутался пламенем и взорвал-

ся. От взрывной волны мой самолет сорвался в штопор. Подо мной было море. Высота 150 м. Казалось, на такой малой высоте уже невозможно вывести машину из штопора. Но мне повезло. Благодаря выпущенным щиткам самолет вышел сам из опасной точки, как только я прибавил обороты мотора. Когда я приземлился на своем аэро-

дроме, техники обнаружили срез верхней части хвоста и руля поворота на 30 см. В пяти местах на крыльях были вмятины от столкновения с металлом взорвавшегося Me-109.

Заместитель командующего 4-й Воздушной армии по политчасти генерал-лейтенант Ф.Ф. Веров при нашей встрече спросил меня:

— Сколько вы, товарищ Рубцов, сделали боевых вылетов? И сколько сбили самолетов?
— Двести восемьдесят один вылет на сопровождение и прикрытие штурмовиков. И в семидесяти пяти воздушных боях по прикрытию наших штурмовиков сбил восемь немецких самолетов.

— Сколько по вашей вине потеряно наших штурмовиков?
— Ни одного, — ответил я.

Наш генерал сказал мне, пожимая руку: «Летайте, сби-

вайте самолеты немцев. Представим вас к званию Героя Советского Союза».

Действительно, второе представление, вслед первому, затерявшемуся в дивизии, было сделано, но уже после окончания войны — в июне 1945 года.

4 июня 1945 года я в числе других летчиков был отправлен в Москву. 24 июня 1945 года состоялся Парад Победы. Был дождливый день. Я шел третьим во второй шеренге в строю 2-го Белорусского фронта. Настроение было самое праздничное. Я испытывал гордость за нашу страну, за свой народ, победивший сильного, вооруженного до зубов врага.

Сталинград

*Поблескивают каски под
пламенем знамен,
Летит, летит со Спасской
курантов перезвон,
Простой солдат и маршал,
сомкнувшие ряды,
Все армии на марше,
все грозные фронты.*

ПРИПЕВ:

*Парад, по ветру
полотнища парят,
Парад Победы,
святий парад.
Парад, по ветру полотнища
парят,
Парад Победы,
Парад Победы,
Победы святий Парад.*

*Их подвиги воспеты
лавинами свинца,
Бойцы вошли с победой
В бессмертье и в сердца,
Идут за ротой роты,
Они сквозь смерть прошли —
Спасители Европы,
Спасители Земли.*

ПРИПЕВ.

*Обветренные лица,
нашивки, ордена,
Слезинка серебрится,
мерцает седина,
Потертые медали,
с хрипотцой голоса,
О, сколько повидали
солдатские глаза.
Б. ДУБРОВИН*

Евдокия Пасько

Е.Б. ПАСЬКО: Нередко летчицы от усталости сами не могли выйти из кабины самолета

Октябрь 1941 года. Враг на подступах к Москве. Именно в это время выходит Призыв ЦК ВЛКСМ о добровольном уходе девушек на фронт.

Я ТОГДА училась на 4 курсе механико-математического факультета МГУ.

С нашего факультета на Призыв откликнулись 9 студентов. Нас направили на сборный пункт в Академию Жуковского к Герою Советского Союза М.М. Расковой, и мы поняли, что нас берут в авиацию. 17 октября 1941 года формируемая М.М. Расковой авиачасть выехала в г. Энгельс для обучения летному делу в военно-авиационной школе. Все студентки мехмата были зачислены в штурманскую группу.

Здесь, в Энгельсе, были сформированы три полка: истребительный полк, полк дневных пикирующих бомбардировщиков и наш 588-й полк легких ночных бомбардировщиков По-2. Командиром нашего полка была назначена Евдокия Давыдовна Бершанская, комиссаром — Евдокия Яковлевна Рачкевич. Рассчитанную на три года программу воен-

ноавиационной школы мы «пробежали» за восемь месяцев, и в мае 1942 года наш полк вылетел в Донбасс, на Южный фронт. Женский 588-й полк вошел в состав 218-й авиадивизии 4-й Воздушной армии. Именно здесь, в Донбассе, мы и совершили свои первые боевые вылеты.

28 июня 1942 года противник перешел в наступление на юго-западном направлении. Начался горький период нашего отступления. Полк мужественно переносил все тяготы и невзгоды, и, отступая, мы не прекращали боевой работы. Наш командир Евдокия Давыдовна Бершанская, воспитанница детского дома, еще до войны стала знаменитой летчицей. На фронте она показала себя замечательным командиром. Евдокия Давыдовна хорошо разбиралась в обстановке, и, когда нарушалась связь с дивизией и армией, она сама решала вопросы безопасности, снабжения, эвакуации, разведки. Вот лишь один пример.

Во время отступления батальон аэродромного обслуживания не всегда успевал подвозить для нас бомбы и горючее, и по решению командира полка мы сами выполняли эту работу: днем на своих самолетах везли горючее и бомбы на восток, а ночью летали на запад и сбрасывали эти бомбы на врага. Полк принимал участие в самых ожесточенных и кровопролитных боях на Кавказе, на «Голубой линии», при форсировании Керченского пролива, при штурме и освобождении Севастополя, в Белоруссии, в Польше.

В нашу Победу мы верили всегда

С Донбасса мы отступали до станицы Ассиновской. Враг рвался к кавказской нефти начиналась битва за Кавказ. Наш полк посылали на выполнение самых сложных задач, и мы летали до полного физического изнеможения. Были случаи, когда летчицы от усталости не могли выйти из кабины, и им приходилось помогать. За ночь экипажи совершали по 5-6 боевых вылетов, причем работать над целью приходилось в лучах немецких прожекторов, при сильном артобстреле. А сколько сюрпризов преподносила нам порой погода! Вспоминаю случай, когда мы с Зоей Парфено-

вой впервые узнали, что такое «сложные метеоусловия».

В эту ночь полк работал с аэродрома «подскока» в нескольких километрах южнее Терека. Аэродром «подскока» — это площадка, расположенная ближе к линии фронта, чем аэродром базирования. В тот раз площадку выбрали среди копен сена. Экипажу Парфеновой—Пасько поставили задачу бомбить переправу через Терек, а затем углубиться на запад километров на тридцать с разведывательной целью. Взлетели мы при хорошей летной погоде (правда, по пути к цели мы видели, как с хребта сползал клочок тумана). Над целью мы снизились и на боевой курс зашли вдоль переправы. В одну секунду я сбросила обе бомбы, и Зоя выполнила крутой вираж, чтобы увидеть, куда они упадут. Одна бомба разорвалась в начале переправы, другая — в Тереке, рядом с переправой. Переправа оказалась поврежденной, и это было большой удачей. Немцы открыли огонь из эрликонов по нашему самолету только после разрыва бомб, и мы быстро вышли из-под обстрела. Но главные трудности ожидали нас впереди. Туман на маршруте полета затянул всю землю. Плотной пеленой был закрыт и аэродром. Зоя дважды пыталась приземлиться, но туман был до

самой земли, а садиться на копы вслепую было крайне опасно. Что делать?

— Зоя, — кричу я сквозь шум мотора, — если хватит горючего, давай полетим на запасной аэродром.

— Горючего, пожалуй, на час хватит. А ты найдешь этот аэродром? Ведь мы там никогда не были!

— Не беспокойся, найду. Лишь бы не было тумана.

И мы полетели на юг. Ночь выдалась на редкость темная. Гнетущее впечатление производили черные тучи странных, чудовищных очертаний, которые почти сливались с горами. Нам предстояло преодолеть два хребта — Терский и Сунженский. Когда перелетели через первый хребет, в долине лежал густой туман. Дальше могло быть еще хуже. Но все-таки нам повезло: за вторым хребтом туман клубился только над рекой.

Вскоре мы увидели запасной аэродром: там нас уже ждали и зажгли все посадочные огни.

Утром техник мужского полка осмотрел самолет, заправил его бензином, а нас спрашивает:

— На чем вы прилетели?

— Как это на чем, — удивилась Зоя.

— На самолете.

— На самолете-то, на самолете, а вот бензобак у вас был сухим!

— Ах, вот оно что? Так, когда горючее кончилось, мы решили лететь на самолюбии. И, как видите, долетели, — ответила Зоя.

На усталость и трудности в полку никто не жаловался. Наоборот: день ото дня мы крепили духом. И в нашу победу мы ве-

i **Война, кругом столько ужасов и крови, а у меня самое счастливое время в жизни. Во всяком случае, жизнь в полку будет для меня самым светлым воспоминанием.**

рили всегда, даже в самые горькие дни отступления. Именно здесь, на Северном Кавказе, Женя Руднева записала в своем дневнике: «...глупая мысль, совсем парадокс, пришла мне в голову: ведь сейчас война, кругом столько ужасов и крови, а у меня, наверное, самое счастливое время в жизни. Во всяком случае, жизнь в полку будет для меня самым светлым воспоминанием, так мне кажется». Женя Руднева погибла в апреле 1944 года под Керчью. Посмертно ей было присвоено звание Героя Советского Союза

В январе 1943 года была прорвана оборона противника на Тереке. Началось наступле-

ние наших войск на запад. За активную и успешную боевую работу по освобождению Северного Кавказа наш полк был переименован в 46-й Гвардейский. После боев на Северном Кавказе полк принимал участие в прорыве «Голубой линии». Так назывался сильно укрепленный вражеский оборонительный рубеж от Новороссийска до Азовского моря шириной 20 километров. Он действительно был почти неприступен. Тяжелыми, кровопролитными и продолжительными были бои на этой «Голубой линии».

Здесь наш женский полк потерял 15 человек летного состава; а всего за время войны в полку погибло 33 человека.

Полундра, где ты?

Наша основная боевая работа состояла в том, что мы уничтожали артиллерийские точки противника, прожектора, склады с горючим и боеприпасами, переправы через реки; бомбили вражеские аэродромы. Но я не могу не вспомнить о наших полетах на помощь десантникам Эльтигена. Это было после прорыва «Голубой линии» и освобождения Таманского полуострова. В ночь на 1 ноября 1943 года наш полк бомбил вражеские артточки и прожектора, расположенные на крымском

берегу Керченского пролива. Тем самым мы выполняли свою задачу по обеспечению высадки наших войск в Крым, которая началась в эту ночь. На рассвете наши экипажи докладывали о сильной перестрелке юго-западнее Керчи в поселке Эльтиген. Это означало, что там высадился наш морской десант. Десантники оказались в плотном кольце окружения. С юга, запада и севера была территория, занятая врагом, а с востока — Керченский пролив, любая точка которого обстреливалась немцами с берега Крыма. По ночам в проливе патрулировали немецкие катера, чтобы помешать нашим катерам подойти к Эльтигену.

Немцы делали все, чтобы ликвидировать советский десант. Несколько ночей наш полк летал на уничтожение артточек вокруг Эльтигена. Мы видели, как от вражеских бомб и артобстрела Эльтиген вспыхивал сплошным огнем. Казалось, что и камни там должны расплавиться. Но каждый раз в ответ на огненную атаку наши десантники посылали в сторону врага хоть одну пулеметную очередь: «Мы живы, не сдаемся, мы боремся!» Летчики нашего полка первыми стали называть Эльтиген «Огненной землей».

Наступил момент, когда у десантников «Огненной земли»

кончились боеприпасы и продукты питания. Оказать им помощь можно было только с воздуха. Эту помощь десантникам начали оказывать штурмовики и дневные бомбардировщики. Но тут, как назло, погода установилась нелетная, аэродромы штурмовиков и дневных бомбардировщиков закрыло плотным туманом. У командования армией оставалась одна надежда на нас — легких ночных бомбардировщиков По-2. Мы стали летать на «Огненную землю», подвешивая вместо бомб мешки с боеприпасами, продуктами питания, медикаментами. Едва взлетев, самолет попадал в ночной туман. Хорошо, хоть над Керченским проливом тумана не было и штурман получал возможность ориентироваться визуально. Но над проливом была очень низкая облачность, под которой мы и летели. Самолеты были видны как на экране, и нас начинали обстреливать с немецких катеров, дежуривших в проливе. При подходе к цели мы попадали под сплошной огонь береговой артиллерии. На цель мы заходили со снижением, поскольку мешки надо было сбрасывать с минимально возможной высоты. И вот уже в первом полете мы обнаружили, что над целью, благодаря рельефу местности, зенитный огонь бушует выше нас. Это об-

стоятельство позволяло нам спокойнее, а значит, и точнее сбрасывать мешки на огонек — ориентир, который зажигали для нас десантники.

А когда огонька не было, девушки кричали: «Полундра, где ты?» После нам рассказывали, что десантники (они и не знали о существовании нашего полка) были потрясены, когда слышали с небес девичий голос.

Полеты на Эльтиген были очень тяжелыми: нелетная погода, шквальный зенитный огонь и непозволительно малая высота для ночи. Эти полеты были и самыми ответственными: от них зависела жизнь наших солдат. Наш экипаж — командир 3-й эскадрильи Смирнова и штурман 3-й эскадрильи Пасько — совершил на «Огненную землю» 12 полетов и сбросил 24 мешка с боеприпасами, продовольствием и медикаментами. 36 дней и ночей отражали атаки превосходящих сил противника десантники Эльтигена. Получив помощь авиации, десантники прорвали блокаду, вышли из окружения и с ожесточенными боями прошли по оккупированной территории на соединение с нашими войсками. В память о беспримерном подвиге и массовом героизме советских десантников поселок Эльтиген был переименован в Героевское.

Вылет на мыс Херсонес

Вспоминается еще один боевой вылет весной 1944 года.

В конце апреля – начале мая 1944 года начался штурм Севастополя.

На небольшой участок земли было стянуто великое множество смертоносного оружия, как немецкого, так и нашего.

А самолетов, наших и немецких, было столько, что ночью была реальной опасностью их столкновения в воздухе. В это время мы часто бомбили вражеские аэродромы, расположенные вокруг Севастополя. Самым отдаленным, причем снабженным наибольшим количеством зенитной артиллерии и прожекторов, был вражеский аэродром на мысе Херсонес. С этого аэродрома немцы спешили эвакуировать из Крыма технику и живую силу. Мы с Машей Смирновой первыми вылетели на бомбежку аэродрома на мысе Херсонес. В одном из таких вылетов при подходе к цели Маша набрала максимально возможную высоту и стала заходить на цель с приглушенным мотором. На земле мы увидели много самолетов. Я прицелилась и сбросила бомбы в один из них, стоявший с зажженными бортовыми огнями. Бомбы попали прямо в самолет. Возникший пожар быстро разгорался. Сразу же вклю-

чились немецкие прожектора, и мы попали под сильный обстрел. Маша, маневрируя на полной мощности мотора, со снижением – это увеличивало скорость, – уходила от цели в море. Прошла вечность, а может быть, две-три минуты, когда весь зенитный огонь и прожектора метнулись в сторону. Наверное, к цели подходил другой самолет. Лишь один прожектор то и дело захватывал наш самолет своими мощными шупальцами. Маша еще пошутила:

– Как ты думаешь, этот прожектор в Турции видно?

Меня же охватила непонятная тревога. Осматриваю самолет – вроде бы все в порядке...

Но море стало каким-то угрожающим. Гляжу...:

– Маша! Высота!

Стрелка высотомера дрожала между 100 и 200 м. Маша перестала маневрировать и начала набирать высоту, уходя в море...

Возвращались мы с задания над морем и увидели, что южнее Севастополя от берега удаляется немецкий караван судов: небольшое судно тянуло за собой большие и маленькие плавучие средства вперемежку. Приземлившись на своем аэродроме, мы сразу же доложили об этом. Как потом стало известно, немецкий караван разбомбили тяжелые бомбардировщи-

ки. Об этом свидетельствовали и немцы, приплывавшие к берегу кто на бочке, кто на доске, кто на чем.

В поднятых руках они держали белые тряпки.

Я вспомнила несколько своих боевых вылетов. Всего у меня 790 боевых вылетов и 10 вылетов по спец заданиям. А весь полк за время войны совершил более 24 тысяч ночных боевых вылетов. После освобождения Крыма наш 46 Гвардейский Таманский орден Красного Знамени и Суворова III степени женский авиаполк принимал участие в боях за освобождение Белоруссии, Польши, при прорыве обороны противника на реке Одер и в ходе завершающей Берлинской операции. За активное участие в освобождении Родины от фашистских захватчиков полк получил 8 благодарностей от Верховного Главнокомандующего.

Весь личный состав полка награжден орденами и медалями. 23 девушки были удостоены звания Героя Советского Союза, 2 однополчанки стали Героями России.

Колокола печали

*Колокола печали,
Я не сплю ночами,
Колокола печали,
Где найти пути?*

*Колокола печали,
Бури раскачали
Вы в моей груди
Вы в моей груди.*

ПРИПЕВ:

*Колокола!..
Против зла!
Колокола!..
Во имя жизни и добра
Звоните всем,
Звоните всем, колокола!*

*Колокола печали,
Горя и обиды,
Колокола печали,
Яростных оков,
Колокола печали,
Вспомним всех убитых,
Осветив лучами
Тьму кровавых снов.*

ПРИПЕВ.

*Колокола печали
С мужеством венчали,
Они венчали властно,
Что придет пора:
Как эхо состраданья,
Сердцу отвечают,
Вновь пророчат царство
Правды и добра.*

Б. ДУБРОВИН

Виктор Шибанов

В.И. ШИБАНОВ: **Весь в крови,** **я из последних сил** **зажал пробитый бак** **перчаткой и посадил** **самолет на одно колесо**

19 августа 1942 года мы вместе со штурманом Николаем Маркашанским вылетели на бомбоудар по вражеской переправе через реку Дон. В задачу экипажа входило первым выйти на переправу, сбросить светящуюся авиабомбу – осветить цель и обеспечить прицельный сброс бомб остальными самолетами полка.

НАД ПЕРЕПРАВОЙ гитлеровцы встретили нас густым пучком прожекторных лучей, и тут же с обоих берегов Дона вверх потянулись зеленоватые и красные трассы очередей зенитных пулеметов и пушек. Снаряды взрывались так близко, что маленький деревянный По-2 бросало в стороны взрывной волной. Один снаряд попал в консоль левого крыла, и осколками от взрыва ранило летчика в левую руку, а штурмана в ноги. От очередного попадания снаряда в самолет сработала осветительная малая бомба ПАР-7 в кабине штурмана. Маркашанский успел выбросить её за борт, но самолет загорелся. Все же летчик и штурман сбросили серию САБ-ов (светящихся авиабомб) над переправой и направили горящую машину из зоны зенитного огня.

Третий снаряд разорвался в непосредственной близости

от самолета, ранил меня в плечо и ногу, повредил мотор, вывел из строя органы управления. В ночной темноте я направил машину в сторону своей территории. Земля быстро приближалась. Последовал удар, и нас выбросило из кабины на 15–20 метров. Очнувшись через некоторое время, мы услышали русскую речь. Оказалось, что мы упали на нейтральную полосу и рота разведчиков стрелкового полка первой вышла на нас и на плащ-палатках волоком вытаскивала нас и доставила в медсанбат.

Дальше наши пути с Маркашанским разошлись. Под натиском гитлеровских войск мы были эвакуированы за Волгу, попали в разные госпитали. Я шесть месяцев лечился в московском госпитале, сумел после него побывать у своих родителей, которые уже получили на меня «похоронку», так как эки-

пажи, которые в ту ночь шли на цель следом за нашим самолетом, видели, как он загорелся и упал на землю. Так и доложили командованию

К марту 1943 года я вернулся в родной полк и продолжал летать со своим штурманом Маркашанским, который тоже недавно прибыл в полк. К этому времени 709-й авиационный полк был преобразован в 25-й гвардейский ночной бомбардировочный авиаполк, входивший в состав 8-й Воздушной армии 4-го Украинского фронта.

И снова — ночное небо, распарываемое пулеметными

Весь в крови, я из последних сил зажал пробитый бак перчаткой, довел израненный самолет до своего аэродрома и посадил на одно колесо.

трассами, освещаемое сполохами зенитного огня и лучами прожекторов. Росло и совершенствовалось тактическое мастерство ночных бомбардировщиков. Если они действовали группами, то над районом цели на разных высотах образовывали своеобразный замкнутый круг. Этим рассеивалось внимание вражеских зенитчиков. Они терялись, не зная, с какой стороны горизонта следует ожидать советский самолет, так

как шум их моторов слышался повсюду. Тогда противник вел огонь наугад, эффективность его была незначительной. Тем временем один из экипажей сбрасывал САБ, остальные экипажи По-2 один за другим выходили из круга и бомбили намеченные объекты, достигая высоких результатов.

Опытные экипажи-ночники нередко вылетали в одиночку на «свободную охоту», то есть сами искали подходящую цель и по своему выбору наносили удар. Так в сентябре 1943 года я вылетел в район железнодорожного узла Поло-

ги. На перегоне обнаружил воинские эшелоны. С высоты 1500 метров вышел на цель с приглушенными моторами, спланировал на меньшую высоту и неожиданно для противника сбросил на идущий состав 50-килограммовую фугасную бомбу. Внизу начали взрываться вагоны, как оказалось, груженные боеприпасами. Возникло огромное пламя, осветившее железнодорожную станцию, где находились воинские составы. Я набираю высоту, захожу на новую цель и снова сбрасываю бомбу. В результате удачного бомбометания и взрывов боеприпасов уничтожено около 120 вагонов

и 7 паровозов. Об этом стало известно днем после фоторазведки этой железнодорожной станции и перегона пути.

Осенью 1943 года в моем 272-м по счету боевом вылете мне предстояло пережить тяжелое испытание. Экипаж бомбил вражескую автоколонну в пункте Зеленый Гай под Мелитополем. Небо опять, как и более года назад над Доном, рассекали лучи прожекторов, оно покрывалось шапками разрывов зенитных снарядов. Один из них снес колесо шасси, ранил в ногу, пробил бак с горючим. Бензобак находится перед кабиной летчика, поэтому бензин поливал кабину и меня. Машина могла вспыхнуть в любую минуту. Весь в крови я из последних сил зажал пробитый бак перчаткой, довел израненный самолет до своего аэродрома и посадил на одно колесо. Подбежавшие друзья выгнали меня из кабины, переодели в сухую одежду, перевязали раны и отправили в госпиталь. Там я и узнал, что Указом Президиума ВС СССР от 1 ноября 1943 года мне было присвоено звание Героя Советского Союза. Кроме Золотой звезды Героя и ордена Ленина я награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и медалями.

Выйдя из госпиталя в феврале 1944 года, я был направлен в транспортную эскадрилью Московского военного округа и прослужил в ней до 1968 года.

Баллада о воздушных стрелках

Вернулся самолет.

Стрелок убит.

Его уносят.

И опять — к полету.

*— Кто за стрелка со мною
полетит? —*

Спросил пилот.

Я лег у пулемета.

*Глядел я в окровавленный
прицел,*

*Когда осколок полоснул
над бровью,*

*И друга кровь стереть
я не успел:*

*Она с моей перемешалась
кровью.*

Меня уносят.

И к полету — вновь.

*Подшлемник чей-то
промелькнул белея.*

*И самолет ушел,
и чья-то кровь*

*Смешалась с кровью друга
и с моею.*

Б. ДУБРОВИН

Борис Рунов

Б.А. РУНОВ: Получил Звезду Героя в последние дни войны

В армию я был призван сообразно своему возрасту в 1943 году... Учился в Большевском инженерном училище, где нам неплохо преподавали немецкий язык. По окончании был направлен в действующую армию. Провоевал до конца войны, участвовал в боях при освобождении Польши и Чехословакии. С 4-й танковой бригадой в войсках 1-го Украинского фронта дошел до Берлина и Праги. Ну а когда война близилась уже к концу, когда до Победы, казалось, подать рукой – произошел со мной тот самый памятный случай, про который говорят: или пан – или пропал. И как же я благодарил судьбу, что не ленился совершенствоваться в немецком языке...

ШЛИ последние бои в Берлине. У всех нас было радостное настроение... И вдруг приходит срочный приказ – на самых тревожных нотах: немедленно выступить! Куда?!

Мне показали на карте участок, который надлежало занять моему взводу. Придали даже два танка! Указали маршрут, поставили задачу, и мы немедленно выехали «на рысях» навстречу немцам. До последнего времени эта группировка немцев была окружена и вела себя в лесу довольно спокойно, а в тот день она вдруг решила прорваться.

Перед лесом я развернул взвод в цепь – солдат от солдата не меньше чем на пятьдесят

метров. Танки наши остались за домом аккуратной немецкой усадьбы, метрах в двухстах от опушки леса.

Из небольшого перелеска мы спокойно вышли на широкую поляну. Так продвигался взвод несколько десятков метров, как вдруг с другой стороны поляны из леса показалась плотная масса немцев, включая верховых. Все это лавиной двинулось на нас.

Даю команду:

– Не стрелять и быстро отходить, возвращаться к своим танкам!

Но здесь произошло непредвиденное – несколько вражеских кавалеристов, быстро проскочив поляну, окружи-

ли меня. Вступать в бой с ними одному было бесполезно и просто неразумно.

Между тем мои солдаты, следуя моей же команде, уже успели скрыться в лесу, а дальше, перебежав открытый, лишенный деревьев участок, оказались у наших танков.

Как только я понял, что окружен, первое, что пришло мне в голову, была жгуче обидная мысль: как мало я не дожил до конца войны! Придется погибать 1 мая 45-го года, почти накануне Победы! И я решил начать официальные переговоры,

— Это был самый опасный для меня момент. Но немецкий майор был трезв, и он, конечно, увидел гранату в моей руке.

пользуясь тем небогатым словарным запасом, которым обладал.

— Сдавайтесь, если хотите остаться живы! — стараясь четко и понятно выговаривать, иностранные слова, начал я. — Берлин пал, сопротивление ваше бесполезно. А если пойдете отсюда вперед, как шли только что, знайте: там наши танки! Все равно — вам смерть.

Меня поняли и остановились совсем... Все замерли, слушая. Вдруг вижу — из толпы, расталкивая солдат и вытаски-

вая на ходу из кобуры пистолет, ко мне приближается немецкий майор. Я на всякий случай вынул из кармана гранату. Подбежав ко мне, он тычет мне в живот пистолет и говорит:

— Еще одно слово — и тебе капут!

Это был самый опасный для меня момент. Но немецкий майор был трезв, и он, конечно, увидел гранату в моей руке. А значит, он понимал, что стрелять в меня равносильно самоубийству. И вот мы стоим друг против друга — он с пистолетом, а я с гранатой. Вдруг неожиданно для меня и для всех раздался многоголосый крик немецких солдат.

— Сдавайтесь, Берлин пал! Лучше сдаться тут, чем там, под артиллерийским огнем! — кричали они на все голоса.

Я даже сам удивился. Это было совсем не то привыкшее к легким победам войско, что показывали в кадрах гитлеровской военной кинохроники по всей Европе, а проскитавшиеся несколько дней в лесу, отрезанные от своих, голодные, почти деморализованные люди. К тому же некоторые из них были ранены... Они, казалось, поверили моим словам, как самой правдивой информации на фоне всего того, чем их пичкало

фашистское радио последние недели.

После этого резкого шума и перебранки ко мне подошли еще три офицера. Один из них, также в чине майора, строго потребовал, коверкая русский язык:

— Повторить! Что вы скажете?!

— Если я скажу еще раз те же самые слова, — ответил я, стараясь говорить как можно спокойнее и внятнее, — ваш майор расстреляет меня. Как же я могу повторить?!

Это подействовало на многих отрезвляюще.

— Убери пистолет, — с коротким выразительным жестом сказал первому майору только что приблизившийся к нему другой, более старший по возрасту, офицер. И добавил спокойно, повернувшись в мою сторону, по-русски: — А ты убери гранату.

Его русская речь подсказала мне, что он на Восточном фронте — не новичок.

Сердитый майор подчинился его приказу, но не сразу. Он начал убеждать своих однополчан, что меня надо расстрелять, так как я убил много немцев. А сделал он такой вывод из того, что на ремне у меня кроме пистолета ТТ был недавно подобранный немецкий парабеллум, а на плече — немецкий автомат.

Однако я чувствовал, что этим усталым людям, потерявшим последнюю надежду, хотелось остаться живыми. И сердитый майор тоже чувствовал это. Он тоже не хотел бессмысленно умирать.

Поэтому он спрятал свой парабеллум в кобуру. И сказал мне со страшной усталостью в голосе:

— Ну, повтори теперь опять...

Я повторил свои слова снова — теперь уже для всех окружающих меня немцев — более смело и отчетливо:

— Хотите остаться живыми — сдавайтесь. Сопротивление бесполезно: там — одни танки. Кто хочет жить, — продолжал я уже почти в приказном тоне, — складывайте оружие в одну сторону, а сами садитесь в другую.

Немцев вокруг меня было много, я не мог бы сосчитать их: там столпилось человек пятьсот или шестьсот. Но не это решало сейчас проблему. Важно было другое:

— Все мы дрались почти четыре года. Но главное — что пора это кончать!

Некоторые кивали молча, слушая меня. Многие стали садиться прямо наземь и даже ложиться. Правда, оружие пока не складывали — держали при себе. А часть из них, около

сотни человек, решила продолжать наступление, несмотря на мой приказ сдаваться. И в этот момент для меня сложилась вдруг еще более опасная ситуация, чем была в первые минуты встречи с ними.

Дело в том, что я обещал им: если они сдадутся, то наши танки не откроют огонь, а если немцы будут идти на танки, то те обязательно начнут стрелять. Но я прекрасно понимал, что, как только немцы выйдут на опушку леса, наши танкисты откроют по ним огонь. Мои солдаты уже сообщили танкистам, что я остался, окруженный противником.

И вот я принимаю решение: догнать тех немцев, которые не сдались, и попытаться остановить их. Мне ничего не оставалось другого, так как решившие сдать меня предупредили:

— Если русские будут стрелять в нас, мы будем убивать тебя!

Со мной побежали несколько немцев из тех, которые хотели сдаваться. Наверное, мне здорово повезло в этот момент: едва я догнал первую вражескую цепь, которая выходила из леса, как полоснула пулеметная очередь из наших танков, и недалеко от меня разорвался снаряд. Я быстро прыгнул в глубокий кювет и по нему пополз в сторону своих танков. Меня сразу

хватились залегшие неподалеку немцы, я бросил наугад гранату, не поднимаясь из кювета... А потом (не знаю, где взялись силы) я очень быстро рванул по этому придорожному кювету к своим, на свои же пулеметные очереди, надеясь почему-то, что своя пуля не убьет.

К счастью, пули действительно летели выше, прицельный огонь бил по опушке леса.

До танков оставалось меньше сотни метров. Вытащив платок, я стал махать им и, поняв, что меня заметили и уже больше не стреляют, рванул навстречу своим, размахивая платком. Помню, как катились по моему лицу слезы радости.

Встреча была короткой. Принимаю решение двинуться на танках в лес, к тем, кто пожелал сдать. По лесной дороге мы выскочили на поляну, где осталась основная группа немцев. Я теперь уже не уговаривал их — они сами бросали автоматы и другое снаряжение, подняли руки.

Кто-то, наверное, и сейчас жив из этих нескольких сотен солдат и офицеров, сдавшихся мне в плен 1 мая 1945 года.

За успешную операцию при взятии в плен большой группы немцев, которые выходили в тыл нашей танковой армии, мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

Известие о Победе

*Не веря, что дожили,
Странно молчим...
Взъерошило ветром
Пожарища дым,
Иль это сирень —
По разбитым оградкам?..
И каска нагретая,
И автомат
Уже ни к чему?..
Ну, а всё же — солдат —
Я в каске
На бруствер встаю
С автоматом.*

*Где — дым?
Где — сирень?
Где — размотанный бинт?
День теплый...
И — солнце...
А что-то знобит,
Всего лихорадит,
И, чувствую, плачу...
Зачем-то вошел
Под сарая навес,
И диск отомкнул,
И прикинул на вес:
Войне-то — конец,
Ну а диск только начат.*

Б. ДУБРОВИН

Екатерина Демина

Е.И. ДЕМИНА: **Записалась** **в добровольцы** **в пятнадцать лет**

Сегодня об этой хрупкой и одновременно удивительно мужественной женщине – Екатерине Илларионовне Михайловой-Деминой написана не одна книга, снят документальный фильм «Катюша», который был удостоен награды «Золотой голубь» на международном кинофестивале в Лейпциге в 1965 году. Известный писатель Сергей Смирнов писал, что военной биографии этой героической женщины хватило бы на десяток биографий солдат Великой Отечественной войны.

В 1941 году я жила в городе Смоленске. В раннем возрасте осталась без родителей и воспитывалась в детдоме. До начала войны я окончила 9 классов и курсы медсестер. В Бресте в это время находился мой брат – летчик, 22 июня 1941 года я ехала к нему на поезде, который попал под бомбежку. Вместо Бреста пешком добралась до Смоленска. На следующий день я пришла в военкомат и, прибавив к своим 15 годам еще два года, добилась зачисления в Красную армию, отправки на фронт.

Так мне удалось присоединиться к военному формированию и стать санитаркой. Вскоре в боях под Гжатском я получила тяжелое ранение в ногу. Попала в госпиталь, лечи-

лась на Урале и в Баку. Но, как только поправилась, с 6 января 1942 года опять встала в строй, поступив на службу на военно-санитарные корабли.

Мы переплавляли раненых на разных судах из Сталинграда. А в феврале 1942 года я отправилась добровольцем в 369-й отдельный батальон морской пехоты.

Тяжелейшие кровопролитные бои, постоянная необходимость неотложной помощи раненым закаляли меня, тогда еще совсем юную девушку. Все мысли были о том, как помочь и облегчить страдания бойцов, даже в безнадежном положении.

После завершения Сталинградской битвы меня по личному и настойчивому желанию зачислили санинструктором в

тот же батальон, сформированный после 2 февраля 1943 года из добровольцев в Баку. 369-й батальон входил в состав Азовской, а затем Дунайской военных флотилий.

С этим батальоном, получившим впоследствии почетное наименование «Керченский Краснознаменный», мне довелось пройти с боями по водам и берегам Кавказа и Крыма, Азовского и Черного морей, Днестра и Дуная, с освобожденной миссией – по земле Румынии и Болгарии, Венгрии и Югославии, Чехословакии и Австрии.

Раненые падали в воду и повисали на колючей проволоке, которая была уложена врагами под водой в семь рядов.

С автоматом в руках вместе с нашими бойцами я высаживалась на вражеский берег, вступала в бой, отбивала контратаки фашистов, выносила с поля боя раненых, оказывала им первую помощь. Тогда мы бились с врагом вместе плечо к плечу, невзирая на пол и звание. Трижды сама была ранена. Приходилось совершать многокилометровые марш-броски, часто оккупываться, спать в промозглую погоду на сырой земле. За проявленные мужество и героизм

в годы войны я получила свою первую награду – медаль «За отвагу» за участие в десанте при взятии Темрюка. Первый орден Отечественной войны 2-й степени – за участие в сражении за Керчь с высадкой десанта в шторм, за вынос раненых и выход из окружения с боями. Первый и второй ордена Красного Знамени – за форсирование Днестровского лимана в августе 1944 года и за участие в боях за крепость Илок на границе Венгрии и Югославии в декабре 1944 года. Как они дороги мне и теперь – мои первые боевые награды! 22 августа 1944 года во

время переправы через четырехкилометровый Днестровский лиман десантники под ураганным огнем фашистов вынуждены были взбираться на крутой и каменистый берег, буквально вставая на плечи друг другу. Раненые падали в воду и повисали на колючей проволоке, которая была уложена врагами под водой в семь рядов. Приходилось прямо под водой разрезать одежду на раненых, снимать людей с этой проволоки и потом тащить на плащ-палатке через овраги под обстрелом фашистов к берегу. Важно было быстро остановить кровотечение. Я и сама была ранена в руку, но оставалась в строю. А в самых опасных мо-

ментах, критических ситуациях защищала раненых и с автоматом в руках.

В операции по взятию крепости Илок, где сливаются воды Дуная, Савы и Тисы, десантники атаковали крепость с воды, имея задачей отвлечь противника от основного удара наших войск с суши. Высадившись с бронекатеров на затопленный островок под крепостью, десантники устремились к стенам цитадели. Подступы к ней были заминированы. Много моряков подорвались на минах. Но ни губительный огонь фашистов с крепостных стен, ни попытки окружить десант на лодках не остановили десантников, и они упорно продвигались вперед. А раненые, отстреливаясь и отбиваясь гранатами, отходили к берегу, чтобы там укрыться за полузатопленными деревьями. Весь огонь фашистов был направлен на нас, но зато это дало возможность нашим сухопутным войскам с успехом атаковать противника и выполнить поставленную задачу, сокрушив врага. В эти решающие часы, находясь в ледяной воде, преодолевая сильную боль в раненой руке, я что есть сил сжимала автомат и стреляла по врагу. Спасти боевых товарищей – в тот момент было самым важным. С перевязанной рукой оттащивала и при-

зывала к торчащим из воды деревьям обессилевших раненых, чтобы те не утонули. Потери были огромные. В начале операции мы высадились с трех катеров. В конце из отряда осталось 13 бойцов. Но задача десантниками была выполнена – крепость Илок взята нашими войсками. Меня, раненую и ослабевшую от потери крови и воспаления легких, перенесли на катер и почти в безнадежном состоянии переправили в госпиталь.

После выздоровления я вновь вернулась в строй и в составе родного 369-го батальона морской пехоты сражалась за Имперский мост в австрийской столице. Наши войска должны были штурмовать Вену. Для этого необходимо было подняться на мост, который был заминирован врагами. Наш батальон стремительно высадился на мосту и, не ожидавшие этого, увидев нас практически уже в центре моста, ошеломленные фашисты открыли страшный огонь. Но победа была в наших руках. Войдя в город, мы увидели, как полыхает венский театр – гордость мировой культуры. На его спасение бросились наши моряки: из здания выбрасывали и тушили горящие гобелены. Как сердечно нас встречали местные жители! В память о тех событиях на Имперском

мосту была сделана надпись:
«Морякам, героям, дунайцам от
благодарных жителей Вены».

Здесь я встретила и с огром-
ной радостью отпраздновала
Победу 9 мая 1945 года. Как мы
были счастливы, все обнима-
лись, целовались...

Мальчишки

Слышу: надоело о войне
молодым.
А мне какое дело?
Я — моложе.
Мальчикам и мне,
мне да им война
не надоела.
И когда из палки — автомат,
он же и ракета или пика, —
мальчишки, сместив года,
стоят
на своей безгрешности
великой,
и всё время путают в кино
немца с беляком,
и принца с пажем, —
им, мальчишкам,
важно знать одно:
где враги,
а где — в атаке — наши.
Им да мне в покое не бывать!
Но, когда трубач зовет
сквозь годы,

*думаете, жажда убивать
нас, мальчишек, требует
в походы?*

*Нет.
Но так храним мы от потерь
чистоту сердец
и строчек в книжке,
что ее, хоть смертью,
а проверь —
так уж мы устроены —
мальчишки.*

*Нам цена всех ценностей
ясней.
Мы донныне в окруженном
Бресте.*

*О войне? Да мы же не о ней.
Мы —
о дружбе,
мужестве,
о чести.*

*А уж это вовсе не игра,
даже больше —
это не из книжки.
Где ты, детство моего
двора?
Где мои соклассники —
мальчишки?*

*В чем мы жили так,
а в чем не так —
новые мальчишки разберутся.
Но не троньте памяти атак,
а не то погибшие проснутся.*

М. МАКСИМОВ

Николай Булычев

Н.С. БУЛЫЧЕВ:
**Горжусь, что я
первым разменял счет
подбитым «тиграм»**

Перед началом войны я служил в береговой артиллерии на острове Аскольд, был командиром отделения и уже мечтал, как после демобилизации, в морской форме вернуться домой в деревню Снятинка, под Загорском. И вдруг – вот она, страшная беда. На нас напала фашистская Германия.

ЛОТ перешел на повышенную боевую готовность. Спали не раздеваясь, на вахтах смотрели в оба глаза: как там самураи, не зашевелились ли. Но все было тихо, и ожидания эти вконец изнуряли людей. А тут еще сводки с западных фронтов шли одна страшнее другой: Смоленск оставили, Вязьму...

Я узнал, что где-то под Москвой погиб мой брат Михаил, и написал рапорт с просьбой отправить на фронт. В штабе моих рапортов скопилось уже с десяток.

– Ты пока не горячись, – убеждали меня командиры. – Ты у нас сильный специалист, и здесь, между прочим, тоже фронт, понял?

Но я своего все-таки добился: отправили меня на запад с первой же партией. Через всю матушку-Сибирь зеленой стрелой прокатился эшелон и замер ночью на какой-то боль-

шой станции. Это был город Тамбов. Здесь я освоил противотанковую пушку и оказался потом под Сталинградом в составе тридцать третьей гвардейской дивизии. Я уже был старшим сержантом, командиром орудия и с ходу попал в самое пекло.

...Немцы мощным танковым клином на узком участке предприняли прорыв к своей окруженной нами группировке. И на самое острие прорыва был брошен полк, где я служил. Артиллеристы еле успели оборудовать огневые позиции. Мерзлая степная земля звенела под ломами и лопатами. Мела поземка. Впереди простиралось широкое поле. От белизны резало глаза. Наше орудие стояло на левом фланге. Я так волновался, что даже слышал стук своего сердца. Ведь это был мой первый бой.

Что-то медлят фрицы. Уж лучше бы скорее. И вот вижу черные точки танков. Они выползали из балочки и, поднимая

снежную пыль, быстро росли в размерах. Стала видна и пехота, идущая за танками. Команду на ведение огня я почти не слышал, потому что соседи уже начали пальбу. Но, выбрав цель, я сделал первый выстрел и, кажется, удачно: танк повернулся боком и задымился. Я стал бить по машинам, заходящим сбоку.

– Булычев, держи свой фланг! – кричал мне командир батареи.

– Обойти нас, гады, пытаются!

Поле стало чернеть от горящих танков. Ветер доносил запах гари и дыма. Вдруг я почувствовал, как потяжелела моя левая рука, на ладони показалась кровь. Но, не отходя от орудия, я бил и бил по врагу. Тут я увидел, как справа немцы прорвали оборону и идут в тыл полка. Последний выстрел мне удалось сделать почти в упор и я уже не заметил, отскочив в окопчик, как второй танк раздавил мою пушку...

Оставшиеся в живых артиллеристы ночью по ложинам выбрались к своим. Товарищи помогли мне дойти до медсанбата.

– Сазоныч, дорогой, возвращайся поскорее! – обнимали меня однополчане. – А фриц-то, Коля, хоть и помял нас, но далеко не продвинулся, второй

эшелон свернул ему башку! Эх, Сазоныч, жалко тебя!..

Я привык, что меня величают Сазонычем. Так и в детстве называли. У всех мальчишек какие-то прозвища были, а ко мне родное отчество навечно пристало. Говорят, что солдатами не рождаются, только горнило боев делает из парней настоящих бойцов. Я эту школу прошел быстро. При сложных заданиях, когда требовалось

Вдруг я почувствовал, как потяжелела моя левая рука, на ладони показалась кровь. Но, не отходя от орудия, я бил и бил по врагу.

особое мастерство, даже командир полка звонил на батарею:

– Где ваш Сазоныч? Ко мне его!

Горжусь, что я первым разменял счет подбитым «тиграм». Эта грозная машина в начале многих устрашала: пушка у «тигра» мощная, надежная лобовая броня. Лучше, мол, с 76-миллиметровым орудием и не соваться. А я изучил обстановку и сунулся. Расчет был такой: солдаты в темноте на руках выкатили орудие за противотанковый ров и замаскировались. То же самое сделали и другие артиллеристы. И вот когда с рассветом «тигры» пошли в атаку, по ним с разных сторон нанесли

В выписке из наградного листа на представление И.П. Мартынова к званию Героя Советского Союза было написано: «В ожесточённом бою при форсировании реки Одер 27 января 1945 года быстро переправил батареи в полном составе на западный берег реки и немедленно организовал прочную оборону на узком участке плацдарма. В бою был тяжело ранен, но поле боя не оставил, дивизион успешно отразил все контратаки врага, при этом уничтожил один танк, три бронетранспортёра, двенадцать пулемётных точек, шестнадцать автомашин и более 130 вражеских солдат и офицеров».

За время войны получил шесть ранений, в том числе четыре тяжёлых. За героизм и отвагу, проявленные в годы Великой Отечественной войны, награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, орденом Отечественной войны и орденом Красной Звезды. За форсирование реки Одер Ивану Петровичу присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

1 МАЯ 1945 года над Рейхстагом уже развевалось Знамя Победы. Но в других местах, особенно на севере и юге Германии, еще великие боевые действия сильные группировки гитлеровских войск. И так случилось, что 5 мая, когда, казалось, война закончилась полной победой над врагом, 13-я армия генерала Пухова, в которую входила и наша 121-я Гвардейская Гомельская орден Ленина, Красного Знамени и Суворова 2-й степени стрел-

ковая дивизия, от поверженного Берлина повернула на Прагу. В составе этой дивизии я прошел через всю войну, со дня формирования осенью 1941 года на Волге, в Саратовской области. Несмотря на то что шесть раз был ранен, в том числе четыре тяжелых ранения, я каждый раз возвращался в нашу дивизию. Командовал батареей, был начальником разведки штаба артиллерии дивизии, командиром отдельного минометного дивизиона, командиром

отдельного истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона. Дивизия сражалась в Подмосковье, освобождала Орел, Гомель, Ровно, дралась на Сандомирском и Одерском плацдармах, под Берлином, штурмовала город-крепость Виттенберг на Эльбе.

На территории Чехословакии находилась мощная группировка фашистских войск фельдмаршала Шернера, насчитывающая более миллиона солдат и офицеров. Это были отборные части и соединения, главным образом части «СС», воздушно-десантные дивизии, различные военные училища, курсы и спецкоманды, а также власовцы.

Войска Шернера прорывались на запад. Но на их пути лежала восставшая против оккупантов столица Чехословакии. Еще ночью 6 мая радиостанция нашего арtdивизиона приняла радиопередачу, в которой говорилось, что в городе и его предместьях идут бои, фашисты наступают со всех сторон. Передача заканчивалась отчаянным призывом: «Руда армада, на помощь!»

Итак, предстоял новый бой, последний и «трудный самый...» Почему «самый» — думается, понятно. Представьте состояние любого из нас, уже вкушившего радость победы,

познавшего счастье дойти до нее живым, чувство завершенности всех жертв и испытаний. И вдруг надо снова сжиматься в тугую пружину, встречать грудью свинец...

К чести гвардейцев никто не дрогнул душой. Дивизия, сбивая вражеские заслоны, шла двумя маршрутами, имея впереди усиленные передовые отряды. В один из них входил и арtdивизион, которым я командовал. На пути встали Рудные горы, но темп движения почти не снизился. Из радиопередатчиков постоянно доносилось: «Красная армия! Родные наши! Помогите!» Все понимали: надо спешить!

В районе Литвинова трое гвардейцев, среди которых был и мой отец, Петр Васильевич, служивший в том же дивизионе, взяли в плен командира 105-го воздушно-истребительного немецкого батальона.

— Почему вы все еще воюете, когда война практически закончилась, Берлин пал? — спросил я пленного.

Что же он ответил? Слухи, мол, о падении Берлина — ваша пропаганда. Никакой капитуляции не будет. На днях фюрер применит «чудо-оружие» и вам несдобровать. Упрямый оказался вояка!

Командарм генерал-полковник Пухов приказал нашей

дивизии совершить стремительный бросок на Карловы Вары, не допустить прорыва шерноровских войск к американцам. И снова головным шел сильный передовой отряд, в который вошел и наш артдивизион.

Путь лежал по предгорьям, в лесистой местности, а сбоку и рядом наседали противник. Как мы ни спешили, а заранее пробившиеся в направлении Карловых Вар части противника уже были там. Фронтвики знают, что такое встречный

Несмотря на то что шесть раз был ранен, в том числе четыре тяжелых ранения, я каждый раз возвращался в нашу дивизию.

бой, с ходу без подготовки, на едином порыве. Разведчики доложили: впереди населенный пункт с аэродромом и вокруг все нашпиговано эсэсовцами, танковыми, зенитными подразделениями.

В считанные часы разведчики сумели вскрыть систему обороны аэродрома, а мы по их данным с ходу вступили в ночной бой, артогнем вывели из строя прожекторы и ударили из всех орудий по взлетным площадкам...

Как сейчас, вижу лица своих сослуживцев и подчиненных, с которыми прошел немало

фронтовых дорог: своего замполита Г. Пугача, начштаба И. Голикова, парторга П. Христофорова, командиров батарей и взводов. Работали, прямо скажу, виртуозно. Да и каждый солдат, сержант по мастерству стоил теперь десятка новичков. Сержант А. Двойной, мой ангел-хранитель, когда-то выгашивший меня из-под раздавленной станины при поединке с танками на Курской дуге, отличился и тут: с несколькими бойцами гранатами вывел из строя два зенитных орудия вместе с расчетами, за что получил третью «Славу» на грудь.

...Утром 9 мая пришлось выполнять печальный ритуал — хоронить погибших в ночном бою. Прощание было скорбным — тяжело терять дорогих сердцу людей, когда гремят последние залпы великой войны...

Только двинулись дальше, вдруг в голове колонны началось что-то непонятное: восторженные крики, беспорядочная стрельба из всех видов оружия, выстрелы из ракетниц... Тут же сработал рефлекс: артиллеристы, не дожидаясь команд, бросились к орудиям и стали занимать огневые позиции. Но радиостанции получили сообщение о безоговорочной капитуляции Германии.

Все? Вытирай рукавом пропыленной и просоленной гимнастерки солдатский пот, смахивай с ресниц набежавшую слезу счастья... А приказ? А наседающие с тыла и с боков враги, яростно рвущиеся на переправы у Карловых Вар?..

И был еще день, и была ночь тяжелого бессонного марша. На рассвете 10 мая передовой отряд занял все мосты через Огрже и оборудовал огневые позиции, устроил засады на выходах дорог из Праги в Карловы Вары.

Мы успели, и враг не пошел! Форсированным маршем подошли главные силы, и блокирование группировки Шернера свершилось. Началась массовая сдача в плен.

К утру 12 мая Пражская операция закончилась. А вечером в гостинице «Ригмонд» собрались представители частей дивизии отпраздновать радостное событие. Командарм Пухов вручал боевые награды отличившимся. А их было немало, дивизия закончила Великую Отечественную, имея в своих рядах 31 Героя Советского Союза и четырех полных кавалеров ордена Славы. Для всех нас, оставшихся в живых, занималась заря новой, мирной жизни...

* * *

*Да, нелегко: мой друг,
мой брат в могиле,
а мне уже опять привычен
дом,
но мы так долго адреса
хранили,
не зная, кто напишет
о другом!*

*И я по праву тех, кому
с металла
пыль на лету осела на висок,
с кого пилотку выстрелом
сметало,
пробив от головы на волосок,*

*по праву тех, кто, падая
из тучи,
тянул к своим, пока рули
горят,
кто хмуро говорил:
— Счастливый случай, —
откинув, невзорвавшийся
снаряд,*

*по праву тех,
в чьем взгляде несуровом
остался отсвет рваного
огня,
по праву тех, чьи жены
могут вдовам
смотреть в глаза,
как ровня,
как родня,*

*по праву тех, кто полковое
братство
умел собой от зорких пуль
закрывать,*

*кто жив, но для кого —
не святотатство
о мертвых, как о равных,
говорить, —*

*я говорю,
что смертью смерть попрали
они, чтоб видеть только торжество,
что, умирая, те, что умирали
всегда боялись только одного:*

*не пуль, не металлического грома
и даже не того, что им не жить, —
боялись только одного —
что дома
по ним начнут безвыходно тужить.*

*Они за то и шли на смерть,
чтоб видеть
незатемненный свет в глазах живых.*

*Не бойтесь же их радостью обидеть,
а бойтесь грустью потревожить их!*

М. МАКСИМОВ

Моисей Марьяновский

М.Ф. МАРЬЯНОВСКИЙ:
**Знаете ли вы, что
значит встать из окопа
в полный рост и под
огнем противника
устремиться в атаку?**

В годы войны я командовал танковым батальоном, был трижды ранен. Знаю не с чужих слов, что это за штука – осколки снарядов в теле. Хорошо знаю! И все же я не мог даже предположить, что со мной случится такая история...

ПАССАЖИРЫ нервничали: в Ларнакском аэропорту, что на Кипре, заканчивалась посадка на рейс Москва – Ларнаки – Тель-Авив, а мне все никак не удавалось пройти еще один таможенный досмотр, хотя ничего недозволенного в моем багаже не было. Но стоило мне подняться на площадку специального турникета, как раздавался пронзительный предупреждающий сигнал. Уже лежали на столе «изъятые» ключи от квартиры, наручные часы, монеты... Таможенники с недоумением разводили руками. Повинуясь приказу, я зашел в служебное помещение и начал раздеваться.

– Десятки раз проходил таможню, – сказал я. – И ничего такого не случилось!

– В Ларнаки сверхчувствительная аппаратура, – заметил переводчик. И вскрикнул вдруг, взглянув на экран рентгеновского аппарата: – Да вы нашпигованы металлом!

И переводчик был прав: действительно, я был «нашпигован» осколками брони «тридцатьчетверки» – танка, в котором я, командир батальона, участвовал в своем последнем, тяжелейшем бою 13 августа 1944 года при штурме польской крепости Осовец. Снаряд угодил в мой танк.

О боевых эпизодах

...Отчетливо вспомнил этот и другие бои, а также тот, за который был удостоен звания Героя Советского Союза.

Часто приходится слышать, что боевые эпизоды прошедшей войны представляют интерес только для историков и военных специалистов. Но вдумчивый человек увидит в боевом эпизоде не только отдельное происшествие, но и самую жизнь его участников – солдат и офицеров; поймет их чувства и переживания.

Знаете ли вы, что значит встать из окопа в полный рост

и под огнем противника устремиться в атаку? Двинуть танк на огнедышащий дот или дзот противника? Что значит для командира отдать боевой приказ, в результате которого могут погибнуть подчиненные и товарищи? Мужество и страх, самоотверженность и ненависть к врагу вмещает в себя это слово – БОЙ.

А сколько их было, разных боев?.. Попытки нашей пехоты форсировать Днепр в верховьях, в районе Могилева были отбиты. Немцы засели на высоком правом берегу и подавляли любые намерения наших войск перейти реку. Смельчаков, которым удавалось вырваться на правый берег, расстреливали в упор. Вода в реке покраснела от крови. Наступление захлебывалось. И тогда командующий фронтом приказал бросить

на помощь пехоте танки. Но сколько ни пытались саперы навести для боевых машин понтонные мосты, немецкая артиллерия разносила их в щепки. Мы уперлись в мощную оборону немцев, которую они возвели на Днепре за три года оккупации и названную ими «Восточным валом». Непрístupную для советских войск, как об этом было объявлено. Этому стратегическому направлению фаши-

сты придавали очень большое значение. За верховьем Днепра открывалась дорога в Польшу и Восточную Пруссию.

Время уходило. Обстановка ухудшалась и требовала решительных и неординарных решений. Мне сообщили, что перехвачена шифровка Гитлера командующему могилевской группы войск генералу Мюллеру. Гитлер потребовал немедленного вывода немецких войск из Могилева на Минск. Осуществление этого приказа привело бы к многократному увеличению немецких войск в Минске и обернулось бы для

В один из дней гитлеровцы пошли на чудовищное злодеяние. Из окрестных деревень они согнали на шоссе стариков, женщин и детей и погнали их, кричащих и плачущих, впереди своих войск.

нас дополнительными жертвами. Но Днепр в верховьях совсем не так широк, как в середине и низовьях, и птицы его перелетают, и хороший пловец переплывет. А шестью промерили – не так и глубок.

И вот в самой гуще танкистов батальона родилась дерзкая идея: форсировать Днепр своим ходом по дну реки. Но «тридцатьчетверки» – все-таки полевые танки, а не амфибии,

о которых, кстати, тогда и слыхом не слышали. Выручила солдатская смекалка.

Знаете ли вы, что такое «сапун»? Это один из элементов танкового двигателя. Он засасывает воздух и подает его к мотору. Так вот, к сапунам прикрепили автомобильные резиновые камеры для того, чтобы они высовывались над водой, и подстраховывали их поплавками из бревен – чтоб не затонули. Теперь предстояло найти неглубокое место, где машины могли бы пройти по дну, которое максимально скрыто от противника. Вскоре такое место было найдено. Но и этого оказалось мало. Следовало законопатить отверстия в танковых корпусах, закрыть дула пушек и пулеметных стволов. Танк, поднявшись на берег, должен сразу же открыть огонь. Ясно, пыжи-пробки для этого не годятся. Орудие, заткнутое пробкой, разорвало бы при первом выстреле. После недолгих споров решили дула пушек и пулеметов закрыть плотной промасленной бумагой, а отверстия в корпусах заткнуть паклей. Этого добра здесь оказалось вдоволь – в разобранном доме на берегу реки.

Картина смерти

Под самое утро 27 июня, едва забрезжил рассвет, взвы-

ли моторы, и танки двинулись к реке. Одна за другой машины вползали в реку и скрывались в ней. И только по деревянным поплавкам можно было проследить подводный путь танков. Они уверенно двигались вперед, приближаясь к правому берегу. И вот снова послышался нарастающий гул моторов... Показался зеленый камуфляжный ствол танковой пушки... И первая громадина – мокрый танк, облепленный водорослями, похожий на морское чудовище, выполз на берег. Не останавливаясь, развернулся и с ходу открыл огонь по ошалевшему противнику. А следом выполз и вступил в бой второй, третий, четвертый...

Весть о том, что танкисты перешли Днепр, распространилась мгновенно и вызвала у наших воинов восторг. С криками: «Ура-а!» они бросились в реку кто как: и на плавсредствах, и просто саженками, – помочь танкистам удержать и расширить отвоеванный кусок родной земли.

Оценив обстановку, я повел батальон на шоссе Могилев – Минск. Мы перерезали его в тот момент, когда генерал Мюллер вытягивал свои войска на Минск.

Удар наших танкистов оказался для немцев полной неожиданностью. Всей своей мощью

«тридцатьчетверки» врезались в колонны врага, сокрушая огнем и сталью его живую силу и военную технику. Однако, несмотря на огромные потери, фашистам удалось перегруппировать свои силы и подтянуть свежие войска. Развернулись тяжелейшие кровопролитные бои, которые продолжались несколько суток. В ходе этих боев враг прилагал бешеные усилия, чтобы вырваться из стального кольца окружения.

В этих боях был тяжело ранен командир нашей танковой бригады полковник Ершов, убит командир второго батальона майор Погодин, погиб командир противотанковой батареи капитан Гапа. Был ранен и я. Но, к счастью, остался в строю. Командование 49-й армии, в составе которой находилась наша бригада, приказало все танки сосредоточить в первом батальоне и подчинить мне. Время шло, бои не утихали. В один из дней гитлеровцы пошли на чудовищное злодеяние. Из окрестных деревень они согнали на шоссе стариков, женщин и детей и погнали их, кричащих и плачущих, впереди своих войска. Они знали, что советские танкисты не будут стрелять по своим людям, и надеялись таким образом пробить брешь в советских войсках.

Эта картина потрясла наших воинов. Часть пехотинцев

дрогнула. Я, боясь, что это может обернуться большой бедой, выскочил из танка, и мне удалось из горящей штабной машины выхватить гвардейское знамя бригады и высоко поднять его. В это время танковый взвод старшего лейтенанта Наконечного нанес внезапный удар с фланга и отсек советских людей от фашистских войска. Наши люди были спасены.

Поднятое мною гвардейское Знамя вдохновило наших воинов. В едином порыве танкисты, пехотинцы, артиллеристы обрушились на врага. К исходу четвертого дня фашисты сдались.

За эти бои командование представило меня к званию Героя Советского Союза. В представлении говорилось: «...Выполняя боевую задачу, тов. Марьяновский, командуя танковым батальоном, 27 июня 1944 года умелым обходным маневром вышел на дорогу Могилев – Минск и отрезал пути отхода противнику из Могилева...»

Шли месяцы. Я думать забыл об ушедшем по инстанциям представлении. Мало ли их оседало в столах военных чиновников?

Но вот после очередного тяжелого ранения, полученного в Польше, в марте победного сорок пятого, после госпиталя я решил съездить из Пятигор-

ского санатория к сестре в Ташкент. Приехал в Баку и стал ждать парохода, чтобы пересечь Каспий. Погода была скверной, море штормило, дул сильный северный ветер. Отъезд то и дело откладывался. К концу подходили деньги и талоны на питание. Однажды по дороге в порт, куда я уже в который раз ходил узнавать об отплытии парохода, мне попался на глаза стенд со свежей «Правдой». Внимание привлек очередной Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза.

Я стал читать фамилии удостоенных высшей награды. И вдруг... увидел свою — Марьяновский Моисей Фроимович. В ту же ночь я выехал в Москву.

А вот чем закончилось мое недавнее путешествие.

...Когда я возвращался из Израиля в Москву, таможенный начальник Ларнакского аэропорта выстроил в мою честь всю

свою команду и самолично проводил меня к самолету. Честно говоря, мне было это очень приятно. И я гордился нашей Советской армией, армией Победы.

* * *

*Я грежу... Нет, я вправду
верю, —
солдату грезы ни к чему, —
что вот вернусь,
открою двери
и снова юность обниму.*

*Но дают что ни день —
весомей,
на плечи ремни портупей.
Оставил юность я не в доме,
а где-то на лесной тропе.*

*И я тужить по ней не стану:
ведь и затем идут бои,
чтобы, в глаза ребенку глянув,
найти вчерашние,
свои.*

**М. МАКСИМОВ,
немецкий тыл, 1942**

Александр Ефимов

**А.Н. ЕФИМОВ:
На фронте оценивают
и выдвигают не
по возрасту и званиям**

За время войны отважный летчик А.Н. Ефимов совершил 239 боевых вылетов на штурмовку войск противника и 49 вылетов на их разведку. Он удостоен высших наград. Ефимову дважды присвоено звание Героя Советского Союза.

В ИЮЛЕ 1942 года первые шесть летчиков, прошедших подготовку на самолете Ил-2 в Ворошиловградской авиационной школе, находившейся тогда в г. Уральске, были направлены в запасной полк, где им предстояло осваивать боевое применение этого самолета. Но авиационная промышленность уже стала выпускать ежемесячно сотни, а потом и тысячи таких самолетов. Подготовленных летчиков для них не хватало, и нас срочно направили на фронт под Москву в 1-ю Воздушную армию, в штурмовой авиаполк. Здесь мы освоили боевое применение Ил-2, то есть выполнили несколько десятков полетов на бомбометание и нас направили в 198-й авиаполк под Волоколамск.

Встретили нас приветливо, но первым делом спросили, на чем мы летали и какой у нас налет. Узнав, что на Ил-2 наш налет всего 10 часов, командир

полка помрачнел и сказал, что придется все начинать сначала. Нам пришлось подробно изучить район боевых действий, ведь штурмовики летают на малых высотах и необходимо все время знать, где ты находишься и как вернуться на свой аэродром после выполнения боевого задания.

Первый бой

И вот в конце ноября командир полка после разбора полетов за день объявляет, что на следующий день полк будет наносить штурмовые удары по минометным и артиллерийским батареям противника и железнодорожным узлам. На станцию Осуга пойдет четверка Ил-2 Васильева (я – в ее составе), и добавляет, чтобы строго выполняли все правила полетов.

Меня охватила радость: наконец я стану настоящим боевым летчиком и на деле смогу защищать свою Родину. Но бы-

ло и волнение, как я справлюсь с заданием. Я подошел к командиру звена Васильеву с целью уточнить задание для меня, но тот улыбнулся и сказал, чтобы я хорошо выспался, а все указания он даст завтра перед вылетом.

Я встал рано и первым делом посмотрел на небо. Оно было затянуто облаками, но тумана не было, значит, вылет состоится. На аэродроме командир звена построил нашу четверку и подробно рассказал о порядке наших действий на всех этапах полета. Я лечу справа ведомым второй пары, должен не отрываться и повторять все действия ведущего.

Сели в самолеты. Ждем. Вот – зеленая ракета. Это сигнал нам. Запустили двигатели и вырулили. Взлетели хорошо и быстро собрались. Линию фронта пересекли на малой высоте, вышли на железную дорогу и взяли курс на станцию. Над нами низкая, сплошная облачность, она спасает нас от вражеских истребителей. Им трудно найти и атаковать нас, но мы все время крутим головами, а вдруг истребители появятся. Вот по радио голос командира: «Впереди цель!» Мы видим строение и несколько эшелонов. Со станции тут же по нам стали бить трассами зенитных снарядов «эрликоны» – ско-

рострельные зенитные орудия. Разрывы вспыхивают то вверх, то сбоку от нас. Впереди облако разрывов. Делаю противозенитный маневр, ухожу вправо и перевожу самолет на снижение. Отчетливо вижу впереди внизу четыре зенитных орудия. Перевожу самолет в пологое пикирование и даю по ним очередь из пушек. Разрывы снарядов накрывают батарею. Немецкие артиллеристы падают и разбегаются. Вывожу самолет из пикирования, но свою группу не вижу. Случилось самое плохое: пока я атаковал батарею, группа ушла вперед. Вижу вторую батарею врага, ведущую огонь впереди, видимо по нашей группе. Меня им не видно. Очень хорошо. Прицеливаюсь и выпускаю 4 реактивных снаряда, которые разрываются среди орудий. Батарея замолкает. Вижу впереди свою группу. Сбросив бомбы на эшелоны, они уже уходят от станции. Мне надо лететь за ними, но у меня не сброшены бомбы. Разворачиваюсь снова на станцию, прицеливаюсь и вижу, как мои бомбы рвутся среди эшелонов. Станция надолго выведена из строя. А вокруг меня – разрывы зениток, но их значительно меньше, и я, не обращая на них внимания, разворачиваюсь домой. Бросаю взгляд на горящие эшелоны, ищу свою группу, но ее нет... Бе-

ру курс на аэродром. Лечу, лечу, но его все нет и нет, значит, я заблудился. Что делать? Осматриваю местность. Наконец вижу летное поле и на нем самолеты Ил-2, но носы у них окрашены в желтый цвет. Это наш братский полк. Сажусь. Лучше сесть у знакомых, чем с малым остатком топлива лететь домой.

Здесь заправили мой самолет, указали направление, и через 7 минут я уже приземлился на своем аэродроме. Узнаю, что меня посчитали сбитым. Конечно, отругали, «проработали», но спасло то, что это был мой первый боевой вылет. И все же в этом вылете я сделал немало: вывел из строя две зенитные батареи и вагоны с боеприпасами. Станция длительное время не работала, тем более что по ней еще несколько дней бомбили наши самолеты.

Каким-то образом в штабе дивизии стало известно, что одинокий летчик штурмовал станцию Осуга, и командир дивизии приказал поощрить его. Тогда меня перестали укорять и уже постоянно допускали к боевым полетам.

На фронте летчика оценивают и выдвигают не по возрасту, а по боевому опыту, по количеству и качеству боевых вылетов, по эффекту боевых действий. И скоро меня стали выпускать уже ведущим групп

штурмовиков. Это случилось тогда, когда при очередном боевом вылете у нашего командира звена после взлета начались неполадки с двигателем, и он пошел на посадку.

В этом случае командование принимает ведущий второй пары, а я как раз был ее командиром. Делаю круг над аэродромом и беру курс к линии фронта. По заданию мы должны были уничтожить вражеские эшелоны на второй станции. Ведомый командира звена пристраивается ко мне, и мы втроем летим на запад. Пересекаем линию фронта, подлетаем к железной дороге. Через несколько минут впереди вижу станцию и стоящие на ней эшелоны.

У меня сразу кончились все волнения. Цель впереди и хорошо видна. Покачиваю крыльями, даю понять ведомым, что начинаем атаку. Перевожу самолет в пикирование. На снегу прекрасно видны эшелоны. Прицеливаюсь, с ходу сбрасываю бомбы. Ведомые делают то же самое. Взрывы бомб видны и на вагонах, и на путях. Повторяю атаку, открываю огонь реактивными снарядами. От ведомых летят также «эрэсы». Эшелоны покрываются пламенем и дымом.

Выйдя из повторной атаки, беру курс на восток, домой. Летим над самой землей. Навер-

ное, нас уже ищут «мессершмиты», чтобы наказать за разгром станции, и нам надо уходить скрытно. За линией фронта набираем высоту и пытаемся найти аэродром, но его снова нет. Наконец видим железную дорогу, идущую на восток. Она как раз проходит возле аэродрома. Вот и он.

Командир полка выслушал мой доклад и только сказал: «Еще один ведущий появился». С тех пор я стал командиром звена и начал самостоятельно водить группы на боевые задания.

Вылеты следовали один за другим. Как правило, действовали мы успешно. Но один раз нам попался трудный орешек — железнодорожный мост через реку Вазуза. Три первых попытки разрушить его не имели успеха. Зенитный огонь был такой интенсивный, что прицеливаться было трудно, и бомбы падали мимо моста. Перед четвертым вылетом я предложил командиру выделить специальную группу для подавления зениток. Видимо, мне хорошо запомнился мой первый боевой вылет, когда я уничтожил зенитки. Командир полка одобрил мое предложение.

Мы вылетели восьмеркой. Впереди летела моя пара, и, подойдя к мосту, я перешел в пи-

кирование, обрушил бомбы и ракеты на зенитную батарею, затем пушечным огнем стал подавлять другую. В это время подошли остальные шесть самолетов. Зенитчики, занятые мной, прозевали их, и наши беспрепятственно сбросили бомбы. Некоторые из них попали в фермы, и мост разломился на части. Мы же без потерь вер-

Самолет накрывается и переходит на снижение. В кабину врывается дым, бьют брызги горячей воды и масла. Мотор сильно трясет.

нулись на аэродром. Наш опыт был отмечен командованием и начал широко применяться.

Сотый вылет

На следующий день, 28 июня, состоялся мой сотый боевой вылет. Мне очень везло. Обычно штурмовиков сбивают на 15–20 вылете, а тут уже целая сотня, и все проходит благополучно. Иду четверкой вдоль реки Березина. Где-то должна быть переправа, но ее пока не видно. Вдруг вижу что-то похожее на мост. Подлетаю ближе и вижу понтонный мост, по которому переправляется техника. Даю команду на атаку, направляю самолет на мост и сбрасываю бомбы. Ведомые делают то же самое.

Разрывы бомб накрывают мост. Техника и люди летят в воду. Переправа уничтожена.

24 июля мне поручают вести полк в составе 3 эскадрилий на уничтожение танков в районе реки Неман. Взлетаю и собираю группу, пересекаю реку и вижу большую группу танков. Направляю самолет на них. Ведомые эскадрильи следуют за мной. Внезапно передо мной возникают сотни разрывов. Отворачиваю вправо, затем влево и перевожу самолет в пикирование. Вот цель поймана в прицел. Бросаю бомбы, вывожу самолет из пикирования и начинаю разворот для повторения атаки.

Вдруг сильный удар. За ним еще и еще. Самолет накрывается и переходит на снижение. В кабину врывается дым, бьют брызги горячей воды и масла. Мотор сильно трясет. Впереди — Неман, за ним — наши войска, за ним — спасение. Внезапно — тишина... мотор останавливается, самолет стремительно снижается, вот он уже над водой, впереди берег. Поднимаю нос, вода кончается, и машина плюхается на землю. Удар! Я поднимаю ноги и упираюсь ими в приборную доску, это спасает мою голову и лицо. Наконец самолет останавливается. Несколько секунд отделяли меня от верной гибели.

Осматриваюсь и вижу приближающихся солдат. Кто они?

Свои или немцы. Слышу крики: «Не стреляйте! Мы свои!» К вечеру добираюсь домой, на свой аэродром. Здесь меня ждала печальная новость: кроме меня были сбиты еще два командира эскадрильи.

5 мая 1945 года сделал последний вылет на порт, где в пакгаузах забаррикадировались остатки немецких войск. Двумя четверками штурмовиков, бомбами и ракетами мы превратили баррикады в развалины.

Вечером мы слушали приказ Верховного Главнокомандующего, что войска 2-го Белорусского фронта овладели крупным портом и военно-морской базой немцев на Балтийском море. В 1945 году, перед штурмом Рейхстага, по приказу маршала Жукова было зажжено 240 прожекторов. Это был конец войны...

Свет

*Победа мне видится светом,
но не символическим, нет,
а в смысле еще не воспетом,
прямом, как прожекторов
свет.*

*В ту ночь они, двести и сорок,
войну ослепили в упор.
Зажглись они разом, как
порох,
но так и не гаснут с тех пор.*

*И кажется: всё, с чем
дружили,
что может светиться в ночи,
тогда мы собрали, сложили
и в эти вложили лучи.*

*Вулканную ярость Урала,
громов реактивных валы,
и плошку под сводом подвала —
печальную люстру войны.
Звезду, что ушла*

*партизанить
и искоркой стала во мгле,
и ту, что возошла у Рязани,
на столбик, привстав
на бугре.*

*И свечи старух богомолок
в заждавшихся окнах в селе,
во вдовьих глазах комсомолок
на, Бога проклявией, земле.*

*И наших снегов
беспредельность,*

*и наших сердец чистоту,
и правого дела смертельность,
и веры своей наготу.*

*... А тот, кто прологом
к Победе*

*зарю среди ночи зажег —
мальчишка, кому двадцать
третий
едва улыбнулся годок,
остался невидим за светом,
зажженного им же луча.*

*Лишь в каменных пальцах
планеты
державная светит свеча.*

*И помнится ей, как когда-то
прожекторов били лучи...
Приди на могилу солдата
и факел зажги от свечи!*

М. МАКСИМОВ

Леонид Логинов

Л.С. ЛОГИНОВ: **За один бой наш экипаж уничтожил 24 немецких танка**

Когда учеба закончилась, я получил танк и в качестве механика-водителя только в конце октября 1944 года, девятнадцатилетним, был направлен на фронт.

ПЕРВЫЕ впечатления от пребывания на фронте остались в моей душе на всю жизнь. Хотя утраты, понесенные нашей страной, да и соседними странами, где побывал гитлеровский вермахт, были тяжелы, но в воздухе веяло уже ветерком победы. Враг в то время был изгнан почти со всей территории Советского Союза. А части нашей 36-й гвардейской танковой бригады пошли дальше, в Румынию, затем Болгарию, Югославию и Венгрию. Люди, которых освобождали от фашистских оккупантов, радовались близкой победе вместе с нами, встречали цветами.

Но вдруг обстановка на фронте резко осложнилась, нам приказано было держать очень важную для войск переправу через горную речку Грон. Вот почему в начале 1945 года, а точнее – в феврале, с 17 на 18-е, на границе Чехословакии с Венгрией, мы словно вросли в землю со своими танками.

Обе советские «тридцатьчетверки» стояли в обороне

между двумя населенными пунктами, в поле среди сухих прошлогодних стеблей кукурузы. Экипажи отсиживались в наспех вырытых землянках, а танки были замаскированы под старые окопы. Перед нами, метрах в тридцати параллельно линии фронта, проходила дорога, обсаженная фруктовыми деревьями, а ближе к немцам простиралось поле с редкими холмиками кукурузных стеблей.

У реки Грон

18 февраля, рано-рано утром, когда еще только начало рассветать, я проснулся от оглушительных разрывов. Остальные танкисты уже вскочили. Первым в танк влез дежуривший в то время командир орудия Писаренко. За ним и другие заняли свои места.

Разрывы вражеских снарядов постепенно переместились к нам в тыл. Потом мы в утренней дымке увидели смутный силуэтдвигающегося в нашу сторону немецкого танка. Под-

пустив его для верности к самой дороге, Писаренко с первого же выстрела зажег эту страшную махину, и тогда вражеский танк, превращенный нашим метким артиллеристом в горящий факел, четко высветил немецкую пехоту,двигающуюся под его прикрытием на нас. Мы сразу же открыли по ней огонь из всех пулеметов.

Так начались бои, длившиеся с небольшими передышками до 26 февраля.

Здесь, у бурлящей горной речки Грон, обрамленной каменными берегами, я с благодарностью вспоминал крутые лыжные горки и почти зигзагообразные дороги родной моей Волчихи: как мне пригодились эти давние тренировки в родных краях! Ведь горы — везде горы, а умение маневрировать в них дается не с первой попытки. Наши алтайские горы были еще позабористее здешних. Я виражировал по этим головололомным дорогам с какой-то веселой лихостью, словно мы, два русских танка, состязались в какой-то невиданной удалой забаве.

И вот экипаж моего танка получает донесение: в районе населенного пункта Каменин (что восемью километрами севернее города Штурово) противник силой батальона пехоты при поддержке двенадцати тан-

ков атаковал высоту 177, ведя ураганный огонь.

Что мне оставалось делать? Маневрировать, уходя от превосходящих сил противника и нанося ему при этом всяческий ущерб.

Где нас враг совсем не ждет, где и думать о нас забыл, мы как раз там и должны оказаться!.. Таким образом, в течение трех-четырёхчасового боя мне удалось обеспечить неуязвимость танка от противника, что позволило нашему экипажу уничтожить пять вражеских танков, три бронетранспортера и до ста двадцати человек вражеской пехоты. Враг, понеся большие потери, отошел на свои исходные позиции.

19 февраля 1945 года противник все там же, у бушующего горного Грона, силами до батальона пехоты и с восемнадцатью танками возобновил атаку на хутор Каменин. Опять мне, как механику-водителю, пришлось маневрировать среди каменных домов хутора, чтобы обеспечить своему экипажу ведение прицельного, эффективного огня. В результате было уничтожено три вражеских танка, три бронетранспортера и до ста пятидесяти человек пехоты. Эти потери заставили фашистов отказаться от дальнейших атак и отойти.

Но сейчас, вспоминая прошлое, я думаю: особенно жесто-

ким и упорным был тот бой, который мы вели на второй день после начала контрнаступления немцев.

Каменный пятачок

Всю ночь на 19 февраля мы просидели в танке, ночью нам привезли снаряды и сообщили, что ожидается наступление крупных механизированных немецких сил — и все за этот каменный пятачок на правом берегу Грона, все за эту важнейшую для врага дорогу в горах!.. Хотя из кожи вылезь, а вынь да положь командующим и той и этой армий этот каменный пятачок! Одним словом, стратегия.

Нарушая правила безопасности, мы загрузили свой танк двойным запасом снарядов, преимущественно бронебойных. И стали ждать. Когда рассветело окончательно, в стороне населенного пункта поднялась страшная стрельба. Минут через двадцать прибежал связной с приказом — усилить оборону этого пункта.

Мы проскочили к своему штабу в самый разгар артподготовки, получили приказ и заняли оборону на правом фланге этого маленького населенного пункта, который наш командир группы называл «ферма». Впереди танка возвышалась крыша добротного подвала, а за

ней — белые стены недавно разрушенного здания. (Характерно: местное население, терпевшее такие мучения от затянувшегося боя с фашистами, было всецело на нашей стороне!)

Наш танк, заранее окрашенный в белый цвет, на этом фоне был малозаметен. За подвалом, метров на четыреста, тянулось ровное белое поле. Дальше шла лощина, в которой сосредоточились немецкие танки. Ферму защищал еще один танк под командованием старшего лейтенанта Депутатова. И несколько расчетов пушек.

Как только я установил свой танк и заглушил двигатель, на поле появились немецкие «тигры»: один, за ним второй и третий... Как бы раздумывая, они выстроились в одну линию по фронту и затем все сразу двинулись на ферму, ведя огонь на ходу. На наших глазах была выведена из строя стоявшая левее нас 75-миллиметровая пушка. Затем все танки перенесли свой огонь на наш левый фланг, где находилась «тридцатьчетверка» Ивана Депутатова.

Внимательно наблюдая за продвижением «тигров», мы выжидали удобный момент: когда же они откроют свои борта?.. Как раз в такое мгновение наш танк и начинал стрельбу.

Первыми двумя выстрелами мы зажгли один танк, а вто-

рой взорвался сразу, без пристрелки. И третий танк опять «сделали» удачно – всего двумя снарядами.

Экипаж Депутатова воспользовался тем, что находился выше нас по склону: танкистам было видно скопление «тигров» и артиллерии противника. Поэтому Депутатов смог своевременно открыть огонь, и там было зажжено несколько немецких танков.

Перепуганные вражеские танкисты в панике разворачивали свои танки, натываясь друг

Хоть из кожи вылезь, а вынь да положи командующим и той и этой армий этот каменный пяточок!

на друга и взрываясь на минах. А уцелевшие, бросая свои «тигры», удирали. В этом бою было уничтожено более двадцати танков.

Ферму, о которую разбивались одна за другой атаки врага, мы защищали до 26 февраля. Ежедневно с двух сторон отбивали по пять-шесть вражеских атак. Затем маскировали свои машины в покинутых жителями домах, заезжая в нижнюю, цокольную часть дома.

После каждой атаки, примерно через полчаса, появлялся немецкий самолет, выискивал нашу технику и обстреливал

подозрительные места. Он подолгу кружил, высматривая, где установлены танки, но, не найдя ни танков, ни артиллерии, улетал, а мы встречали неожиданным огнем очередную фашистскую атаку. На восьмые сутки немцы предприняли ночную атаку силами пехотинцев-истребителей танков с фаустпатронами (то есть реактивными снарядами). Для маскировки я не заводил двигатель почти всю ночь.

Когда немцы пошли в очередную атаку, мы были замаскированы в стогу сена и с большим трудом запустили остывший двигатель, когда они уже на танк полезли. Дав задний ход и сбросив обнаглевших фашистов с машины, мы потом передним ходом раздавили их.

Подъезжаем к штабу, там уже никого: все сосредоточились у большого стога соломы за фермой. Мы, два танка, заняли круговую оборону и, когда немцы начали поджигать из ракетниц солому, открыли по ним огонь из пулеметов. На этом их попытки взять нас в лоб кончились.

Однако через некоторое время послышался шум немецких танковых моторов с тыла. Но мы опять своевременно открыли огонь. И зажгли еще восемь немецких танков.

С рассветом все же мы решили вернуться на ферму. Послали туда наш танк. Я проехал вдоль фермы (или того, что было когда-то большой фермой) и увидел: за каждым домом прячутся немцы. Развернувшись, я решил доложить об этом в штабе. Но при выезде из колеи в наш танк попал фаустпатрон и вывел из строя двигатель. Это был самый неприятный момент в нашей затянувшейся танковой игре с противником. Но мы все же сумели благополучно добраться до штаба и доложили о случившемся, после чего по рации был получен приказ: снять оборону с фермы. Оставшиеся бойцы сели на «тридцатьчетверку» Депутатова и, держа большую скорость, вырвались из окружения.

Так закончился бой, длившийся восемь суток. За это время наш экипаж уничтожил 24 немецких танка. Трех танкистам из нашего экипажа (в том числе и мне) было присвоено звание Героя Советского Союза.

Другу танкисту

*Из танка,
Сузвись,
Сверкают
Глаза горящим угольком,
То щель скупая,
Смотровая,
Как бы прочерчена штыком.*

*И сталь танкиста обступила, –
Посмотришь далеко едва ль,
Тут мало видеть,
Мало силы,
Тут надо чувствовать
Сквозь сталь.*

*Как будто мчатся без дороги,
Холмы, разлётывая в прах,
Не траки гусениц,
А ноги
В отяжелевших сапогах;*

*Как будто к камням прикипело,
Дыша порывами боёв,
Не танка
Глыбистое тело,
А тело ловкое
Твое.*

*И, наконец, у буерака,
У танкодрома на краю,
Ты начал
Первую атаку,
Как начал молодость свою.*

*Так знай,
Порыва не сбавляя,
Бросая танк в тяжёлый бон,
Сама земля благословляет
Твой путь, суровый и прямой.*

*А за тобой
Грядой таёжной
До неба самого видна
Страна,
Которая надёжно
Твоей бронёй заслонена!*

Б. ДУБРОВИН

Сергей Сомов

Может быть, прошедшая война, которую мы по праву называем Великой Отечественной, кого-то и обошла стороной, но что касается меня, то она до сих пор во мне. Она будоражит мою душу, заставляет вспоминать и переживать. Да и как не переживать, одиннадцать самых близких родственников ушли на фронт, а вернулись лишь четверо. Из 64-го штурмового авиаполка, в котором я воевал, двадцать девять летчиков и столько же воздушных стрелков сгорели в пламени войны.

В КОНЦЕ марта 1945 года я командовал авиационной эскадрилей штурмовиков. Мне было тогда 24 года.

ченко по пути в штаб зашёл в помещение, где лётчики нашей эскадрильи готовились к очередному боевому полёту.

Маршал авиации

В разгар Восточно-Прусской операции, когда войска 3-го Белорусского фронта готовились приступить непосредственно к штурму крепости Кенигсберг, на аэродром Вермдйт, где базировался наш 64-й авиаполк, прибыл главный маршал авиации А. Новиков. Выйдя из самолёта, он в сопровождении командующего 1-й Воздушной армией генерал-полковника Т. Хрюкина, командира авиадивизии генерала В. Шевченко и командира авиаполка майора В. Юр-

Не скрою, увидев столь представительную группу с генеральскими погонами, я просто-напросто растерялся. Ведь в боевых условиях лётчики редко видели даже своего командира дивизии, а тут передо мной предстал сам главный маршал авиации.

Я подал команду «Встать!» и собрался отдать рапорт, но на какой-то миг задумался над тем, с каких слов начать. То ли со слов «товарищ главный маршал...», то ли «товарищ главнокомандующий ВВС...».

Заметив мою растерянность, он улыбнулся и каким-то спокойным, располагающим голосом сказал:

С.А. СОМОВ:
Только спустя 50 лет
после Победы
Указом Президента
России мне было
присвоено звание Героя

– Отставить, всё равно что-нибудь напутаете. Лучше доложите, кто вы по должности и чем занимаетесь?

Тут у меня на сердце как-то отлегло, и я уже бодрым голосом, едва не дав «петуха», доложил: «Командир 1-й эскадрильи лейтенант Сомов. Готовимся к нанесению удара по окружённой группировке фашистов в районе Розенберга». Он подошёл к столу, наклонился над разложенной на нём полётной картой с чётко нанесённым карандашом маршрутом. «Первый раз ведёте группу в этот район?» – спросил он.

Теперь я уже спокойным голосом ответил, что в Восточно-Прусской операции лётчики полка участвуют с первого дня. А что касается окружённой группировки, то летим туда в третий раз.

– Зенитно-артиллерийского огня там много?

– Много, – коротко ответил я и тут же добавил: – Кольцо окружённой группировки сжимается с каждым часом, и оттого плотность огня противника увеличивается.

Лётчики внимательно слушали ход нашей беседы. Чувствовалось, что они переживают за меня и как за своего товарища, и как за командира. Это вполне понятно, ведь

многие из них, как и я, в полк прибыли из лётных школ в звании сержантов. Перед убытием на фронт нам присвоили офицерское звание «младший лейтенант». Всего месяц назад я стал лейтенантом и был назначен на должность командира эскадрильи.

– Ну что же, лейтенант, относительно плотности огня правильно рассуждаешь, – сказал маршал, – но фашистам не устоять, их песенка спета. Быть командиром эскадрильи, – продолжал маршал, – большая ответственность. Отвечать приходится не только за себя, но и за организацию боевой работы всего подразделения. Нужно знать каждого лётчика, его летные, моральные и психологические качества и возможности реализации этих качеств над полем боя. А чтобы заслужить доверие и уважение у подчиненных, ты должен прежде всего сам быть примером исполнения своего служебного долга.

– Так точно, – ответил я, – буду стараться.

Маршал и сопровождавшие его генералы ушли, а я в каком-то смятении продолжал подготовку лётчиков к предстоящему вылету. Слова главнокомандующего окрылили всех нас, и мы решили сра-

жаться еще лучше, не жалея сил для разгрома врага.

Один вылет следовал за другим. Каждый день мы штурмовали немецкие войска. Часто возвращались на «израненных» машинах...

Мы устали от потерь. Сколько их было в небе войны, разве сосчитаешь, и если я дожил до Дня Победы, то этим обязан в первую очередь своим боевым друзьям.

Однажды вражеский снаряд попал в фюзеляж моего самолета и срезал трос управления рулем поворота. Я не мог держаться в строю. Тогда пришел на помощь мой заместитель Константин Васильев. Он собрал группу и повел на аэродром, а я следовал позади, с трудом управляя самолетом. Сильный боковой ветер усложнил посадку: едва шасси коснулись бетонированной полосы, как самолет тут же снесло с нее. Успел-таки я выключить двигатель, но, как ни упирался руками в приборную доску, удара головой о прицел не избежал. К счастью, я отделался ушибами, а повреждения самолета были незначительными, и вскоре он был отремонтирован.

Темпераментный, напористый Герман Киласония щедро делился своим опытом. Не без юмора растолковывал лётчикам:

– Золотой самолет наш Ил-«горбатый». Страх и ужас наводят на фашистов наши атаки. Знают: не снапс, а другие гостинцы им везем. И ты не давай им опомниться. Коршуном нападай и бей. Конечно, нехорошо, когда вокруг рвутся снаряды, но свой страх ты оставь на аэродроме.

Таким примерно разъяснением он однажды и меня успокоил, когда во время штурмовки вражеский снаряд угодил в бомболок моего самолета. К счастью, там бомб уже не было, и тяжелый снаряд не разорвался. С трудом я вывел самолет из крена. После посадки, как только зарулил на стоянку, вокруг самолета собрались лётчики, авиаспециалисты. Подошел и Киласония.

– Ну, как, – спросил он меня, – натерпелся страха?

По молодости не хотелось признаваться в своих переживаниях, я задержался с ответом.

– Э! Не криви душой, Сергей, – сказал он, – по себе знаю, трухнул ты изрядно. Но не сплеховал.

И тут же, обращаясь к стоящим рядом авиаторам, заключил:

– Видишь, как покорежило «горбатого»? А не подвел. Почувствовал, видно, что управляет им настоящий джи-

гит. В устах Германа это было высшей похвалой.

Выводи, выводы!

Вспоминается такой случай. Воздушные разведчики у побережья залива Фриш Нерунг обнаружили баржу. Наша группа получила команду на взлет. Вскоре мы увидели судно и с ходу решили его атаковать. Введя самолет в пикирование, я из пушек открыл огонь и вижу,

Мы устали от потерь. Сколько их было в небе войны, разве сосчитаешь, и если я дожил до Дня Победы, то этим обязан в первую очередь своим боевым друзьям.

что всплеск от снарядов на поверхности воды ложится левее баржи. Внеся поправку, вновь дал очередь из пушек — палуба заискрилась от снарядов, и я дополнительно нажал на гашетку пулеметов. Мощный сноп огня хлестнул по барже. И тут слышу голос стрелка Виктора Тимко:

— Командир, выводы! Выводи!

На какое-то мгновение я подумал, что сейчас «фоккер» или «мессер» откроет огонь по самолету. Но как только начал выводить свой Ил из пикирования, к великому ужасу, увидел, что сажусь на баржу. Я полно-

стью вытянул ручку управления рулем глубины на себя и до боли прижал к груди. Но баржа стремительно неслась мне навстречу. Фашисты в панике стали прыгать в море. Неожиданно снижение самолета прекратилось, и он пронесся над баржей, едва не касаясь ее винтом и сметая воздушным вихрем все, что было на ней не закреплено. Где-то уже на высоте метров 500 — 600, утихомирив дрожь в коленках и придав голосу строгую тональность, я спросил воздушного стрелка:

— Ты что это так панически закричал «Выводи, выводы!»?

А тот с дрожью в голосе говорит:

— Да я смотрю,

Назаров давно самолет вывел, да и Фролов тоже, а мы все падаем и падаем. Подумал, что вас ранило, вот и закричал.

Со второго захода от сброшенных бомб баржа медленно начала погружаться в воду. После, когда мы сошли на землю, я обнял и расцеловал воздушного стрелка:

— Спасибо, Виктор, ты спас мне жизнь!

Да, мы молодые были тогда, и летчики, и воздушные стрелки. Но как-то не принято было называть кого-то из нас молодым. Не по возрасту, а по боевому умению ценили человека.

И делом чести считалось быть настоящим воздушным бойцом.

Спрашивают иногда: «Какой боевой вылет был самым трудным, опасным? Что ответить на это? Легких не было. Каждый оставил зарубку на сердце. Но мне особенно запомнился полет, о котором в архивных документах МО РФ написано: «...Шестерка Ил-2 под командованием лейтенанта Сомова С.А. 14.04.45 г. имела задачу: в период 12.00 — 12.30 ч сопровождать наземные войска 39-й армии, уничтожая технику и живую силу противника в районах Аллих-Повайнен, Гросс-Блюменау. При подходе к цели лейтенант Сомов получил от станции наведения «Дунай-22» приказание: на железнодорожном участке южнее Штуддитен отыскать бронепоезд и уничтожить его».

С волнением читая эти строки, чувствую, что я словно вернулся к тем суровым дням войны, вспомнил боевых друзей, которые были рядом со мною в том полете, командиров ведомых экипажей Бориса Андумина, Константина Васильева, Николая Назарова, Алексея Рыжова и Василия Фролова. Никто из них не дрогнул.

Получив приказание на уничтожение бронепоезда, по радио я связался с ведомыми. В ответ бодро прозвучало:

— Все ясно. Громить «крокодила» идем!

По голосу узнал Костю Васильева.

Мы понимали, что бронепоезд — не танк, он не спрячется под кронами лесного массива, не прикроется выгодным рельефом местности. И все же обнаружить его было нелегко: он маневрировал по железнодорожному пути от Пиллау до Кенигсберга. Выдвигаясь к нашему переднему краю, бронепоезд из всех орудий вел ураганный огонь по наземным войскам. А как только наши артиллеристы открывали ответный огонь, он тут же откатывался вглубь своей территории. Так продолжалось три дня. И командование наземных войск обратилось за помощью к летчикам.

В тот день на станции наведения «Дунай-22» с микрофоном в руках был полковник Н. Филиппов — заместитель командира дивизии, он и перенацелил нашу группу на бронепоезд.

Скоро черные хлопья от разрыва зенитных снарядов противника стали сгущаться на нашем пути. Потянулись в сторону самолетов и светящиеся трассы «эрликонов». «Нет, тут парадным строем не пройти», — подумал я и подал команду:

— Приступаем к маневру!

Закладывая крен то вправо, то влево, мы змейкой шли вдоль железной дороги, пристально всматриваясь в нее. И вдруг, словно из-под земли, длинный огненный шлейф лизнул прилегающую к дороге местность. Это бронепоезд из своих орудий открыл огонь по нашим войскам. По таким огненным языкам мы научились распознавать замаскированные вражеские танки.

«Так вот где «крокодил» скрывается», – подумал я и сразу же подал команду:

– Под нами бронепоезд, замной, в атаку!

Перевел самолет в пикирование и нацелился только на паровоз. Я не видел в этот момент ни бронепоезда с его ошестинившимися пушками, ни рвущихся снарядов вокруг самолета. Видел только паровоз, стремительно надвигающийся мне навстречу. И если бы вражеский снаряд прервал мой полет, то мой верный и безотказный друг – Ил-2 все равно бы врезался в тот паровоз. Но к счастью, единоборство закончилось в мою пользу. Сошедшие с балок реактивные снаряды точно попали в цель. От мощного взрыва паровоз, объятый пламенем, слетел с рельсов метров на десять и окутанный паром замер на месте.

Хроника войны

С возникновением на бронепоезде пожара фашисты спешно стали покидать его, удирая в прилегающий к железной дороге лес. Израсходовав почти весь боекомплект, мы с чувством исполненного долга взяли курс на свой аэродром.

Из фронтовой газеты (статья В. Днепровца «Всей мощью оружия» 24 февраля 1944 года):

«Наши бойцы, – говорит в своем приказе № 5 Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ Сталин, – проявляют чудеса героизма и самоотверженности, умело сочетают отвагу и дерзость в бою с полным использованием силы мощи боевого оружия». Именно так научились действовать летчики Н-кой штурмовой авиачасти. За два вылета ведущий группы «Ильюшиных» лейтенант Сергей Сомов вместе со своими ведомыми истребил более ста гитлеровцев, взорвал склад с боеприпасами, подавил огонь девяти орудий полевой артиллерии, разбил пятнадцать автомашин и разрушил свыше 10 зданий, в которых засел враг. Замыкая круг, штурмовики Сергея Сомова выбирали для себя по нескольку целей, чтобы поражать их в одном заходе. Так, за три захода они сделали

восемнадцать атак, вели огонь на полное уничтожение целей».

Все экипажи нашей группы приказом командующего 1-й Воздушной армией генерала Т. Хрюкина были представлены к наградам, а я – к званию Героя Советского Союза. Но где-то затерялся мой наградной материал. Только спустя 50 лет после Победы Указом Президента России мне было присвоено звание Героя Российской Федерации.

Иногда я думаю: как быстро и давно промчалась опасная огнем наша молодость! Но душой и памятью я и теперь вместе с однополчанами. В боевом крылатом строю. И каждый раз, когда иду по улицам Москвы и слышу над головой гул турбин, смотрю в небо, по инверсионному следу отыскиваю

летающий самолет и взглядом сопровождаю его до тех пор, пока он не скроется в серой дымке облаков.

Сердце все еще рвется в небо...

Мой арсенал

*Сквозь спокойствия толщу,
Сквозь усталости щит
Вижу бомбардировщик,
Словно он и не сбит.*

*Вижу трассу – пунктиром,
Вижу наше звено
И – глаза командира,
Что закрылись давно.*

*Факел падает в поле:
Экипаж – наповал...
Вновь распахнута болью
Память – мой арсенал!..*

Б. ДУБРОВИН

Михаил Одинцов

М.П. ОДИНЦОВ: Воздушная дуэль в небе над Днепром

В шестнадцать лет я пришёл в Свердловский аэроклуб и впервые поднялся в небо. В девятнадцать, с первых дней войны, начал воевать на ближнем бомбардировщике Су-2. Атакуя фашистские войска, неоднократно подвергался атакам немецких истребителей Ме-109 и часто с трудом, на «израненном» самолете, дотягивал до своего аэродрома.

ПЕРЕУЧИВШИСЬ на штурмовике Ил-2, я стал для врага «чёрной смертью». Этот самолет был грозным оружием. Он имел отличное ракетное вооружение, а также несколько сот килограммов различных бомб! Но воевать на нём было трудно. Всё время на малой высоте, при любой погоде приходилось выполнять задания командования по поиску и уничтожению противника.

Молодец мой Ил, не подкачал!

Зима 1942-го была снежная, облака тянулись низко над землёй. Всё было белым-бело. Не только бомбардировщики, но даже штурмовики не могли выполнять задания. Командование подбирало наиболее опытных летчиков. Но не все возвращались из таких полетов...

Мой Ил-2 летит над землёй, захваченной немецко-фашистскими войсками. Высота почти нулевая. Я прямо над верхушками деревьев. Время идёт, а противника не видно! Решаю проверить железную дорогу возле Великих Лук: там наверняка будет несколько эшелонов. Проскакиваю почти в тумане небольшие озера, за ними лес. Наконец железная дорога!

Лечу-лечу над полосками рельсов, но по-прежнему ничего не вижу. Впереди локомотив. Я с трудом прицеливаюсь. Самолёт идёт низко, чуть не задевая землю. Пора стрелять. Нажимаю на боевую кнопку, реактивные снаряды уходят вперед.

Проношусь над взрывами, едва не задевая обломки. Решаю сбросить бомбы на состав. Ставлю сброс бомб на замедление. Разворачиваюсь на состав,

вижу, как из разбитого паровоза вылетают облака пара, как выбегают из вагона солдаты. Пора! Нажимаю на кнопку сброса, шесть осколочно-фугасных бомб уходят вниз. Пронoshу над вагонами. Самолёт подбрасывают начавшиеся взрывы. Стокилограммовые «чушки» со скоростью восемьдесят метров в секунду пробивают крыши и стенки вагонов и уничтожают всё живое, что находится внутри. Самолёт шел над составом на высоте пятнадцать—двадцать метров, и почти все бомбы попали в цель.

Развернувшись на восток, домой, ещё долго оборачиваясь, вижу дым и пламя горящего состава. А потом стену падающего снега впереди! Обойти её невозможно: не хватит бензина, чтобы долететь до аэродрома. Слишком долго я искал подходящую цель и долго был над ней.

Выбора нет. Вхожу в снегопад, снег бьёт по самолёту косыми струями. Видимость почти нулевая. Чтобы не потерять из виду землю, начинаю снижаться. Высота метров 5–10, а земли не видно. Вот-вот столкнусь с каким-нибудь деревом или с землёй. Ещё несколько секунд, и я останусь лежать в этих снегах. Решаю все-таки уходить вверх, подальше от земли. Беру ручку на себя и перевожу взгляд

на авиагоризонт и другие приборы.

Высотомер «отсчитывает» метры: двадцать, тридцать, пятьдесят, вот уже и сто, затем триста метров. Земля уже далеко, но начинается обледенение. Ещё несколько десятков метров, и самолёт начнёт снижаться, а затем упадёт. Решаю набрать ещё метров двести—триста. Наконец облака рассеиваются, я лечу между слоями облачности. Лететь стало легче. Немного подворачиваю влево и беру курс семьдесят градусов. С ним я должен войти в район аэродрома.

Но вот облака смыкаются. На стеклах кабины снова появляется опасный блестящий налёт — лёд. Через некоторое время начинается потрясывание мотора: это обледеневший винт. Я «гоняю» его на разных оборотах, и это помогает. Тряска прекращается — лёд слетает. Так повторяется ещё несколько раз.

По моим расчётам, скоро должен быть аэродром. Проскочить его нельзя, начинаю снижаться. Высота быстро падает: сто, пятьдесят метров. Надо уменьшить скорость снижения. Устанавливаю вариометр на 1–2 метра. Вот и тридцать метров. Внизу начинает что-то чернеть. Вот и двадцать метров. Ура! Облака вверху, а надо мной лес! До деревьев метров

десять. Ура, жив! Разворачиваюсь на север, там железная дорога. Она выведет на аэродром. Лечу, но обледенение продолжается. Гоняю мотор, он работает из последних сил, обледенение с винта сбрасывается, а стёкла кабины полностью обледенели. Открываю фонарь и смотрю вперёд и в сторону. Впереди темная линия — это железная дорога. Разворачиваю и лечу сбоку: так лучше видно.

Обледенение продолжается. Даю почти полные обороты мотору, чтобы он поддерживал самолет в воздухе. Нос поднят уже высоко, и самолёт идёт над землёй метрах на десяти, не снижаясь. Но вот видна станция. Главное моё спасение. Теперь разворот на юг и в 10 километрах аэродром.

Выпускать шасси или нет? Если выпущу, то самолёт из-за возникшего нового сопротивления может просто упасть и разбиться. Садиться на «живот» надёжно, но позорно. Нет, надо выпустить шасси. Нажимаю на ручку выпуска и даю полные обороты мотору. Он ревет из последних сил. Самолёт продолжает снижаться, но медленнее.

Вот и полоса! Самолёт удаляется вышедшими шасси о землю. Молодец мой «Ил», не подкачал! Заруливаю на стоянку, выключаю мотор, вылетаю.

Уф! Крылья все в ледяной корке, стёкла кабины тоже. Самолет чудом сел! Летчики и техники окружают меня, поздравляя с возвращением и благополучной посадкой. Командир «после такого полета» даёт мне два дня отдыха. Но отдыхал я лишь одну ночь: на другой день снова боевой взлёт!

Поединок

Днепр отвоевывался огнём и новыми человеческими жертвами. Плацдармы расширялись тяжёлыми боями на земле и в воздухе. Немецкое командование массированным применением бомбардировочной авиации пыталось помочь своей пехоте и танкам не только остановить продвижение войск Конева, но и сбросить их в Днепр.

Авиация 2-го Украинского фронта также все силы своей бомбардировочной и штурмовой авиации сосредоточила на помощи частям, находящимся на плацдармах.

Ударная авиация обеих сторон притянула к себе истребителей, и воздушные бои набирали силу.

Аэродромы у реки Орель, с которых штурмовики летали на правый берег Днепра, оказались не счастливее других: полки дивизии платили врагу кровавую дань. Не выпадало дня

без минуты молчания в память о невернувшихся. Особенно тяжело переносила это молодежь, вошедшая в бои после Белгорода и Харькова, когда противник был выбит с укрепленных оборонительных рубежей и, отступая за Днепр, не оказывал прежнего серьезного сопротивления. Психика их не успела закалиться в горе прежних потерь, оказалась недостаточно подготовленной к начавшимся сражениям — фашистское командование надеялось удержать «Восточный вал» в своих руках.

Получая боевые донесения летчиков, командир дивизи

Выпускать шасси или нет? Если выпущу, то самолёт из-за возникшего нового сопротивления может просто упасть и разбиться.

зии уловил изменение обстановки и попытался нащупать какие-либо закономерности в гибели экипажей. Постепенно, с каждым новым полетом картина прояснялась. Если по всему фронту летчики погибали от разных причин, то в одном районе главным врагом штурмовиков и бомбардировщиков оказалась зенитная артиллерия. Почти в каждом полете встречал пилотов неожиданный и точный огонь: один, реже два залпа бата-

реи из шести орудий среднего, а может быть, крупного калибра, после которых часто, к сожалению, очень часто, один из самолетов падал подбитым.

Фашистская батарея замолкала, а огонь продолжали вести автоматические эрликоновские пушки, от которых вреда почти не было. Батарею искали попутно и специально назначенные разведчики, но безрезультатно: она по-прежнему подстерегала пилотов в своем квадрате.

О неуловимой батарее много говорили и сами летчики, и в штабах. И когда однажды под вечер меня вызвал командир дивизи, я сразу почему-то решил, что разговор пойдет о ней...

И верно. Едва подздоровались, генерал, давно знавший меня лично и неоднократно летавший со мною на боевые задания в порядке изучения опыта командира эскадрильи, сразу заговорил о деле:

— Обстановку в районе чертовой батареи и наши потери ты знаешь. Может, попытаешь счастья?.. Боец ты и разведчик глазастый, и умения не занимать... Плацдармы, как видишь, почти стабилизировались. Это немцу выгодно: стрелять можно с основных и запасных позиций. Могут иметься и ложные. Вполне возможно, что батарея воюет

на правах кочующей. Получается, как в присказке: у волка много дорог, а у охотника — одна.

Слушая, я понял, что решение старшим уже принято: его посылали на поиск этой батареи. И может быть, не на один вылет, что вероятнее всего. Предлагалась дуэль, в которой ничейный результат исключался. «Думай, Миша, о полете, потому как отказаться невозможно. Думай, как лучше ухватить эту так называемую неуловимую батарею?»

— Что, комэск, молчишь? Давайте порассуждаем вместе. Затем и вызывал. — Генерал взял со стола пачку папирос. Открыл ее и пододвинул: — Закуривайте. И я подымлю за компанию.

Отказываться было неловко, и я взял папиросу. Разминая ее, подождал, пока закурит старший, и тоже зажег спичку. Затянулся в молчании несколько раз. И нервный импульс взволнованности от предстоящей неизбежной встречи с опасностью, всколыхнувшийся вначале, под влиянием табака и осмысления задачи постепенно ослабел. Дальнейшее молчаливое противосидение, как и курение, мне стали казаться фамильярностью, и я, встав со стула, решительно затушил папиросу.

— Разрешите докладывать!

— Если готов, послушаю, — кивнул генерал. — Только от-

кровенно. Командир дивизии положил папиросу в пепельницу и тоже поднялся со стула.

— Лететь надо одному, чтобы получить полную свободу маневра, но с истребителями прикрытия, конечно. Второе, лететь утром, как можно раньше, пока нет пыли, дыма и пожаров. Третье, в готовности для удара по батарее держать в готовности к немедленному вылету нашу эскадрилью, а мне — второй самолет.

— Разумно! Предложенный план действий принимаю. В первом полете дам накрытие шестерку, восьмерку истребителей. Эскадрилью обеспечим «Яками» надежнее, чем обычно. Мои предложения принимаются?..

— Согласен.

— Вот и хорошо. Вылет с восходом солнца.

...День встречал в небе. Я вел «Ил» на северо-запад. Слева, снизу к самолету подплывал парящий туманным дымком Днепр. За ним виднелись правобережные холмы, с одной стороны освещенные солнцем, а с другой — пропадающие в своих же тенях, от чего местность казалась искусно замаскированной.

Набирая высоту, осматривал небо, рядом идущих истребителей и думал, что обстановку для соблазна зенитчиков луч-

ше не придумаешь: на светлом, зелено-голубом небе мой самолет даже издалека представляется хорошей мишенью. Мне же надо будет обязательно вызвать огонь на себя и постараться увидеть, когда и откуда будет сделан первый, может быть, единственный залп. Обстановка благоприятная: ни пыли, ни пожаров, и видимость хорошая.

Набрав три тысячи метров, высоту для штурмовика невероятно большую, но в данном случае свой главный жизненный резерв, уточнил с карты линию фронта на местности и повел свой «Ил» в предполагаемую зону огня батареи, рассчитывая, что никто другой по мне стрелять не будет: на такой высоте я для всех сухопутников безопасен.

«Чтобы не сбили, надо строить противозенитный маневр с расчетом на время полета снаряда и перезарядки пушек на батарее: за пять–семь секунд уходить из ожидаемой площади разрывов на триста–четыреста нерасчетных для зенитчиков метров, — думал я. — Если эти условия выдержу, то они в меня при всем желании не попадут. В воздухе снаряды не довернешь». Включил передатчик и обратился к истребителям:

— Маленькие, за воздух полностью отвечаете вы. Мне смотреть за воздухом некогда.

— Я — пятисотый. Понятно, «горбыль»! Все будет в порядке, занимайся своим делом.

— Ремизов, смотри больше на землю, помогай искать батарею. За воздухом наблюдают «Яки».

— Постараюсь, командир. Буду вертеть головой на все сто восемьдесят градусов. А за истребителями и небом тоже поглядывать не грех.

Веду машину то со снижением, то с набором высоты, а про себя считаю секунды: двадцать один, двадцать два... Как только называл цифру двадцать три, резко сворачиваю «Ил» на новый курс, и счет начинаю сначала.

Проклятая батарея

Глаза непрерывно и внимательно ощупывают землю, еще прикрытую в низинах легкими паутинами тумана, выхватывая из ее пестроты полянки, заросли кустарника, огороды и сады в хуторах. С особой старательностью осматриваю дороги, идущие «в никуда», и, как правило, в тупиках нахожу войска, артиллерию, но не ту, которую искал. Немцы пока по мне не стреляли, и в этой «тишине» я чувствовал себя неуютно, напрягался от ощущения опасной неопределенности. В голове все время билась одна и та же мысль:

«Раз не стреляют, значит, прицеливаются. Маневрируй!»

Так, убеждая себя и успокаивая, без помех пролетел над фашистскими войсками вдоль линии фронта около двадцати километров и развернулся обратно.

«Где же она, проклятая батарея? — успел подумать, и тут враг открыл по мне стрельбу, не захотел больше терпеть нахального разведчика.

Даю мотору полные обороты и, набирая скорость, иду через огонь. Не надеясь попасть в стрелявшие батареи, с большой высоты сбросил бомбы в двух местах и опять повел самолет по зигзагообразной волне.

Фашисты стреляли средним калибром четыремя, восемью или двенадцатью снарядами, передавая меня, как эстафетную палочку, друг другу. Во влажном утреннем воздухе трассы от снарядов виделись хорошо, а шестиорудийная батарея молчала.

Чтобы передохнуть от напряжения и подумать в спокойной обстановке, вывожу самолет на свою территорию.

«В чем же дело? Почему не стреляла снайперская батарея? Может быть, слишком открытый противозенитный маневр хорошо был виден с земли, и поэтому, не надеясь попасть, они не стали себя демаскиро-

вать?.. Возможно, выжидали время? Тогда их задача не в прикрытии какого-то конкретного объекта, а в другом: при благоприятных условиях вести огонь на поражение, чтобы деморализовать наших летчиков и этим снизить общую эффективность их боевых действий. Если так, то задача у батареи более ответственная... Что же предпринять?»

Решил пройти над врагом по прямой, не маневрируя по направлению. Такой полет будет принят фашистами за фотографирование площади. Уж тут-то батарейный командир обязательно клонет — более выгодных условий для стрельбы не бывает.

— Стрелок, как дела?

— У меня все в порядке, командир.

— Придется еще раз лезть черту в зубы.

— Если надо, то наше дело солдатское. Вытерпим.

— Молодец, другого ответа не ждал.

Теперь решаю зайти второй раз километров на десять севернее, чтобы расширить район поиска.

— Маленькие, если горячее есть, то пройдем еще раз, — обращаюсь по радио к сопровождавшим меня летчикам.

— Бензин пока в норме, только «мессы» прилететь могут.

Разведку они не любят. Вон как всполошились.

– Успеем до «шмитов» еще раз пройти... Пошли, что ли?

– Тебе видней. Если будет драка, уходи сразу к земле. С тобой пойдет пара.

– Ладно.

Над своими войсками поднабрал еще пятьсот метров высоты и стал заводить «Ил» в чужое, «успокоившееся» временно небо. Пока не стреляли, но я, не веря тишине, все больше и больше разгонял скорость, рассчитывая, что постоянное нарастание скорости при залпе зенитной батареи выведет «Ил» вперед разрывов, а потом и по направлению легче будет маневрировать.

Петя, ты живой?

Десятикилометровый отрезок пути заканчивался, когда я увидел шнурообразные следы от полета четырех снарядов. Отворачивая машину в сторону, на дальнем конце белесых следов обнаруживаю батарею из шести орудий. Мысль уловила различие между четырьмя и шестью, но тут я почувствовал удар в самолет и услышал треск разрыва.

Это те, которых я не видел.

«Ил» тряхнуло и начало опрокидывать на крыло. Обими руками ухватил ручку управления, пытаюсь вывести самолет

из крена. Но машина не подчиняется. Кинул взгляд на правое крыло и увидел в нем огромную пробоину: завернувшийся против потока воздуха дюралевый лист обшивки тормозил крыло, и от этого все больше нарастал опрокидывающий момент. Стремясь уменьшить сопротивление воздуха, перевожу машину в набор высоты и сбавляю мотору обороты: скорость начала падать. Почувствовав облегчение, понял, что управление не перебито, самолет управляем, только к нему надо приспособиться.

Тяжело дыша от усилий, спросил:

– Петь, ты живой? Не ранило?

– Нет, командир. Пронесло! Батарею увидел! – Голос был относительно спокоен. Ремизов, видимо, не представлял, сколь тяжелую борьбу за жизнь машины выиграл летчик.

– Я тоже наблюдал... – И передал истребителям: – Маленькие, уходим домой! Решаю снижаться глубокой спиралью, которая могла быть принята противником за падение самолета, а мне позволила понаблюдать за расположением батареи, лучше запомнить местность, чтобы во втором вылете сразу точно выйти на нее.

На малой скорости, маневрируя в лучах низкого солн-

ца, я вышел на свою территорию, перелетел через Днепр и отправил истребитель вперед себя на посадку. Я еще не знаю, как посажу машину: на обычной скорости едва хватает силы удерживать «Ил» без крена и на прямой. Но едва уменьшаю ее до скорости захода на посадку, как разбитое крыло теряет опору в воздухе и самолет опрокидывает на бок. Хотелось немедленно сесть, потому что я представлял непомерно трагический исход полета, если вдруг из-за повреждения взрывом лопнет какая-нибудь тяга управления. Но посадка «вне дома» делала вылет пустым, а риск неоправданным: если батарея сменит огневую позицию – надо будет искать ее снова. Мне или кому-то другому вновь придется играть со смертью.

Показался аэродром. Посадочная полоса оказалась свободной. Выпускаю шасси, и это меня ободряет: начинаю потихонечку снижаться. Внимание теперь сосредоточилось на одном: сделать так, чтобы «Ил» побежал по земле на скорости больше посадочной на целых пятьдесят километров, покатился без отскока, который мог бы его опрокинуть.

«Как только самолет коснется колесами земли, надо сразу же выключить мотор».

Не сомневаюсь, что посажу самолет, хотя раньше ни мне, ни кому-нибудь другому в полку не приходилось проводить такой эксперимент.

«Главное, сохранить спокойствие и рассудительность – только они могут спасти жизнь самолету и экипажу. Если покрывки колес не повреждены, все обойдется...»

Нажал на рычаг включения тормозов колес – тормозные камеры держат воздух. – Это уже удача... И все же: если пробита одна из покрывок, то разворот на пробеге не исключен, а тормоза для парирования разворота может не хватить.

«Ничего, тогда сразу беру шасси и положу «Илоху» на фюзеляж – вреда ему при ползании будет меньше, и нам с Петром безопасней».

– Стрелок!

– Слушаю, командир.

– Когда будем садиться, осложнения могут быть. Смотри, чтобы при резком торможении тебя не ударило затылком о бронеплиту, а по зубам – пулеметом.

– Понял. Как скажешь: «Садимся», я на пол кабины сяду, а пулемет в сторону выкачу. Придержу.

Подвожу самолет все ближе к земле, стараюсь поставить его колесами на нее почти из горизонтального полета. Наконец

почувствовал, что колеса коснулись земли, и тут же выключая мотор, рукой взялся за кран уборки шасси, настороженно вслушиваясь в поведение машины. Самолет пробежал метров триста, четыреста по прямой на колесах, а потом опустил хвост на заднюю опору.

Успокоился: покрышки были целы, а тормоза исправны...

Остановились. Самолету повезло — ломать его уборкой шасси не пришлось.

В наступившей тишине, в отсутствии рабочих вибраций, с удивлением ощутил, что все тело дрожит, а из глаз льются слезы. И понял — дрожь и слезы не от страха, а от резко наступившего облегчения, оттого, что пропала тяжесть физического и нервного напряжения.

«Ничего, пока подъедут люди, — это пройдет».

Вытерев рукавом пот и слезы с лица, открыл «фонарь», затем расстегнул привязные ремни и парашютные лямки и, поднявшись из кабины, сел на ее борт.

Прошла целая минута, пока из второй кабины показалась голова стрелка и его улыбающаяся физиономия. Убедившись, что Петр цел и невредим, прыгиваю с крыла на землю и ложусь на спину, разбросав руки и ноги в стороны и закрыв глаза: спину ломило, а дрожь

в руках и ногах не проходила. Сумел расслабиться, потряхивая мышцами. Слушаю тело и явственно ощущаю, как с него стекает в землю напряжение.

Услышал, как стрелок громынул сапогами по металлу крыла, его прыжок на землю, шаги и тревожный голос:

— Что с тобой, командир? Ранен?

Я открыл глаза. Потянулся, как после сна.

— Нет, целый! Просто отдыхал. Посмотрим пробоину. Молодец, «Илюха»...

Я нырнул под разбитое крыло: через пробоину виднелся большой кусок неба.

— Ремизов, иди сюда!.. Становись рядом!

Места в дыре хватило на двоих. Рваные лохмотья дюрала по краям пробоины пахли порохом и не помешали им встать во весь рост.

— Теперь видишь, что такое «Ил»? Любая другая машина потеряла бы крыло в воздухе. А эта — летать будет.

— Уразумел, командир. Спасибо Ильошину и рабочим за такую машину. Сколько раз она уже нас выручала, да и не нас одних...

Сказав это, он посмотрел в мое потное осунувшееся лицо и только тогда по-настоящему осмыслил, какую опасность мы пережили. Вспомнил, что

в случае удачной разведки планировался второй, уже групповой вылет. Непроизвольно спросил:

— Командир, еще полетим?

— Обязательно. И чем быстрее, тем лучше. Подъехал командир.

— Одинцов, вылезай!.. Рулить можно или нет?

— Можно. Мотор и тормоза исправны. А по-другому было не посадить.

— Вижу... Нашел?

— Разыскал пушкарей. Надо быстрее лететь.

— Тогда поехали к летчикам. Самолет без тебя уберут.

Через пятнадцать минут я вновь был в воздухе. Вел эскадрилью за Днепр, имея только одну задачу — уничтожить найденную батарею.

Линия фронта

Девятка «Илов» летела низко над землей. Мы получили разрешение на немой полет до цели и не взяли с собой истребителей на непосредственное прикрытие, чтобы они хождением над «Илами» не демаскировали группу. Истребители летели к линии фронта отдельно, обязавшись ждать моего возвращения из немецкого тыла западнее переправ через реку, чтобы помочь мне в случае необходимости в расположении своих войск.

Конечно, такой план взаимодействия был более сложен и рискован, но комэск и командиры полков знали своих летчиков и стрелков: надеялись, что десяток километров самостоятельного воздушного боя с «мессершмитами» «Илы» выдержат успешно.

Прошло около сорока минут после того, как батарея подбила меня. Торопился, не жалел моторов и выжимал из них последние силы. Меня беспокоил один вопрос: сменили ли зенитчики огневую позицию, или нет? Думал, сопоставлял, волновался и надеялся: за это время переехать в другое место не успеют. На новое место из-за одного сделанного залпа они не пересдут, тем более что он не докладывал по радио об их расположении. Батарейцы, должно быть, самонадеянны: маскируются хорошо, стреляют метко и мало, никто их тут еще не бил.

Промелькнул Днепр. Осталась позади линия фронта. Я покачал свой самолет с крыла на крыло, подал сигнал: «Перестроиться в колонну звеньев и снять оружие с предохранителей». Через несколько секунд стрелок доложил:

— Командир, эскадрилья в колонне. Воздух спокоен.

...«Илы» преодолевали последние километры ложного боевого курса. И я все сильнее

ощущал, как во мне нарастает напряжение. Ощущения были для меня не новы. Но сегодня я их чувствовал острее, чем обычно: летящая навстречу опасность неоднократно проявляла себя, а сегодня чуть не отобрала у них со стрелком жизнь, хотя, как казалось мне, я сделал все, чтобы самолет не встретился с залпом.

Состояние напряженной тревоги не подавляло мою волю, а заставляло действовать хитрее и внимательнее.

«Трудись, Миша! Старайся! За тобой люди. Доверяют тебе свои жизни, надеются на твой разум!»

Еще раз осмотрел пространство впереди: по ним никто не стрелял, ясная синева воздуха была пуста и прозрачна, а всхолмленная, перемежаемая перелесками местность в своем разнообразии прятала эскадрилью и глушила звук работающих моторов.

— Петя, как за хвостами?

— Чисто! Чужих самолетов и стрельбы не наблюдаю. Наши идут хорошо.

— Ладно!

Почувствовал в себе еще большую уверенность.

— Если батарея на прежней позиции, то идем мы для нее с полной неожиданностью, потому что стрельбой нас никто не демаскирует. Попрошают-

ся фрицы с жизнью, и пушечки их на металлолом пустим... Стрелок! Смотри за воздухом. Я займусь целью. Помни — два захода.

— Работай, командир!

Качнув машину, начинаю крутой левый разворот, после которого повел эскадрилью на юг. Стрелок докладывает, что последнее звено тоже вышло на новое направление. И когда до батареи осталось полтора-два километра, посылаю «Илы» в набор высоты. В этом полете нужны были не тысячи, а всего лишь триста-четыре сотни метров для окончательного визуального уточнения курса на цель, прицеливания, стрельбы в упор и бомбометания.

Самолет набрал около ста метров, и прямо по курсу я вижу высланные зелеными маскировочными сетями орудийные окопы, зенитные пушки и бегущих к ним людей. Убедившись, что вышел на цель точно, злорадно усмехнулся: по позиции бежали бывшие снайперы. Участь их была уже предрешена. Еще несколько секунд — и конец. Чтобы дезориентировать запоздалые действия батареи, короткими очередями повел стрельбу из пушек и в то же время передал по радио:

— «Горбыли», повторяю: Первый заход — пушки, пулеметы, бомбы серией! Правый

разворот! Второй заход — пушки, пулеметы, реактивные снаряды залпом!

Маскироваться и хитрить больше не было нужды. Начал готовиться к сбору бомб, рассчитывая серией перекрыть огневую позицию батареи, но в это время заработал пулемет стрелка.

— Что у тебя?

— Эрликон начал стрелять. Придушил.

— Скажешь, когда цель пройдет замыкающее звено.

— Прошли! Начали рваться бомбы.

— Группа, правый разворот!.. Небось, жарко фрицам...

Самолеты звена прошли по кривой разворота сто двадцать градусов, и я увидел за последним звеном полыхающее пламя взрывов: летела вверх земля и вместе с ней какие-то бревна, возможно, пушечные стволы. Стрелять прицельно в огромное облако огня и дыма было невозможно, но разгром требовалось закончить.

Уточняю задачу для подчиненных:

— Головное звено стреляет по центру взрывов, второе — по левому краю, замыкающее — по правой стороне! В дым не заходить! Широко не замыкаться!

Звенья друг за другом спикировали на огромный клуб ды-

ма, пыли и огня. Вогнали в него оставленные на второй заход реактивные снаряды. И, натужно воя двигателями, устремились на восток.

— Стрелок, все идут?

— Все, командир! Стрельбы по самолетам нет.

— Так-то!.. «Горбатые», из пушек и пулеметов стрелять по любому подозрительному кусту, пусть немчура полегит на брюхе, пока мы пройдем! Огонь прекратить по моей команде!..

Снайперская батарея больше не стреляла, другие — попадали в самолеты значительно реже. И стреляли зенитчики особенно плохо, когда «Илов» приходило на цель сразу много.

Заданная высота

*Что пулемет вертеть
без толку,
Хоть пулемет и уцелел,
Когда,
Свороченный осколком,
Ослеп оптический прицел.
Свистят снаряды,
А не ветры,
Дорога наша не проста.
Но тыща метров,
Тыща метров —
Нам заданная высота.*

*Чернеет над речным извивом
Моста
Нетронутый пролет —*

*В научьей свастике разрывов
Мы
Пробиваемся вперед.
Разрывы вспыхивают щедро
То у крыла,
То у хвоста...
Но тыща метров,
Тыща метров —
Нам заданная высота.*

*В пяти местах
Пробиты крылья,
Но мы —
Над взорванным мостом,
И, словно нас заговорили,
Мы невредимые идем.
Зенитки бьют изнемогая,
Но цель берут уже
Не ту,
И высоту не мы меняем —
Они меняют
Высоту...*

*Далек воздушный бой над Шпрее,
Но твердо понял я тогда:
Нет в жизни ничего вернее,
Чем заданная высота.*

Б. ДУБРОВИН

Николай Кирток

Н.Н. КИРТОК:
**Однополчане уже
считали меня погибшим.
Думали, сгорел
в воздухе**

Общий боевой налет Героя Советского Союза, летчика-аса Николая Киртока 252 часа, 210 успешных боевых вылетов, 1000 атак по наземным целям. Уничтожил большое количество боевой техники и живой силы противника. В воздушных боях сбил 6 самолетов, в том числе два истребителя ФВ-190 и Ме-109. Прошел боевой путь от Курской дуги до Берлина и Праги.

НАВСЕГДА врезалось в память моё боевое крещение. Шел июль 1943-го. Курская дуга. Жестокие бои на земле и в воздухе.

Боевое крещение

27 июля на рассвете я в группе восьми самолетов Ил-2 вылетел на свое первое боевое задание. Нужно было нанести удар

Я оказался в «мышеловке». Спустя некоторое время наши пехотинцы с трудом ползком добрались до места падения самолета и освободили меня от вынужденного плена.

по колонне танков, идущих в направлении Белгорода. Отлично потрудились наши летчики! После их бомбо-штурмовых ударов горели хваленые «тигры», «пантеры» и другие машины врага. Но немецкие зенитчики не дре-

мали, ведя усиленный, прицельный огонь по самолетам нашей группы.

Вот Ил-2, летевший рядом со мной, наткнулся на трассу зенитного огня и пошел к земле, волоча за собой столб дыма и огня. При следующем заходе на цель зениткой был подбит и мой самолет, он загорелся в воздухе. Двигатель работал с перебоями, и самолет терял высоту. Мне

с трудом удалось сбить пламя, но смертельная опасность пришла с другой стороны.

Штурмовики атаковали немецкие истребители, радиопередатчика на самолете не было, и я не мог вызвать

свои истребители на помощь. Самолет у меня был одноместный, поэтому задняя полусфера оставалась незащищенной. Длинная пушечная очередь прожгла самолет, кабина наполнилась дымом, двигатель замолк,

самолет, потеряв управление, упал на землю, содрогнулся от страшного удара, и наступила тишина. Удивительно, но сильный удар не причинил мне большого вреда. Очнувшись, я увидел, что вокруг самолета рвутся снаряды. Хотел выбраться из кабины, но фонарь заклинило. Я оказался в «мышеловке». Спустя некоторое время наши пехотинцы с трудом ползком добрались до места падения самолета и освободили меня от вынужденного плена.

Вернувшись на следующий день в полк, я узнал, что однополчане уже считали меня погибшим. Думали, что сгорел в воздухе. Они сами видели, как вражеские зенитки подбили мой самолет. В первом бою — и такая осечка! Начало, прямо скажем, ни к черту. В голову лезли разные мысли, одна другой мрачнее.

Товарищи за мою участь переживали: «Что с Николаем? Сел или нет? А вдруг погиб? Только не это! Только не плен!» Когда я вернулся, под крики «УРА!» меня дружно стали подбрасывать в воздух, затем по очереди обнимать! Вот каково было моё боевое крещение.

Жалко, не все мои боевые друзья дожили до светлого дня Победы. С Женей Алихновичем мы дружили с момента прибытия в полк. Женя погиб на вой-

Благодарность за взятие Берлина

не, он не стал выпрыгивать из горящего самолета, а направил его на зенитную батарею врага. Ему присвоили звание Героя Советского Союза. Дружба с Иваном Драченко продлилась до самой его смерти в 1995-м. Ваня — один из летчиков ВВС, награжденных тремя орденами Славы всех степеней и званием Героя Советского Союза. Не было среди нас моего лучшего друга Юрия Маркушина: он погиб, освобождая Польшу. Я не мог не зайти в этот день в дом Юры, на Ново-Басманную улицу. Там меня с нетерпением ждали его родители, сестра, друзья. С семьей Юры связана вся моя дальнейшая жизнь. Его сестра, в то время студентка Москов-

Николай Кирток (крайний справа) с боевыми друзьями

ского авиационного института, Розочка Маркушина в будущем стала моей женой. И вот уже много лет мы идем с ней рука об руку...

Как погиб «красноносый» штурмовик

В августе 1944 г. войска 1-го Украинского фронта после стремительного наступления вышли на рубеж реки Висла и, сходу форсировав ее, заняли плацдарм на западном берегу. Противник упорно сопротивлялся. Он подтягивал крупные группировки танков, в том числе тяжелых

«Тигр», «Королевский тигр», артиллерию бронетранспортеров, поддерживаемую крупными силами авиации (пикирующими бомбардировщиками Ю-87, истребителями ФВ-190, используемыми в качестве штурмовиков). Группами от двух до шестнадцати самолетов они наносили удары по боевым порядкам наших войск, стремясь сбросить их в реку Висла. Войска 1-го Украинского фронта поддерживала с воздуха 2-я Воздушная армия. При подходе к линии фронта я доложил на КП командира корпуса о том, что группа идет на отражение контратак фашистских войск в районе Коббеляны.

Наблюдая воздушную сферу, обнаружил, что в боевом порядке идет девятый, штурмовой нос у которого красного цвета. Я пофазно запросил: «Горбатый» с красным носом, ты чей?» Он молчит. Я подумал, что он оторвался от своей группы и не знает, как идти домой. Так часто случалось с молодыми бойцами. Однако, как потом выяснилось, я ошибся. Определив местоположение цели, даю команду летчикам о подготовке к атаке и о подходе группы непосредственно к линии фронта. Высота 1200–1300 метров. Пересекаю линию фронта с небольшой потерей высоты, увеличением скорости и небольшим поворотом вправо.

Слева и справа по курсу самолета черными шапками рвутся зенитные снаряды, а ещё через минуту трассы мелкокалиберной зенитной артиллерии скрещиваются вокруг боевого порядка штурмовиков. Даю команду: огнем реактивных снарядов и пушечными очередями подавить зенитную артиллерию противника. Огонь врага ослабевает. «Внимание! – говорю по радио. – Работать будем в боевом порядке «круг», приготовиться к перестроению!» И замыкаю круг. Каждый летчик самостоятельно выбирает себе цель для атаки бомбами, реактивными снарядами и пулеметно-пушечным огнем.

После нескольких заходов на цель с земли появились шесть столбов дыма. Это горели танки. Пехота противников залегла и оторвалась от танков. Мы выполнили семь заходов, я внимательно наблюдал за действиями каждого из них. На последнем заходе, выходя из этой атаки левым боевым разворотом, увидел, как смело обстреливает врага один из «горбатых», не обращая внимания на зенитный огонь, он пикирует на танки, и вот этот штурмовик загорелся в воздухе от попадания зенитного снаряда.

Летчик направил горящий самолет на скопление танков. На земле образовался огромный столб пламени и дыма. Так погиб наш штурмовик и, как выяснилось позже, это был тот самый «красноносый» штурмовик, пилотируемый командиром нашей 8-й ШАД подполковником А.С. Фетисовым.

Передав цель очередной группе штурмовиков, я вернулся на свой аэродром.

В результате удара нашей группой была задержана атака противника на этом участке фронта и уничтожено до десятка немецких танков и бронетранспортеров!

Солдатское братство

*Доверимся спасительности
братства,
Сломившего отчаяния тьму.
Но, если будешь ты меня
бояться,
Наверное, и жить мне
ни к чему.*

*Откройся весь бесстрашно
и подробно:
Моя рука солдатская
тверда.*

*Но, за себя сражаясь,
Я бы дрогнул,
А за тебя —
Не дрогну никогда.*

Б. ДУБРОВИН

Иван Цапов

И.И. ЦАПОВ:
**Памятный бой
в небе над Ладогой**

Зима 1941–42 годов была суровой и голодной: Ленинград находился в блокаде, а неприкосновенные запасы продовольствия были уничтожены в результате бомбовых ударов врага еще в августе. Город снабжался через Ладожское озеро кораблями, а в конце года по льду была проложена автомобильная дорога, которая получила название Дорога жизни.

НАС, летчиков, еще как-то более-менее кормили. Техники же голодали. Хорошо помню, как мой техник старшина Грицанко, высокий и тучный мужчина, просил меня принести из столовой корочку хлеба. Все мы были истощены.

...Снова летим на разведку по «кольцу»: Урицк—Гатчина—

Удар был на редкость удачным — эшелон с вооружением, техникой и людьми сошел с рельсов и рухнул с насыпи.

Веймарн—Котлы—Ораниенбаум. Летим на бреющем, 30–40 метров. Еще на земле договорились, что на мелочи размениваться не будем, атаковать нужно только крупную цель. На перегоне между Веймарном

и станцией Волосово увидели большой железнодорожный состав. На моем самолете стояли «эрэсы». Я выпустил все четыре залпом, целясь в паровоз. Удар был на редкость удачным — эшелон с вооружением, техникой и людьми сошел с рельсов и рухнул с насыпи. Еще в нескольких заходах мы бьем из пулеметов по вагонам и платформам.

При возвращении на свой аэродром случилось сильнейшее обледенение. На моей машине правые крылья вели себя так, словно собирались сложиться. Садиться пришлось «на газу», то есть на повышенной скорости, иначе тяжелая машина неминуемо свалилась бы в штопор. При посадке лопнула стальная расчалка. Ребята тоже сели без аварий.

...14 февраля 1943 года моя шестерка ЛаГГ-3 находилась на боевом дежурстве. Звучит сигнал тревоги, и мы поднимаемся в воздух. По радио получили задачу и направились в район Сиявинских высот. Противник стремится нанести эшелонированный удар тремя группами Ю-88 и Ю-87, под прикрытием 8 истребителей Ме-109ф и ФВ-190. Всего до 50 самолетов. Его группы подходят к линии фронта в районе Колпино—Красный Бор—Степановка—Никольское. Атакуем сверху первую группу и заваливаем трех «юнкерсов». Последовательно идем на вторую и третью группы. Лобовая атака трех групп была весьма эффективной. Нам удалось расстроить боевой порядок групп, а после того как были сбиты несколько бомбардировщиков, среди уцелевших началась паника.

Повторные атаки нашей шестерки по «юнкерсам» были такими же непрерывными и стремительными, с точным учетом метеоусловий в районе боя и нахождения солнца (относительно врага) в период атак. Немцы не ждали, что мы, шестерка истребителей, пойдем на такой риск. Бомбардировщики начали беспорядочно сбрасывать бомбы на свои войска, разворачиваться и уходить. Группа прикрытия не могла по-

нять, что происходит, так как метеоусловия не позволили создать активное сопротивление. Отход врага был беспорядочным, будто у захлебнувшегося пловца, который уже сам не понимает, куда плывет.

Главное, что бомбардировщики были рассеяны и сбросили бомбы бесприцельно. Восемь бомбардировщиков и истребитель противника встретились с землей. Из упавших три Ю-87 достались на мою пару. Но самое главное — мы не потеряли ни одной своей машины и в полном составе возвратились на свой аэродром.

Этот бой мне памятен еще тем, что он попал в сводку Совинформбюро. Когда я приехал в Москву, сестра Клава и ее зять Володя мне сообщили, что слышали мою фамилию по радио.

* * *

*К стеклам бинокля плотнее
прижмись,
Чтоб впереди разглядеть
Линию ту, где кончается
жизнь
И начинается смерть.*

*...Смерть забывь,
ты ползешь в кустах
Медленно, но — вперед,
К линии, где кончается
страх
И подвиг начало берет.*

Б. ДУБРОВИН

Сергей Решетов

С.Н. РЕШЕТОВ: **При второй попытке ни одна лодка с десантом к своему берегу не вернулась**

В условиях непрерывного наступления осенью и зимой 1942-43 гг. о личной гигиене мы и не думали. Ни зубных щеток, ни одеколонов, ни кремов у нас не было. В лучшем случае в вещевом мешке можно было найти кусочек мыла. В бане не мылись месяцами. Белье нижнее сменяли, когда оно начинало на теле расплзаться. Ни о какой стирке и речи не было. Через 2-3 месяца пребывания на фронте нас начали заедать вши.

Их было так много, что иногда в минуты загибая ими забавлялись. Так, играли на скорость, кто быстрее в слепую достанет вшу из подмышки. Рекордсменом был курсант Коля Аистов, который умудрялся иногда достать сразу две.

Гады-воши грызли нас

Вши особенно начинали беспокоить, когда попадали в теплое помещение. Помню, мы где-то на отдых зашли в избу. Была зима, на улице снег и холодно. А в помещении жарко натоплено. Через некоторое время я не мог усидеть — так грызли меня вши. Я выскочил на улицу, снял нательную рубашку и затолкал ее в снег. Потрусив гимнастерку, надел ее на голое тело. Ста-

ло легче. Вши были не только в нательном белье, они ползали и по гимнастеркам. Был такой случай. В конце января 1943 года мы освободили г. Армавир. Последовала команда — остаемся до утра на отдых. Мы вторым, Алексей Баранов, Володя Барбашев и я попали на ночлег к гостеприимной хозяйке. Когда мы сняли шинели, она посмотрела на нас и ахнула. На гимнастерках, прямо поверху видны были вши. Она быстро схватила старинный чугунный утюг, насыпала в него горячих углей, а нам сказала: «Снимайте, сынки, все!». И быстро начала шуровать раскаленным утюгом по нашим гимнастеркам и нательным рубашкам. Трудно поверить, но из-под утюга шел треск.... А потом, как могла еще и баню устроила нам. Какое же наслаждение мы получили в тот

день. Весной 1943 года, когда потеплело, стали от них избавляться. Прямо под кустиками, где-нибудь у речушки или пруда устраивали баню, а все белье, вплоть до шинелей, закладывали в самоделки – вошебойки. В большой железной бочке с одной стороны вырезали дно, наливали в нее немного воды и ставили на костер. На вмонтированную в бочку решетку закладывали обмундирование и плотно укрывали брезентом. Горячим паром убивало все живое. Так постепенно избавились от

Вши были не только в нательном белье, они ползали и по гимнастеркам.

паразитов. Испытывали трудности и другого порядка. Как известно то, что было положено солдату, пехотинец нес на своих плечах. Автомат или винтовка, два снаряженных диска, запас патронов до 500 штук, саперная лопатка, котелок, кружка и ложка и всегда флажка с водой. На больших переходах всегда сопутствует жажда попить. В вещевом мешке непременно старались иметь запасные портянки, кусочек мыла и, если была возможность, что-нибудь пожевать. Да мало ли что могло оказаться в мешке солдата. А летом, хотя и жарко, но неиз-

менно через плечо шинельная скатка. Ведь на отдыхе солдат шинель подстилал и шинелью укрывался. И все это если перевести на язык веса – составляло не менее 16 кг. Передвигаться приходилось или ползком по-пластунски, или короткими перебежками под воздействием огня противника, или совершая марш от 15 до 50 км в сутки, на протяжении всего пребывания на фронте, от Кавказских до Альпийских гор.

Все, о чем я рассказал, было свойственно пехоте. Другие рода войск находились в более выгодных условиях, имея возможность положить свои вещи на повозку, оружейный лафет, машину, танк или другие средства передвижения, имевшиеся в их распоряжении. Таких трудностей, как пехота, ни один род войск не испытывал. И, слава Богу!

В феврале-марте 1943 года войска испытали страшную распутицу на Кубанских дорогах. Было трудно вытащить ногу из грязи. Пока одну вытаскиваешь, вторая погружалась в нее. Практически прекратился подвоз боезапаса и продовольствия. Лошади не справлялись с повозками, колеса тонули в грязи по самую ось. О машинах вообще речь не шла. К артиллерийским упряжкам подстегивался

весь оружейный расчет. Для доставки боезапаса использовали местных жителей – женщин и подростков. От села до села, они несли на своих плечах по одному снаряду к 76 мм, или по два к 45 мм орудиям. По две недели интенданты не давали нам положенный паек хлеба, сахар. Отставали походные кухни, вынуждены были переходить на подножный корм.

На полях Кубани находили скошенную, но не убранный рисовую солому. Сами в ступах, приспособленных из крупных гильз, обмолачивали, веяли и варили в солдатских котелках. Из земли извлекали корнеплоды из сахарной свеклы и приспособились варить их в железных коробках из-под немецких противогаров. Противогар выбрасывали, а в железную коробку укладывали нарезанную кусочками свеклу. Коробка плотно закрывалась и бросалась в костер. Не было и соли. Воду пили из любой лужи, которая попадалась на пути. Иногда выручали нас местные жители, но не все. Многие из Кубанского казачества относились к нам негативно. Почему – трудно сказать? Наверно не очень уважали Советскую власть, которую мы им возвращали. Но что удивительно. При всем том, что мы испытывали – и вшей, и грязь, и холод, и го-

лод – люди на фронте практически не болели. Держались за счет обостренного психологического напряжения.

Переправа через Дунай

Решением командира батальона начать переправу должна была первая рота. Я командовал третьей ротой, и мы ждали своей очереди.

На каждую лодку размещали по десять человек десанта и по два сапёра на вёсла, в задачу которых входило высадить десант и возвращать лодки для переправы очередных групп. Около 23 часов 8 ноября первая группа приступила к выполнению боевого задания. Основная трудность состояла в том, что, прибыв на место, в село Бездан, когда уже стемнело, мы не смогли изучить ни условия переправы, ни сил противника. А между тем в этом месте Дунай был хоть и не очень широким (триста – четыреста метров), но имел сильное течение, и управлять лодкой, имеющей два весла, было трудно. Надеялись на внезапность, но противник вскоре обнаружил десант и, освещая лодки ракетами, открыл по ним прицельный огонь. Ни одной из лодок достичь берега противника не удалось. Понесся большие по-

тери, уцелевшие лодки, разбросанные на значительное расстояние, возвратились к своему берегу.

Предстояло повторить форсирование. Но перед этим произошел неприятный инцидент. Действовавший в то время в армии орган Смерш в том, что ни одной лодке не удалось достичь берега противника, усмотрел трусость сапёров, сидящих в лодках за вёслами. Были «назначены» виновными два сапёра, которые и были преданы суду. Собрали личный состав полка, и суд в течение нескольких минут вынес приговор: «За трусость, проявленную при форсировании, — виновных расстрелять». После этого начали вторую попытку переправы. Мне неизвестно, расстреляли их или это был просто психологический акт воздействия на сапёров. Могу только подтвердить, что при второй попытке ни одна лодка с невысаженным десантом к своему берегу не вернулась...

В послевоенные годы мне посчастливилось побывать с визитом дружбы на многострадальной земле Югославии, пройти дорогами боёв по Дунаю от Измаила до Вены на кораблях Черноморского флота. На фарватере реки плавно опускали матросы на воду венки в память о тех многих героических бойцах, ко-

го поглотила речная стремнина с таким поэтическим названием — Голубой Дунай. На высоте, где в 1944-м десять дней бушевал огонь и металл, стоял тридцатипятиметровый памятник. Гранитную колонну из белого доломита венчает бронзовая фигура женщины, олицетворяющей Победу, с опущенным мечом и поднятым факелом. На памятнике надпись: «Павшим воинам героической Красной Армии. Народы Югославии». Под памятником — братская могила, в которой захоронены 1297 советских солдат и офицеров. Многие десятки без вести пропали при форсировании в пучине речной. В местечке Бездан был создан музей, посвященный этой битве. Есть там и мой портрет с подписью — Герой Советского Союза Сергей Решетов.

Не ради славы

*Была вся наша молодость
атакой*

*Не для того,
Чтоб ею поразить.*

*И не настолько нищи
мы отвагой,*

*Чтоб за неё отличия
просить.*

*Отцы
Все наши силы до предела
Отдать свободе
Завещали нам.*

*Но не настолько смелость поредела,
Чтоб звать героев всех по именам.*

*И мы ледок форсировали ломкий,
Когда по нам
Хлестали пули вкось,
Не для того, чтоб знали нас потомки,
А для того,
Что б лучше им жилось...*

Б. ДУБРОВИН

Сергей Романовцев

С.Д. РОМАНОВЦЕВ: Ключ от Берлинских ворот нам сбросили с неба

16 апреля 1945 года войска 1-го Белорусского фронта начали наступление на Берлин. Приятным сюрпризом в этот день стал поступок летчиков штурмовой авиации. Пролетая над нашими позициями, они сбросили букет цветов, огромный ключ и записку со словами: «Гвардейцы-друзья, к победе, вперед! Шлем вам ключ от Берлинских ворот. С вами авиаторы-гвардейцы генерала Белявина».

КЛЮЧ оказался точной копией ключа от Берлинских ворот, добытого русскими еще при взятии Берлина в Семилетнюю войну 1756–1762 гг. Помню, восторгу солдат не было предела. Мы все считали это событие знаковым. Иначе оценить такой подарок было невозможно.

В Берлинском сражении мне довелось участвовать сразу же после возвращения из госпиталя 8-й гвардейской армии в городе Зомменбург, где я лечился в связи с ранением и контузией, полученными в ходе боев за расширение плацдарма за рекой Одер.

Наступавшим солдатам и офицерам первых линий, как правило, мало что было известно о развитии операции. До нас доходили только слухи.

В серой утренней дымке вдруг загрохотало, заревело непрерывным гулом вначале на нашей передовой, а затем у врага. Где-то вздыбилась земля, почернел небосвод. А в небе в три этажа наши самолеты. Внизу непрерывная карусель наших истребителей и штурмовиков, над ними длинной

«Замок Берлина» хвастливо называла фашистская пропаганда Зееловские высоты.

цепочкой заняли небо бомбардировщики, а совсем высоко гудят тяжелые самолеты, и бомбы у них видно солидные, да и летят они куда-то подальше. Гудит, ревет и земля, и небо. А мы ждем команды «Атака!».

Настроение праздничное — впереди Берлин. Вот и команда! Мой родной 266-й гвардейский стрелковый полк, в

Юрий Зарудин

Ю.Ф. ЗАРУДИН: В течение трех суток батальон держал плацдарм

В начале июня 1941 года по комсомольской путевке я был направлен в Грозненское военно-пехотное училище, а в конце декабря того же года уже стал командиром взвода в 58-й стрелковой дивизии. Она вошла в состав 50-й армии Западного фронта и принимала участие в Московской битве.

С ФЕВРАЛЯ 1942 года и до конца войны я был на фронте в пехоте на переднем крае, на удалении от немцев в среднем 250 метров, а при форсировании рек – до 100 метров, и постоянно под прицелом противника! Мне довелось принимать участие в шести фронтовых операциях:

- Ржевско-Вяземской (январь-апрель 1942 года),
- Оршанской (октябрь-ноябрь 1943 года),
- Белорусской операции «Багратион» (июнь-август 1943 года),
- Восточно-Прусской (январь-февраль 1945 года),
- Восточно-Померанской (февраль-апрель 1945 года),
- Берлинской (апрель-май 1945 года).

2 октября 1944 года наша 33-я армия вступила в пределы многострадальной Белоруссии. Наша армия вела бои в

районе белорусского села Ленино. В составе армии была Первая Польская пехотная дивизия имени Костюшко, которая формировалась в Рязанской области в Сельцах. Поляки воевали очень смело. Я был командиром стрелковой роты и воевал вместе с ними, за что позднее был награжден польским правительством «Крестом за храбрость». Наша дивизия была направлена под город Орша. В течение октября-ноября армия трижды пыталась овладеть Оршей. Мы освободили от фашистов несколько сел в Дубровенском районе Витебской области. Я воевал в 835-м стрелковом под командованием майора Хомуло М.Г., который приказал в течение ночи овладеть селом Хатоги. Сложность была в том, что мы должны были атаковать немцев без артиллерийской поддержки, подойти бесшумно, без освещения мест-

ности. Немцы были заняты оборудованием позиции на восточной окраине села. Наша атака должна была пройти без криков «Ура!» с огнем из всех видов стрелкового оружия в упор... Моя рота наступала в центре боевого порядка батальона. Мы успешно атаквали, рота блокировала школу и церковь. К утру комбат был ранен, и я, доложив об этом командиру полка, принял командование батальоном. Позже майор Хомуло предста-

На плацдарме остался один батальон под моим командованием. В течение трех суток мы держали плацдарм.

вил меня к званию Героя Советского Союза: «Лейтенант Зарудин, командуя 8-й ротой в этом ночном бою, проявил не только личную храбрость и мужество, но и распорядительность, умение действовать дерзко и решительно. Его рота первой поднялась в атаку и первой ворвалась в деревню. Только она уничтожила около сотни немецких солдат и офицеров, взяла в плен около 40 человек, трех младших офицеров, одного майора — командира немецкого батальона».

Я уточнил задачу каждой роте, и мы, продолжив наступление западнее села, овладели высотой, а затем, ударив

во фланг немцам, отразили их контратаку.

В Белоруссии мне довелось воевать в четырех областях из шести: Витебской, Могилевской, Минской и Гродненской. 16 июля наша дивизия подошла к Гродно. Наш 459-й стрелковый полк вошел в город и получил приказ 17 июля форсировать реку Неман и развивать наступление в сторону государственной границы. Батальон форсировал реку на вос-

ходе солнца, завязался бой за деревню Бяла Костельна. В середине дня немцы нанесли контрудар по нашей дивизии. Я отвел батальон по оврагу к реке Неман и занял оборону на высоком берегу. Во время контратаки немцев мы отсекали пехоту от танков огнем, а истребители подбили 4 немецких танка. В течение трех суток батальон держал плацдарм.

В ночь на 19 июля соседний полк, покинув крепость, которая находилась рядом, эвакуировал раненых, переправляя их через реку. На плацдарме остался один батальон под моим командованием. Нас поддерживала артиллерия с восточного берега. Все контратаки немцев мы успешно отражали, но в ночь их группа в количестве около 100 человек пред-

приняла попытку обойти наш батальон с фланга. Мы рассмотрели этот вариант и нанесли немцам огневой удар с высокого берега. С большими потерями враг бежал.

Удерживаемый нами плацдарм обеспечил нашей дивизии возможность форсирования, наведение моста и переход в наступление к нашей государственной границе. Наступление продолжалось, и 25 июля 1944 года наша дивизия вышла на рубеж государственной границы.

В конце декабря 1944 года мы встретили Новый год на переднем крае, в 150 метрах от фашистов на Ротанском плацдарме. 14 января 1945 года после двухчасовой подготовки в наступление пошел 2-й Белорусский фронт. В начале февраля наш батальон вел бои на территории Пруссии. К 7 февраля нашу дивизию в составе 49-й армии сосредоточили в излучине реки Вислы. Утром после форсирования реки началось наступление на город Данциг. Каждый населенный пункт брали с боем. 25 марта овладели городом Олива.

Во время этих событий я получил награду — орден Отечественной войны Первой степени. А дивизия за участие в овладении городом Данциг была награждена Орденом Суворова II степени. Наши войска в боях

на территории Польши потеряли 600 тысяч человек, свои головы сложили 43 Героя Советского Союза.

Уже спустя 60 лет после тех событий, в 2004 году мне довелось в составе делегации быть на праздновании юбилея освобождения Белоруссии. Проезжая по знакомым местам, я порой испытывал очень волнительные моменты, когда в памяти всплывали образы времен войны: одинокие руины освобожденных сел и городов, героизм однополчан. И было очень отраднo увидеть красиво и чисто обустроенную мирную жизнь Белоруссии, освобожденной более полувека назад солдатами, завоевавшими Великую Победу.

Бабочка

*Властвует орудие
в развалинах,*

*И на нем
(Иль показалось мне)
Балериной
В пачке накрахмаленной
Бабочка порхает по броне.*

*Словно тонкой кистью
нарисованный,
Контур обозначился едва:
На громаде
Черной
Бронированной
Крыльев обреченных
Кружева.*

*Вдруг снарядный ящик разрывается,
Гибнет все...
Ни грома, ни огня.
В рыхлый дым,
Как в землю, зарывается
Конченная рваная броня.*

*И в небесном опустелом зеркале
Ни земли,
Ни города,
Ни вод...
Только
Над броню исковерканной
Бабочка
Бессмертная
Плывет.*

Б. ДУБРОВИН

Марк Максимов

Борис Дубровин

О БОРИСЕ ДУБРОВИНЕ И МАРКЕ МАКСИМОВЕ:

**С обложкою картонною
тетрадка со мной
испешеходила войну...**

В заключение нашей книги несколько слов о фронтowych поэтах, стихотворения которых мы использовали в качестве поэтического послесловия к интервью ветеранов.

У ДИВИТЕЛЬНО трогательные, искренние и одновременно сильные и глубокие строки Бориса Дубровина и Марка Максимова, затронув самые чувственные струны души, настолько впечатляют, что из читателя мысленно становишься соучастником тех великих событий. И это не случайно.

Борис Дубровин — один из тех, кто через всю войну шел к победному маю 1945-го. Семнадцатилетним юношей он ушел добровольцем на фронт в пехоту, потом летал на самолете воздушным стрелком. С 1-м Белорусским фронтом участвовал в освобождении Варшавы, во взятии Берлина. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями за освобождение Варшавы и за взятие Берлина, польскими медалями.

Во время афганской войны Борис Дубровин вместе с артистами выступал под обстрелом. А под песню на его стихи «Путь домой» наши войска выходили из Афганистана.

Дубровин — автор около 40 сборников стихов и прозы, в том числе они изданы в Югославии, Польше и Германии. На

его стихи написаны популярные песни известными композиторами Б. Александровым, Е. Птичкиным, О. Фельцманом, Ю. Антоновым, В. Шаинским, Д. Тухмановым, Е. Спас, И. Крутым и многими другими.

Биография **Марка Максимова** очень драматична. В мае 1941 году, после окончания Киевского педагогического института, ушел в армию. Войну начал 22 июня 1941 года. Был контужен, попал в плен, затем немецкий концентрационный лагерь, откуда бежал, практически заживо был похоронен в белорусских лесах.

Три года воевал в Особом партизанском соединении, был политруком конной разведки. В глубоком подполье редактировал партизанскую многотиражную газету «Смерть врагам!». В самом конце войны стал фронтовым корреспондентом газеты «Гудок».

Марк Максимов — автор многих книг стихов, прозы, публицистики. Его стихи выбиты на нескольких военных памятниках. По его сценарием снято несколько документальных фильмов и два художественных: «Лично известен» и «26 Бакинских комиссаров».

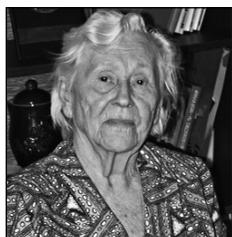
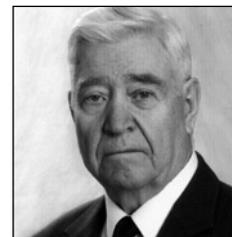
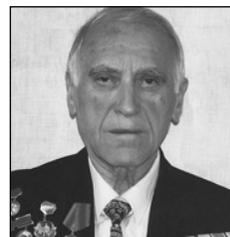
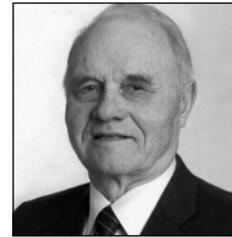
ЛИЦА ПОБЕДЫ ФОТОГАЛЕРЕЯ

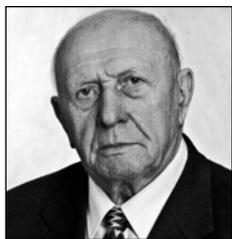
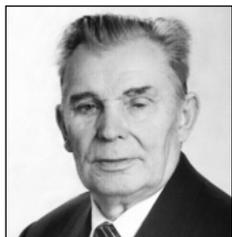
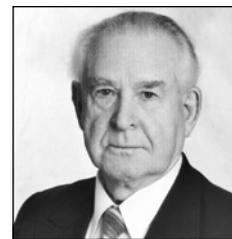
***

*Привычная уступчивость забвенья,
Забывчивость преступностью полна:
Коль памяти не хватит поколеньям
То хватит их, как обухом, — война.*

Б. ДУБРОВИН

N.V. Попова***Ю.А. Колесников******С.Ф. Долгушин******Б.В. Кравцов******В.А. Хоменко******Б.И. Карасёв******А.М. Фадин******П.Е. Брайко******М.П. Петрова******Т.М. Иванова******В.Н. Греков******П.П. Невежин******А.М. Матвиенко******А.Н. Азаров******И.Е. Рыжков******А.Д. Амаев******А.П. Волошин******Е.Б. Пасько***

V.I. Шибанов***B.A. Рунов******E.I. Демина******N.S. Булычев******I.P. Мартынов******A.N. Ефимов******I.I. Цапов******L.S. Логинов******S.A. Сомов******E.I. Балашов******S.N. Решетов******S.D. Романовцев******B.S. Дубровин******A.I. Выборнов******I.F. Рубцов******V.A. Данилов******M.P. Одинцов******Yu.F. Зарудин******S.M. Крамаренко******L.N. Пономаренко***

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	3
ПОМНИТЬ И БЫТЬ ДОСТОЙНЫМ. ИНТЕРВЬЮ	
Н.В. ПОПОВА:	
Нас называли ночными ведьмами в небе над войной.....	5
Ю.А. КОЛЕСНИКОВ:	
Под грифом «секретно», или как работали советские разведчики.....	10
С.Ф. ДОЛГУШИН:	
Самое страшное, когда теряешь боевых друзей.....	15
Б.В. КРАВЦОВ:	
После всего пережитого ничего страшнее уже не может быть.....	20
Б.И. КАРАСЁВ:	
Три раза хоронили заживо, а я выжил всем смертям назло.....	25
Д.В. КАПРИН:	
У немцев все на колесах, а у нас волоком по грязи.....	31
А.М. ФАДИН:	
Если бы мы боялись смерти, не было бы нашей Победы.....	36
П.Е. БРАЙКО:	
Немцы из себя милосердных строили.....	42
Л.Н. ПОНОМАРЕНКО:	
Больно было видеть, как умирают наши товарищи.....	50
С.М. КРАМАРЕНКО	
Нас было восемь. Уцелел я один.....	55
И.Е. РЫЖКОВ:	
Приходилось воевать за каждый дом, за каждый этаж!.....	63
В.А. ДАНИЛОВ:	
У нас даже вопроса не возникало, почему мы воюем.....	69
А.Т. САВИЛОВ:	
В освобожденных городах немцы с цветами встречали наших солдат.....	73
Т.М. ИВАНОВА:	
Когда враг подошел к Москве, тяжело было слышать голос Левитана.....	77
В.Н. ГРЕКОВ:	
Оккупанты относились к мирным жителям как к рабам.....	82
Д.З. САБИТОВ:	
В подарок другу – самолет врага и... орден.....	86

К.М. ОЛЬХОВА:	
Выжить вопреки. Работал один инстинкт – спастись.....	89
В.А. ХОМЕНКО:	
Мне цыганка нагадала смерть на фронте, а я до сих пор жив.....	96
И.Г. КУВЫРДИН:	
Тогда не было так страшно, с годами становится больше и горче за тот плач.....	102
А.Д. АМАЕВ:	
Берия приказал: «Костями лечь, а немцев в Грузию не пропустить!».....	107
П.П. НЕВЕЖИН:	
Оборонялись двое суток в ледяной воде.....	112
А.М. МАТВИЕНКО:	
В 18 лет пришлось стать командиром.....	117
А.Н. АЗАРОВ:	
Мы верили в то, что наш народ непобедим. И эта вера помогала.....	122
М.П. ПЕТРОВА:	
Некогда было бояться и жалеть себя.....	126
А.Д. ГРИГОРЬЕВ	
Усыновил немецкого мальчика в поверженном Берлине.....	131
А.М. ЩЕМЕЛЕВ:	
Я сам себе тогда не раз говорил: «Зачем ты только меня, мать, родила?!».....	135
В.М. КАРПОВА:	
Голодно было очень. Мы траву ели... Но выжили!.....	138
ВНУКАМ И ПРАВНУКАМ О ПРАВДЕ ВОЙНЫ. ВОСПОМИНАНИЯ	
А.П. ВОЛОШИН:	
Награжден Золотой звездой Героя Советского Союза и «Серебряной Звездой» Президента США.....	142
Е.И. БАЛАШОВ:	
Ахтунг, Ахтунг! В воздухе король Черной смерти!.....	150
А.И. ВЫБОРНОВ:	
Летчики успевали просчитать каждый маневр своей израненной крылатой машины, чтобы выжить и победить.....	157
И.Ф. РУБЦОВ:	
О том, как наши летчики ослушались приказа Сталина и отправили телеграмму лично главнокомандующему.....	171
Е.Б. ПАСЬКО:	
Нередко летчицы от усталости сами не могли выйти из кабины самолета.....	178

В.И. ШИБАНОВ: Весь в крови, я из последних сил зажал пробитый бак перчаткой и посадил самолет на одно колесо.....	186
Б.А. РУНОВ: Получил Звезду Героя в последние дни войны.....	190
Е.И. ДЕМИНА: Записалась в добровольцы в пятнадцать лет.....	196
Н.С. БУЛЫЧЕВ: Горжусь, что я первым разменял счет подбитым «тиграм».....	201
И.П. МАРТЫНОВ: Самым тяжелым был бой в день падения Берлина.....	205
М.Ф. МАРЬЯНОВСКИЙ: Знаете ли вы, что значит встать из окопа в полный рост и под огнем противника устремиться в атаку?.....	211
А.Н. ЕФИМОВ: На фронте оценивают и выдвигают не по возрасту и званиям....	217
Л.С. ЛОГИНОВ: За один бой наш экипаж уничтожил 24 немецких танка.....	224
С.А. СОМОВ: Только спустя 50 лет после Победы Указом Президента России мне было присвоено звание Героя.....	230
М.П. ОДИНЦОВ: Воздушная дуэль в небе над Днепром.....	238
Н.Н. КИРТОК: Однополчане уже считали меня погибшим. Думали, сгорел в воздухе.....	253
И.И. ЦАПОВ: Памятный бой в небе над Ладогой.....	259
С.Н. РЕШЕТОВ: При второй попытке ни одна лодка с десантом к своему берегу не вернулась.....	262
С.Д. РОМАНОВЦЕВ: Ключ от Берлинских ворот нам сбросили с неба.....	268
Ю.Ф. ЗАРУДИН: В течение трех суток батальон держал плацдарм.....	272
О БОРИСЕ ДУБРОВИНЕ И МАРКЕ МАКСИМОВЕ: С обложкою картонною тетрадка со мной испешеходила войну.....	277
ЛИЦА ПОБЕДЫ. ФОТОГАЛЕРЕЯ.....	279

К 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне газета «Аргументы недели» совместно с Ассоциацией общественных объединений города-героя Москвы и Советом ветеранов Министерства иностранных дел РФ издали уникальную книгу о Великой Отечественной войне.

Впервые в России опубликован перевод книги Хельги Кёпштайн «Памятники советским воинам в Берлине».

Издание – подарочное и не предназначено для продажи. Оно будет вручено участникам праздничных мероприятий 9 мая, подарено учебным заведениям, воинским частям и библиотекам.

**ГОВОРЯТ ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ.
ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ**

**Сборник интервью и воспоминаний
участников Великой Отечественной войны**

Авторский коллектив

**Сергей Крамаренко, Елена Зенина, Елена Козина,
Евгения Карманова, Ольга Калесник, Екатерина Курбангалеева,
Сергей Лепешкин, Елена Курбатова, Павел Кириллов, Айгуль Сабитова,
Екатерина Курмышева, Евгения Кинтушева, Анна Захарова,
Эльвира Ислямова, Валерия Дзыга, Мария Карпова**

Ответственный редактор

Камиль Феткуллин

Художественный редактор

Марина Зенина

Технический редактор

Александр Казарин

Корректоры **Марина Максимова, Ирина Новожилова**

Дизайн обложки **Роман Хапилин**

Компьютерная верстка **Юлия Токарева**

Подписано в печать 07.04.2010 г.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Newton».

Печать офсетная.

Бумага газетная. Усл. печ. л. 9,9.

Тираж 30 тыс. экз. Заказ №

Отпечатано на ОАО «Нижеполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 3